

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

НИЖНИЙ НОВГОРОД

N I Z H N Y N O V G O R O D 5 (2 8) / 2 0 1 9

ИГОРЬ
ЧУРДАЛЁВ
Нижний Новгород

4

ЛИДИЯ
ТЕРЁХИНА
Пенза

11

ДИАНА
КАН
Оренбург

19

ОЛЕГ
МАКОША
Нижний Новгород

23

АЛЕКСАНДР
БОБРОВ
Москва

91

ЕВГЕНИЯ
РИЦ
Нижний Новгород

97

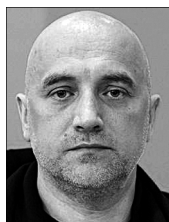
ИРИНА
ГОРЮНОВА
Москва

104

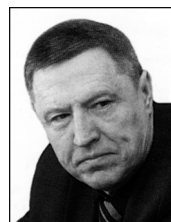
МИХАИЛ
СТРИГИН
Челябинск

130

ЗАХАР
ПРИЛЕПИН
Нижний Новгород

154

ПЁТР
РОДИН
Воскресенск
Нижегородской обл.

165

ОЛЕГ
ЗАХАРОВ
Кстово
Нижегородской обл.

168

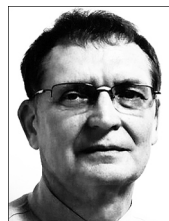
НИКОЛАЙ
БЕНЕДИКТОВ
Нижний Новгород

171

ВЛАДИМИР
ГОФМАН
Нижний Новгород

180

ВЛАДИМИР
КУТЫРЁВ
Нижний Новгород

183

МАРИНА
КУЛАКОВА
Нижний Новгород

234

16+

В НОМЕРЕ

Поэзия

Игорь ЧУРДАЛЁВ ВСЁ ПОЁТ – И КАЖДЫЙ НЕ НАПРАСЕН...	4
Лидия ТЕРЁХИНА Я ТАМ БЫЛА	11
Евгений ВИТЧЕНКО КАК ТЫ СЕРДЦЕ НЕСЛА К АЛТАРЮ....	15
Диана КАН МНЕ ЗА ПОБЕДУ ОПРАВДАТЬСЯ НЕЧЕМ...	19

Проза

Олег МАКОША ЗАПИСКИ ДВОРНИКА	23
--	----

Поэзия

Александр БОБРОВ ЖИЗНЬ ТЕЧЁТ, ПРОНИЗАННАЯ СВЕТОМ....	91
Евгения РИЦ А ЛИСТ ПОДНИМАЛСЯ ДО НЕБА, А ПОСЛЕ СПУСКАЛСЯ НА НЕБО...	97
Константин КОМАРОВ МИР ТАЕТ, КАК АНГЕЛ СУСАЛЬНЫЙ....	100
Ирина ГОРЮНОВА ЮРОДСТВОМ ОТМЕЧЕНЫ НЫНЕ ТВОИ ОБРАЗА.....	104
Андрей КРЮКОВ РАСКРАШЕННОЕ КИНО	108

Проза

Олег РЯБОВ ИНТЕРЕСНАЯ ДАМОЧКА	112
Роман РЕДИСОВ ПРОШЛОЙ НОЧЬЮ	123
Михаил СТРИГИН СХИЗИС	130
Александр БАБИН РАСПАД	141
Алексей УЛИТИН НЕЖДАННЫЙ ГОСТЬ	152

Из будущих книг

Захар ПРИЛЕПИН ЕСЕНИН. ОБЕЩАЯ ВСТРЕЧУ ВПЕРЕДИ. <i>Фрагменты</i>	154
---	-----

Стихи по кругу

Алексей АНТОНОВ	164
Пётр РОДИН	165
Валерий РУМЯНЦЕВ	166
Наталья ДВОРЯНКИНА	167
Татьяна КЛОКОВА	167
Таисия ДЕМИДАНОВА	168
Олег ЗАХАРОВ. Пародии	168

Навстречу 800-летию Нижнего Новгорода: эпохи, судьбы, факты

Николай БЕНЕДИКТОВ ЖИЛА БЫ СТРАНА РОДНАЯ... Наброски к собирательному портрету нижегородца	171
Владимир ГОФМАН СИЯ ПЕРВАЯ ЦЕРКОВЬ	180

Публицистика

Владимир КУТЫРЁВ МИР И ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫХ МЫ ТЕРЯЕМ	183
Олег РЯБОВ И ВСЕ ЖЕ ЛИТЕРАТУРА	200
Екатерина ЗВЕРЕВА ПОЧЕМУ МЫ СТАНОВИМСЯ ИВАНАМИ, НЕ ПОМНЯЩИМИ РОДСТВА?..	204

Вехи памяти

Андрей РУМЯНЦЕВ А ОН, МЯТЕЖНЫЙ... К 205-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова	209
Валерий СУХОВ «НА СВЕТЕ МАЛО, ГОВОРЯТ, МНЕ ОСТАЁТСЯ ЖИТЬ!» Смерть поэта как «творческий акт» в лирике Лермонтова и Есенина	219

Литпроцесс

Андрей КОРОБОВ-ЛАТЫНЦЕВ «КАК У ГОСПОДА В АДУ» О книге З. Прилепина «Некоторые не попадут в ад»	228
Сергей АНКУДИНОВ ПОНЯТЬ И ПРИНЯТЬ. О книге стихов Е. Крюковой «Небо»	232
Марина КУЛАКОВА КТО СКАЗКУ СДЕЛАЛ БЫЛЬЮ? О романе А. Рубанова «Финист – Ясный Сокол»	234

Книжная полка

Александра ЛИСИЦЫНА ПОСТМОДЕРНИЗМ В НИЖЕГОРОДСКОЙ АРХИТЕКТУРЕ	237
---	-----

Поэзия

Игорь ЧУРДАЛЁВ

Родился в 1952 году в Севастополе в семье военного моряка. С детства живет в Нижнем Новгороде. Работал на заводе, приобрёл несколько рабочих специальностей. Окончил филологический факультет Горьковского госуниверситета. Работал на телевидении, вел информационно-аналитические программы.

Автор стихотворных сборников «Ключ» (1983), «Железный проспект» (1987) и «Нет времени» (2002). Поэтические подборки публиковались в столичной и региональной периодике. Занимается журналистикой, преимущественно телевизионной.

ВСЁ ПОЁТ – И КАЖДЫЙ НЕ НАПРАСЕН...

Паломник

В монастырской гостинице –
ни телевизора, ни интернета.
Из пропащего света ты здесь не откроешь ни файла.
За окошком –
простыли уголья истлевшего лета.
С тем, кто верит, святые со стен говорят без вайфая.

А захочешь курить –
облачись и ступай за ограду.
Но и там не уйдёшь от пригляда отца Серафима.
Дальше –
меркнущий лес, как натура для мрачного фильма.
Дальше сплошь буераки, овраги.
Но дальше не надо.
Там уже обживается тьма.
За намоленным кругом
ты, ослепший, один на один с первобытным испугом.

Там как будто бы крылья хлопчут и тени лепечут.
Иномирные силы хрустят омертвелой листвою,
не из тех, что в протопленных избах вздыхают за печью,
а такие, что крови взыскуют - досыта и вволю.
Всякий куст в темноте страховидные образы примет.
Но мой слабый фонарик уводит меня за периметр.

Я иду –
повинуясь чему-то, что больше и выше,
сам себя убеждая, что попросту тешусь игрою
в стороне, где погибли лишь трусы, свихнувшие выи,
потому что обходят её храбрецы и герои.
Это вроде душевной болезни –
стремление наружу,
из облатки добра и тепла – в неизвестность и стужу.

По дороге осенней, седой осеняем луною,
на которой, как прежде, отчётливы Авель и Каин,
ковыляю.
Пустынная чаща сомкнулась за мною.
Но Учитель в пустыню и сам уходил –
ради прений с лукавым.
Мне привычны пути в темноте, посреди бурелома.
Страшно лишь, что во храме я гость, а во мраке я дома.

Здесь пора над собой усмехнуться – да полно, да ладно.
Поблудила овца – и к родимому стаду обратно.
Под покровы добра и покоя, где пенье и ладан.
Помолюсь как умею
и свечку поставлю – за брата.

Водопады (Исландские файлы)

Я видел нашу Землю молодой,
не оскверненной, пылкой и наивной,
не попорченной ни одной ордой –
в Исландии,
Атлантикой хранимой,
бескрайней и студёною водой.

Там нету толп.
Отели пустоваты.
Лишь стайками туристы-азиаты
на улочках пасутся иногда.
Но вот экскурсовод им чудо явит –
и снова отойдёт ко сну Рейкьявик.
Вся жизнь –
в долинах, средь огня и льда

Люпинами заросшие поля
лиловы – и за ними, как пила,
нагроможденья зубьев из базальта.
А дальше –
ледниковая гряда,
где ночь не наступает никогда,
и не имеет смысла слово «завтра».

Под лавой пузырится кипяток,
но водопады с гор несут поток,
от горних льдов – на жаркий пламень ада.
И тотчас остывает в недрах пыл,

Так, умеряя боль, я тоже пил
целительную влагу водопада.

За тридевять земель,
в родном краю,
всё чудится его бессонный гомон,
как будто вновь в урочище стою,
где я поверил в эльфов, троллей, гномов.
И дело не в обилии красот,
но в странном чувстве рубежа, порога –
как бы со света этого на тот
мне дали заглянуть ещё до срока.

Туда, где твердь последнюю кроша,
Господь помедлил,
расслабляясь праздно,
уже не горячась и не спеша.

Где остывает жаркая душа
ото всего, что было зря, напрасно.

Где дни – как жемчуг.
Облака громадны.
И пусть во снах грохочут водопады.

Прохладный ветер – просто для игры –
гранит в лагунах льды, как диаманты.
И грани голубые их остры.

Я больше не взыскую в мире правды.
Теперь мне чистота нужна одна,
являющую глубину – до дна.
Их рокот для меня – как тишина.

Тамара

Там не было Арагвы и Куры,
ни башни, что наверху скалы
над полем сладких лоз
как страж стояла.
Но там – внизу – светился гастроном,
лозы агент во времени ином,
которому и этого не мало.
И там однажды демон пролетел,
где лишь многоэтажки да метель,
где высоко зажгла окно Тамара.

Он только на балконе покурил –
Тамаре мнился мрак и посвист крыл
и ужас перед прорвою пространства,
которое – случайно и напрасно –
он лишь на миг пред нею приоткрыл.
Как прежде, без руля и без ветрил,
планеты плыли. И была огромна
над улицей и гвалтом гастронома
вселенной ночь, в которой свет парил,

В ней звезды, точно капельки тумана,
теснились, оседая на стекле,
Но жизнь проистекала на земле,
где чашки остывали на столе.
И отвернувшись от окон Тамара.

Спокойна и мудра не по летам,
жила она размеренно и строго,
уютно, как за пазухой у Бога.
Но демон больше к ней не прилетал.

Только любовь

Слава ли, злато ли, почести ли – улов,
коим кичиться станешь ты на пирах?
Всё, что нам нужно –
это только любовь.

Прочее –
марево, разума сон, прах.

Мальчик, танцуя с девочкой под битлов,
не понимал, насколько он глуп и слеп,
искренне думал,
что только любовь, любовь...

Но поумнел,
забыв об этом на уйму лет.

Он произнес много прекрасных слов,
ловко связав их в мелкую жизни сеть.
Но, отыскав прореху, ушла любовь,
только любовь, оставляя прах.

Теперь он сед.
Шляясь по улочкам, между церковных глав
в золоте –
и новоделов под ар-нуво,
дедушка странный бормочет:
All you need is love.
Бабушки смотрят сочувственно на него.

Сад радостей земных

Знал райские деньки, но и платил за них
в аду, где черт меня поныне поминает.

Сад радостей земных
и горестей земных –
один и тот же сад, для тех, кто понимает.

Там вовсе нет чужих,
но живы все свои,
и доля их полна и счастья и несчастья.
Там обитает Змей и свищут соловьи
и горечью плоды познания сочатся.

Там нечего терять, где все –
восставший прах,
и станут им опять, греховны или святы,
где нагишом кружат любовники в полях,
не ведая стыда и не страшась расплаты.
Где мак и коноплю вовек не прополоть,
где правы лишь певцы –
и бред несут авгуры.

Вставая в хоровод, и я был страсть и плоть,
а дух на эти дни, должно быть, брал отгулы.

Да будут сплетены не вечные тела,
бледны, как облака - и желтые и афро.
Да будет им весна, душиста и тепла,
да будет рок-н-ролл –
на то кимвал и арфа.

Не размыкайте круг.
Пусть в кайф, впопад и в масть
ложится каждый миг любви быстротекущей.

Запомните её, она запомнит вас.
как собственных детей в траве.

И как, смеясь,
смотрел на вас, лукав,
Создатель из-за кущей.

Не сейчас

С детства не наставили на путь –
к старости и то не вышло толка.

Может быть, потом, когда-нибудь,
когда стану музыкой – и только.

Ляжет на уста мои печать.
И к моменту нашей новой встречи
выучусь каплей отвечать,
или плеском рек, забыв о речи.

Или стану я морским китом,
шумно выпускающим фонтаны,
в чем и способ пения кита. Но
не сейчас. Когда-нибудь. Потом.

Может, обучусь в листве свистеть,
с трелями справляясь не простыми,
или погребушкой на хвосте
возмущать безмолвие пустыни.

Каждый звук для внимлющего – знак.
Залп грозы ли, или зрелый злак
малое зерно уронит наземь,
всё поёт – и каждый не напрасен,
так что стоит жить не суетясь,
слушая, как дождь шуршит по крышам,
ведая, что будешь сам услышан –
просто не сегодня. Не сейчас.

Голуби

Уничтожьте все,
для чего нужно лгать, убивать, красть,
и рваните в грядущее, радостны и ретивы.

Я такой же сторонник реформ, как Экклезиаст.
И настолько же верю в благие перспективы.

Мне и здесь хорошо.
Люблю этот миг – и мир,
отражаемый им, как свет жемчужной сережкой.
Этот вкрадчивый снег, медленный, осторожный,
и любой из дней Господних мне равно мил.

Старики не ставят на завтрашнее зеро,
если есть сегодня – у тех, кому повезло.
Завтра будет крутить рулетку всё то же зло.

Так полюбим теперь же
что не проиграть, не выиграть,
что вне предвкушений, зыбких надежд и выгод –
землю, женщин, детей, деревья, траву, зверьё.

Дрогнут нищие голуби, жмутся к стеклу окошек.
Я приладил кормушку и насыпаю крошек.
Хоть они и засранцы, но выжить хотят сейчас.
Это про голубей. А может быть, и про нас.

Мы бы тоже хотели на крыльях лететь от бедствий.
 Только некуда –
 небо нынче на всех одно.
 Прежде можно было себя обозначить бегством.
 А теперь отвернись – и молча смотри в окно.
 Говори с голубями.
 Кругами их носят ветры
 над помойками отчих лабазов и кабаков.
 Им не нужно ни будущего, ни мечты, ни веры.
 Но – снизойди к ним.
 Может, и сам таков.

Лидия ТЕРЁХИНА

Родилась в 1950 году в деревне Тучковке Пензенской области. Окончила художественно-графическое отделение Пензенского педагогического училища, факультет русского языка и литературы Пензенского государственного педагогического института. Работала художником-оформителем, преподавала изобразительное искусство, русский язык и литературу в школах и вузе, испробовала несколько других профессий. В настоящее время заведующая отделом поэзии журнала «Сура». Редактор международного научного издательства «Социосфера-CZ» (Прага).

Поэт, прозаик. Автор более двадцати поэтических и пяти книг прозы. Лауреат всероссийской премии «Моя малая Родина», всероссийской премии им. М. Ю. Лермонтова. Руководитель клуба молодых поэтов «Берега» и литературного клуба «Я сень».

Член Союза писателей России. Живёт в Пензе.

Я ТАМ БЫЛА

Мой век

Всяк о своём.
 Мой век сидит на лавочках.
 Воздухоём
 хрущобного двора.
 Крылатки мельтешат,
 совсем как бабочки,
 на роликах гоняет детвора.
 Всяк про своё.
 Володя – с беломориной.
 Поёт
 себе под нос про три сосны
 Маруся. Антонина,
 зноем сморена,
 последние досматривает сны.
 Под яблоней –
 седы, полувоздушны,
 друг другу скорбно сетуют подружки,
 что всё – не так,
 и жизнь уже не та...
 В ветвях морочит воробей кота,
 Упархивая выше,
 выше,
 выше...
 Всяк для себя
 уже подвёл итоги.

Вздыхает Анна: «Знать, забыли боги...
 Подводит сердце –
 столько всяких бед...»
 – Эх, а какие я топтал дороги! –
 ответил Ваня, дворник колченогий, –
 здесь, на земле,
 я свой оставил след.

Под белой скатертью

Под белой скатертью бескрайний стол степи.
 Как сахар снег: и сладок, и скрипит.
 Здесь, на задворках дома моего
 Мороз и солнце. Больше ничего.

Слежался наст. Едва заметен след.
 Одна гуляю. Мне уже пять лет.
 Пока что вдаль не манят миражи.
 Как жаворонок, чьё гнездо во ржи,

Душа кружит над маленьким мирком:
 Вон сад, сарай, соломой крытый дом.
 Бабаня там у печки ворожит.
 На валенке под лавкой кот лежит.

Его дурманят запахи еды.
 Он, как и я, не ведает беды...

.....

Незнамо кем подведена черта:
 Ни дома нет, ни сада, ни кота.
 Пустой под белой скатертью стоит
 Огромный стол степи.

И снег летит.

Васильковые люди

Люди василькового цвета
 приходят в гости
 со своими фантазиями и пампушками,
 рассыпают по скатерти
 щедрой горстью
 карамельки, орехи, сушки...
 Васильковые люди –
 старики и старушки.
 Лица их исполнены
 высшего света.
 Их морщины слагаются
 в карты путей небесных –
 ведь земные
 исхожены и известны.
 Они будто знают

на все вопросы ответы –
 люди василькового цвета.
 Только иного свойства
 странные их знания,
 чем у внезапно выросших,
 взрослых детей – науки.
 Тонко позвякивая, пылятся
 в загашнике иль кармане.
 Их, как монетки,
 в копилках хоронят внуки.

На родине

Вольный ветер! То сбоку, то сзади
 налетит, то в лицо, хохоча,
 бросит горсть ледяных виноградин,
 их стряхнув у берёзки с плеча.

Он чудит, и на сердце отрадно
 от его молодой колготы.
 И небес пестрядинное рядно
 вдоль дороги пятнает кусты.

Пусто в поле. Безлюдна дорога.
 Хочешь – молча иди, хочешь – пой.
 Мне до дома осталось немного.
 Много лет я стремилась домой.

Не прошло ль здесь какое-то лихо?
 У оврага приткнувшись, седа,
 спит деревня так глухо и тихо,
 как при мне не спала никогда.

По пригорку в древесную кущу
 в домовине уносят кого?
 Ой, тоска, не крути мою душу!
 Даже дома здесь нет моего.

Там

Я там была. Вкушала майский мёд.
 И желчь, случилось, огорчала яства.
 Тропу передо мной торосил лёд,
 но было в неохват глазам пространство.
 Там я была вольна, куда хочу,
 лететь, бежать, идти, ползти и даже
 не тяжела была трудов поклажа –
 мне всё тогда казалось по плечу.
 Бог высевал там озимую рожь
 и укрывал поля туманом белым.
 Там Евтушенко – выросший Гаврош
 и в строгом чёрном царственная Белла

венчали личный мой иконостас.
 Отнюдь не золотел его оклад –
 был травами степными перевит он.
 Там я жила на свой манер и лад,
 И русских слов замес или заквас
 рождал мои нехитрые молитвы.
 Осталось всё за пологом тумана,
 что не подвластен никаким ветрам.
 Там – мною не исхоженные страны,
 да и моя страна осталась там.

Евгений ВИТЧЕНКО

Родился в 1983 году в Караганде. Окончил факультет истории и политических наук Тюменского государственного университета. Публиковался в литературных журналах «Нева» и «Новая Юность». Живёт в Тюмени.

КАК ТЫ СЕРДЦЕ НЕСЛА К АЛТАРЮ...

* * *

Не анапест, не анапест
 выбирают облака
 петербургские, но адрес
 меж Фонтанкою и Мойкой
 над классической застройкой,
 оживлённые слегка

неземным как будто светом
 изнутри. Какой-то сюр-
 реализм... Гонимы ветром,
 принимают форму (с их-то
 белизной природной!) чьих-то
 битых гипсовых скульптур.

Приблизительно и плавно –
 их расхожие черты.
 Так присядем у фонтана
 в тщетных поисках приюта
 на скамейку, поминутно
 к небу разевая рты –

нет, пожалуй, не анапест
 выбирают облака.
 Щёлк глазами, вот и август
 календарный лист июля
 обрывает. И свою я
 до последнего листка

Обдираю жизнь. Но как же
 о-образны и легки
 облака над жизнью нашей!
 Я прошу, в посмертной тоже
 запланируй их, о Боже,
 вдоль неназванной реки!

Вечер в кузнечной мастерской

Кузнечная мастерская.
 Обод от колеса.
 Не отводил лица я
 От твоего лица.
 Как выдувала в губы
 Форму горячих слов.
 Словно литьё посуды,
 Вьчеканность стихов.
 Выплавка каждой фразы,
 Тонкое ремесло.
 Розы. Рапиры. Вазы.
 Вымышленное родство.

Оконный проём решетчат.
 Лестница на витой
 Ножке. Октябрь. Вечер.
 Час за окном шестой.
 Тени на длинных спинках
 Стульев. Полутемно.
 Шарканье пластинки,
 Точно в немом кино.
 Призрак влетает в двери.
 И на порог – листва.
 Свечи. Подсвечник. Темы
 Гулкового волшебства.

* * *

Русский лес, из которого ну никак.
 Комариный рекем. Куст малины.
 Ты останешься в дураках,
 Потому что рядышком дом Мальвины.
 Пряничный домик, с подпольем и с
 Лестницей словно к иным пределам,
 Под которую долго катился вниз
 Вместе с яблоком перепрелым.
 Сколько лет прошло, а тебя почто,
 Как воришку, помнят недоброй славой?
 Ну, залез в чернильницу. Хорошо.
 Ну, отвадил псов с ментовской облавой
 И лисой Алисой. До слёз смешно.
 А причём тут кукла? Кусок полена?
 Человечек, азбуку и ещё
 Устный счёт не знающий? Где таверна,
 Где твои попутчики из блатных
 Угощались водкой на все, без сдачи?
 А всего и было пять золотых,
 Под язык заложенных наудачу.

Венчание

Михаила Архангела,
 Ленина двадцать два.
 Перекрашена на́бело
 Словно кистью крыла:
 И впотьмах выделяется,
 Как бы вне тёмных сил.
 Если грешники каются
 И хватает белил,

Наступление полночи –
 Только смена числа.
 Здесь венчались мы. Помнишь ли,
 Как ты сердце несла
 К алтарю! И горела вся
 Изнутри, как в чуму!
 И клялась в своей верности!
 Я не знал, почему

Так бывает, но чувствовал:
 То сгорает душа-
 Одиночка. И лучше нам
 Наблюдать не дыша,
 Как две тени отдельные
 Превращались в одну.
 Был канун понедельника...
 ...И я знал, почему.

* * *

Ноябрьскому солнцу натошак
 Ноябрьское утро и не снилось.
 Зброшенность на лицах и вещах.
 Озимые и те ушли на силос.

В карманах – моль. Подстрижены под ноль
 Кусты в саду. Когда-то были кущи.
 И если кто и пел здесь, то лишь мой
 Залётный ангел, беды мне влекущий.

Лети, лети. Маши одним крылом,
 Подбитый мой, я хода не убавлю.
 И не вздохну нечаянно о ком-
 Нибудь. И ты, о, Господи, не дай мне

Замедлить шаг! А если что не так,
 И на одном меня крыле подхватит
 Мой сизокрылый падающий Як.
 Мой низкоплан. Спаситель мой. Спасатель.

* * *

То журавль, а не синица
в облаках набивного ситца.
И тем лучше, что не в руках.
Присмотрись, как ложатся тени
на пришедшую в запустенье
нашу осень. И в дураках

там, внизу, остаются люди,
не мечтающие о юге
и не смеющие в проём.
Как от крыльев, гляди, по небу
рябь расходится. И на средю
то ли дождь, то ли снег с дождём.

Исчезай под прощальным взглядом,
перелётная тень. Мы рядом,
здесь, внизу, если что. Мы вот:
у окна две застывших точки.
Мы ведь тоже поодиночке,
по отдельности, в свой черёд,

час настанет, отсюда выйдем
горизонтами с лучшим видом.
Хоть бескрылы, а полетим,
не готовые к перелёту...
Может, сядем уже на воду,
раз не сбиться нам в птичий клин?!

Диана КАН

Родилась в городе Термезе Узбекской ССР. Окончила МГУ им. Ломоносова и Высшие литературные курсы. Автор книг «Високосная весна», «Подданная русских захолустий», «Междуречье», «Покуда говорю я о любви», «Звёзды окликают» и других.

Лауреат всероссийской литературной премии «Традиция» правления Союза писателей России (2002), всероссийской премии «Имперская культура» в номинации «Поэзия» (2007), литературной премии имени святого благоверного князя Александра Невского (2009), всероссийской Цветаевской премии (2016).

Член Союза писателей России. Живет в Оренбурге.

МНЕ ЗА ПОБЕДУ ОПРАВДАТЬСЯ НЕЧЕМ...

* * *

Татарник да вишарник –
Заброшенная дача.
Не будь неблагодарным,
Взгляни на мир иначе!

Всяк, в этом мире сущий,
Своей свободой дышит –
Сорняк дикорастущий,
Что опекаем Свыше.

Всё, битое судьбою –
Не скопище заброшек,
Включая нас с тобою
И всех бродячих кошек.

Вишарник в небо рвётся.
Татарник небом дышит.
И пьяный бомж смеётся,
Закусывая вишней.

* * *

Россия окаянная,
Себе же на беду –
У рьяного Ульянова
Идёшь на поводу.

Лентяя он не празднует –
Нежданный этот гость.
Надеешься напрасно ты –
Помилует, авось!

Тебе он пустит кровушку,
Он жалости неймет.
Последнюю коровушку
С подворья прочь сведёт.

Но не отринешь совести,
Хоть рублена с плеча.
Братоубийства болести
Молитвою леча.

...Дороженьку унылую
Протопчешь на погост.
...Зато увидишь, милая,
Как внук взлетит до звёзд.

* * *

Слова-пьянчужки вдоль речушки Пьяны
В Агрызе огрызаются порой...
А в Бондюге словечки-бандюганы
Не дружат с забубённой головой.

Измордовавшись меж мордвой и чудью,
Они смешат Казань и Шумерлю...
Вдыхаю волжский ветер полной грудью,
Взахлёб рифмую и захлёб люблю.

Обвенчанная с ветрами победы,
Овеянная песнями весны,
Я в этот мир пришла вести беседы
О сказках древнерусской старины.

Меня врачует заповедной речью
Застенчивая Заповедь-река.
И дивным сном напомнит мне о вечном
Сноведь-река, начав издалека.

А мимо покаянно-окаянно,
Как опосля креплёного винца,
В кустах петляет пьяной бабой Пьяна,
И в простоте не вымолвит словца...

Пускай порой куда похлеще мата
Названия, что помнят старину,
Для слов, что от рождения крылаты,
Степной простор наотмашь распахну.

Неси, братейко, перелётный ветер,
Стихи, что родились не налегке,
Вертлявой Пьяне и лесной Сноведи,
И затаённой Заповедь-реке.

* * *

Наверно, для чего-то это надо –
Предательства, подножки и тычки.
Волчицей, выходящей из засады,
Опять иду на красные флажки.

Улыбкою спасаясь от удушья,
К себе самой я возвращаюсь вновь...
О, где же ты, моё прекраснодушие?
И где же ты, великая любовь?

Подстрелены вселенскою тоскою,
Вы накануне жизни и весны
Чеканной поэтической строкою
В несовершенство мира влюблены.

Когда бы я не родилась поэтом,
Шакалы не скулили бы: «Ату!»...
Но накануне битвы тьмы со светом
Суровый кодекс волчьей чести чту.

Мне за победу оправдаться нечем:
Удел поэта на Руси таков...
...И на кануне оплывают свечи,
Поставленные мною за врагов.

* * *

Он спросит меня: «Диана, неужто же это ты?»
Отвечу ему: «Ну конечно же, это – не я!
Не синяя птица твоей сокровенной мечты,
И уж, конечно же, не единственная твоя!..»

Он знойный брюнет, соколиные брови вразлёт.
Небезуспешно зарёкся навек от сумы и тюрьмы.
А я поэтесса, и он меня вряд ли поймёт.
А мне-то его понимать и подавно – в ломы.

Меня он узнал. Знать, богатой не быть мне вовек.
А я не узнала его, пусть успешным останется он.
На вид вроде бы и такой же, как все, человек.
Таких-никаких в нашей жизни у каждого – свой батальон.

Но где же тот мальчик с шальной рогаткой в руке?
Да там же, где девочка с раненой птичкой в руках!
А что между нами? Вспорхнувшая ввысь налегке
Разлучница-жизнь, что пригрезилась в розовых снах.

* * *

Смотрит с портрета Владимир Ильич,
Смотрит с иконы Владимир Креститель,
Как на столе воцарился кулич,
И превратилась хрущёвка в обитель.

Не вспоминая про свой партбилет,
Видя, как крашенки-яйца лелеют,
Смотрит, лукаво нахмурившись, дед,
Но возражать почему-то не смеет.

Кисти в гуашь окуная с утра
И живописцем себя ощущая,
Словно окрестная вся детвора,
Крашенки в писанки я превращаю.

Родина бодро идёт в коммунизм,
Словно в красивую добрую сказку.
Как живописен мой соцреализм
Майской порой на советскую пасху!

Бабушка средь суеты загрустит:
В храм бы, да вот искушает нечистый.
Дедушка в храм ей идти не велит.
Помни, твердит, ты жена коммуниста!

На кумачовых яичках зарю
Я вдохновенной гуашью рисую.
Женечке Чикильдину подарю
И троекратно его расцелую.

Не позабудут вовеки уста
Вкус целомудренных тех поцелуев...
Празднуем мы Воскресенье Христа,
Не поминая Всевышнего всеу.

Проза

Олег МАКОША

Родился в 1966 году в Горьком. Работал слесарем в трамвайном депо, охранником, строителем, заведующим гаражом, консультантом в книжном магазине.

Публиковался в журналах «Нижний Новгород», «Нева», в альманахе «Земляки». Автор прозаических сборников «Зы» и «Мама мыла рану». Лауреат премии журнала «Флорида» 2012 года.

Живет в Нижнем Новгороде.

ЗАПИСКИ ДВОРНИКА

*Встань пораньше, взгляни в окно.
Видишь, солнце встает.
Это я плюнул кровью на дно
В голубой небосвод.*

П. Мамонов

*Встань пораньше, встань пораньше, встань пораньше!
Когда дворники маячат у ворот.
Ты увидишь, ты увидишь...*

Б. Окуджава

Встань пораньше

В профессии дворника много романтического. Зима, раннее утро, в морозном воздухе вкусно скрипит снег под ногами и шваркает лопата в тишине. Из рта вырывается пар, курить не хочется, а хочется быстрее закончить этот участок и перейти к следующему. Редким прохожим – холодно, а тебе – хорошо, можно даже скинуть куртку и по-молодецки, в одном свитере кидать снег. Но лучше не торопиться, а спокойно работать, вдыхая действительно свежий воздух и наслаждаясь физической нагрузкой. Главное, одеться правильно, чтобы не пропотеть насквозь. И внезапно становится светло, только что рубил лед практически на ощупь, а через пять минут – все видно как днем. Поднимешь голову – ага, у населения начинается трудовой день. Серега, что убирается у соседнего здания АТС, опохмеляется найденной недопитой бутылкой водки.

– Здорово, Серега! – кричу я ему.

Он пугается, чуть не роняет бутылку, но, убедившись, что все свои, отвечает:

– Блин, Владимирыч, ты когда-нибудь меня до инфаркта доведешь.

В общем, жизнь набирает обороты. А когда придешь домой и при-
мешь горячий душ, потом выпьешь чаю, то в теле будет звенеть удаль –
благодарные мышцы отвечают взаимностью.

И приятная усталость после работы.

Летом тоже нормально, опять же за счет раннего начала трудового дня. Вокруг – никого, метешь, метешь, смотришь под ноги – лежат со-
кровища. И говно, конечно, лежит в изрядном количестве, но сокровищ
больше. Ополовиненная колода игральных карт, работающая зажигал-
ка, календарь за прошлый год, пакет с оборванной ручкой, красивая бу-
тылка из-под неизвестного мне напитка, черенок от сломанной метлы.
Дружелюбные бомжи заискивающе плющат банки, а суровые профес-
сионалы деловито пакуют картон. Иногда, когда мне грустно, я профес-
сионалов посылаю на хрен, и они идут, а картон отдаю бомжам, и они
не берут. Тогда я ругаю себя за идеализм и складываю коробки рядом с
мусорными баками – завтра заберут (или уже сегодня).

А вокруг просыпается жизнь, состоящая, по раннему времени, из
звуков. Летом в основном слышно собирающийся дождь, первые трол-
лейбусы и ор недогулявших в овраге гоблинов, а зимой – как разгова-
ривают пролетающие (по своим делам) мимо ангелы.

1-й Ангел:

– Что сегодня на обед?

2-й Ангел:

– Амброзия с нектаром.

1-й Ангел:

– Опять амброзия? Мы же просили?

2-й Ангел:

– На складе, сам знаешь, Гавриил хозяйничает, а у него просто так ...

Не знаю, что у Гавриила «просто так», улетели ангелы, и я не дослу-
шал. Собрал инструмент и пошел домой. По дороге думал, как я это все
ненавижу: лопаты, ломы, метлы, обоссанные стены, обосранные углы,
тысячи бутылок, валяющиеся на моем участке, бомжей со струпьями
на рожах, картонных профессионалов, тупых и жадных, и романтиза-
цию невеселой профессии – вывозить за человечеством бесконечный
мусор.

Зы. И насчет безлюдности я слегка погорячился, в четыре утра они
еще пьют, а в пять уже выходят опохмеляться.

Лопата

Надо нормальную лопату, а то этим истончившимся полуфабри-
катом работать нет никакой возможности. Обошел все окрестные хо-
зяйственные магазины, потом рынки – нет человеческих лопат, одни
китайские. Невесомые пластиковые и такие же из нержавеющей стали
неизвестного происхождения, толщиной с жестянку для консервной банки.
То есть хозяин-барин говорит:

– Купи инструмент, а я деньги отдам как-нибудь.

Я в ответ:

– Как-нибудь не надо, давай сейчас.

– На, – он протягивает пятьсот рублей, – купи чего понравится.

Ничего не нравится. Буквально. Берешь в руки, маешь – говно.

Нашел дедка поддатого у входа на рынок. Стоит, рекламный стенд
подпирает и в зипун кутается, рядом пара лопат, одна – детская, а вторая –
полунастоящая, с куском ножовочного полотна по торцевой кромке.

– Сколько? – спрашиваю и показываю на детскую.

– Триста пятьдесят.

– А эта? – тыкаю пальцем в полунастоящую.

– Триста двадцать.

– Чего так?

– Конкуренция.

Дал ему триста рублей, а двести, оставшиеся от хозяйских пятисот,
решил себе зажать. Дедок деньги пересчитал два раза, немного просле-
зился и заверил:

– По пятнадцать лет служат! Сносу нет, голубчик, – идохнул на меня
перегаром.

А мужик, торгующий рядом болтами, уточнил:

– Ага, когда у забора стоят.

Первый снег

Зря я грешил на отсутствие положительной нагрузки. Фиг ли, всю
прошлую неделю – прошелся по территории, собрал пустые бутылки,
стаканы, сигаретные пачки – и домой. Ну, кинул пару лопат грязной
снежной крупы от скуки. Подобрал пару бычков совсем от нечего де-
лать. Пришел домой и опечалился.

А в этот вторник была мне нагрузка, снега выпало по пояс, небось,
опять месячная норма за сутки. У нас что ни снегопад, то месячная
норма выпадает, а то и полугодовая. Вот и в этот раз от души навалило.
Умудохался так, что еле до дома дополз. Начал в шесть утра, а закон-
чил в два дня. Получается полный рабочий день без обеда и перекуров.
Часам к двенадцати, когда снег начал откровенно подтаивать, лопата
уже от земли не отрывалась с мокрой кашей. Коллега, дворничиха баба
Зина, подошла посплетничать и строго сказала:

– Говно у тебя лопата, Олежек.

– Так сейчас хороших лопат...

– А то я не знаю. Ладно, посмотрю там у себя что-нибудь.

И ушла, я даже поблагодарить не успел. А собака Жулька посмотре-
ла на меня замученным поэтическим взором и ничего не сказала, так
убежала.

Баба Зина уже на заслуженном отдыхе, а территорию убирает из
любви к спорту.

– Чего, – говорит, – мне вместе с этой дурой так просто стоять, – и
кивает на Жульку.

А здесь общеукрепляющая физкультура. Бабе Зине по паспорту лет
сто, а на вид только семьдесят. Я сколько себя помню, она всегда двор-
ничихой работала. Один раз мы – я и ее покойный муж Василий Петро-
вич – сели под кустом на травке водку пить, так она нас метлой била и
бутылку отняла. Короче, душевная женщина, но дюже строгая.

Тонус

Вообще, конечно, бодрячком.

Лопата-2

Подарила-таки мне баба Зина лопату. Сказала:

– На. За то, что моего дорогого покойника Ваську угощал.

Поди пойми этих женщин.

Снег продолжает идти, то есть безостановочно. Убрал у одного входа, пошел к другому, пока там разгребал, у первого опять навалило по самое не балуй. Пришлось сгребать и оттаскивать. Похоже, нет на свете более раздражающей работы, чем бессмысленная. Ну, не то что совсем бессмысленная, а уничтожаемая на твоих глазах. Убрал снег – через десять минут как будто не прикасался. Хотя все не зря, завтра, говорят, заморозки, а я более-менее выровнял пейзаж, и завтра не придется срубать ледяные торосы.

Лопата бабы Зины – шедевр. Дюралевая, усиленная по бокам стальным уголком, режущая кромка, с приклепанной стальной полосой, отточена как меч. Одно неудобно: хочешь убрать снежок, а она срезает старый грязный лед до асфальта. А у меня договор с хозяином-барином – до плитки чистить только у входа. Дорогу же расчищать для проезда, не надрывая жопу.

Книга

Сегодня нашел разорванную книгу без обложки, полистал, отряхнув от снега, вот какой мне попался отрывок:

«Он размышлял о суете, ненужности, о пошлой фальши всего человеческого. Все возрасты постепенно проходили перед его мысленным взором (ему самому недавно минул 52-й год) – и ни один не находил пощады перед ним. Везде все то же вечное переливание из пустого в порожнее, то же толчение воды, то же наполовину добросовестное, наполовину сознательное самообольщение, – чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало, а там вдруг, уж точно как снег на голову, нагрянет старость – и вместе с нею тот постоянно возрастающий, все разъедающий и подтачивающий страх смерти... и бух в бездну! Хорошо еще, если так разыграется жизнь! А то, пожалуй, перед концом пойдут, как ржа по железу, немощи, страдания... Не бурными волнами покрытым, как описывают поэты, представлялось ему жизненное море – нет; он воображал себе это море невозмутимо гладким, неподвижным и прозрачным до самого темного дна; сам он сидит в маленькой, валкой лодке – а там, на этом темном, илистом дне, наподобие громадных рыб, едва виднеются безобразные чудища: все житейские недуга, болезни, горести, безумие, бедность, слепота... Он смотрит – и вот одно из чудищ выделяется из мрака, поднимается выше и выше, становится все явственнее, все отвратительно явственнее. Еще минута – и перевернется подпертая им лодка! Но вот оно опять как будто тускнеет, оно удаляется, опускается на дно – и лежит оно там, чуть-чуть шевеля плесом... Но день урочный придет – и перевернет оно лодку».

Интересно, кто автор.

Бухарики

Пустая бутылка из-под виски. Что, другого места нет, чтобы бутылку вискаря оприходовать? Вот люди – все ко мне. И поссать, и поблеть, и виски пить.

Сегодня вышел в шесть утра, народ уже шарахается. Вроде одни и те же люди каждый день – половина здороваается. Собрал бутылки и стаканы у служебного входа, пошел к мусорным бакам. Навалили картона из окрестных магазинов, пришлось до прихода профессионалов рвать и упаковывать. Потом двинул к центральному входу, покидал снежок, собрал пушнину, баллоны из-под пива, пару-тройку пустых сигаретных пачек. Вернулся к служебному, а там уже пьют. Чувак с бабайкой, прилично одетые, на снегу стоят две четверки и полторашка темного. Сами сидят по-лагерному на корточках, полы бабайкиной дубленки подметаю плитку, что кстати.

– Мы вам не мешаем? – спрашивают.

– Что вы, что вы, – отвечаю, – как можно, бухайте на здоровье.

Пришлось ждать, когда выпьют и уйдут, чтобы убрать за ними. А они сидят и сидят, я уже и там лопатой пошваркал, и здесь. От скуки разгреб снег у соседнего магазина, потом у входа в офис вневедомственной охраны.

А эти сидят.

Да и хрен с ними, пойду домой.

Зы. Пацаны из охраны дрыхнут в расставленных около подъезда машинах. Когда я начинаю кидать снег, в стеклах дверей появляются темные силуэты голов, а потом пропадают.

Коллеги

Соседский дворник, сука, сгреб весь накопившийся за месяц его безделья снег мне на участок. У него повыше площадь, около круглосуточного лабаза, и он просто скинул.

Разгребал полтора часа, решил при встрече вежливо ему попенять. Например, лопатой по голове или пешней по рукам. Тут хозяин-барин прикатил на своей «хонде», вылез радостный, заорал:

– Как оно?!

– Чего?

– Вон там еще почисть у тротуара, хотя и не обязательно.

Потом я открывал пожарный выход. Он у нас из земли произрастает, на газоне под стеной здания, железная дверь-люк. Я долбил по ней ломом, а она весело гудела. Придет инспектор, скажет:

– О-го-го!

А я ему:

– Всяко.

Ну, может, и не мне скажет, а барину, тогда он и ответит.

Когда пришел домой, в дверях не вписался и задел лопатой по наличке дверной коробки, на крашеной деревяшке остался красивый рубец.

Стакан

Заморозки наступили. Не зря, значит, я выровнял плацдарм, сегодня пришел – приятный ровный каток. Сам чуть не упал, спасибо, лопата в руках, на нее и опирался как на костыль. Пока расчищал дорогу, весь взмок и сдвинул шапку на затылок. Она у меня вязаная и белая, откровенно смешная, с красным помпоном, к которому еще и два шнурка привязаны. Мужик, что шел мимо, загляделся

на шапку и упал. Поскользнулся, бедолага. Встал и с большой укоризной произнес:

– А хоть бы ее вообще не было.

– ?

– Зимы!

– Ну...

– Вчера из Чебоксар возвращались, так на каждой колдобине буксовали. Жгли и жгли.

– Молодцы, – говорю.

– Ага. Стакан есть?

Дал я ему тару от такой хитрой водки, что в стеклянном стакане, а сверху картонкой заделана, сдираешь и пьешь. Стаканчик на вид граммов на сто, а вытащил я его из бака, он там сверху лежал на картоне. Вытащил, об штанину вытер и протянул мужичку:

– Держи.

– Спасибо, – ответил мужичок и, в свою очередь, достал из кармана чекушку.

– Будешь? – угощает.

– Ты что? Я на службе.

А он заржал и выпил все один, а стакан мне вернул.

Книга-2

Купил книжку Карякина В.С. «Челюснинская эпопея». Дивная штука. Придешь с мороза, напьешься чаю, сядешь в кресло, читаешь – хорошо. Жизнь, она вообще на контрасте нагляднее. Что там здешний холод и обиход по сравнению с арктическим. А имена летчиков, спасавших экспедицию? Водопьянов, Леваневский, Ляпидовский, Каманин, генералы, одно слово.

Вчерашние алкаши оставили все-таки пару бутылок на самом виду. Пришел с утра, ага, говорю, попались. А кому говорю, и сам не знаю. Хотя есть у меня одно предположение, что все слова, сказанные якобы безадресно, но вслух, обращены к нему. Нет, не так. К Нему, вот так правильно, с большой буквы. И Он, значит, должен все учесть. И запомнить. Чем, собственно, и занимается.

Собаки

Снега нет, собрал бутылки, стаканы, сигаретные пачки, прессанул картон и пошел кормить собак. Мне теперь у мусорных баков объедки (остатки?) оставляют неизвестные доброжелатели. Ну, то есть не мне, а собакам, знают, что я им столовую устроил. На крышке люка. Вынимаю еду из пакетов и раскладываю, а собачки уже ждут. Жулька иногда приходит, но не ест, а смотрит, ей деликатность не позволяет у бездомных деликатесы отнимать. Так просто постоит, подумает, тоже, видимо, на контрасте прикинет, какая у нее жизнь славная, и убежит.

– Куда ты, – кричу ей, – постой со мной.

– Некогда мне тут с тобой прохлаждаться, – ответит и дальше нарезает.

У нее при беге корму смешно заносит.

А сегодня в пакете – аккуратно так пакет лежал с краю – обнаружил дынные корки. У меня тут что? Обезьяны, что ли?

Снег

Только закончил убираться, как пошел снег. Густой такой, тщательный. Ну что ты будешь делать! Грести по новой? Ну его на фиг, пойду домой, пусть идет, завтра уберу. А то я этот прикол знаю – ты его убираешь, а он все равно идет.

На часах – семь тридцать утра. Круглосуточный лабаз работает на грани возможного, то и дело хлопают двери, это страждущие торопятся. С пивком, с водочкой, с пачкой сигарет выбегают на улицу, а дальше по интересам. Кто на работу, а кто за угол, к мусорным бакам, удачно стоящим под прикрытием исподней стены магазина. А рядом, какая прелесть, чудесная ниша для ссанья.

– Пошел на хрен, – культурно прошу чувака лет тридцати, тихонько подкравшись из-за спины.

– Ай, блин! – он подпрыгивает.

Парикмахерская

Позвонил хозяин-барин и объявил:

– Был в администрации! Короче, мусорные баки больше не наши. Зато нам от парикмахерской – пять метров и до дороги.

– Чего?

– Я говорю, отмеришь пять метров от угла и до дороги чистишь. А я в Москву уезжаю, во вторник приеду, все отметим красной краской, чтобы знал. Пока!

И отключился. А я задумался. Где та парикмахерская? Рядом вроде нет ни хрена.

На следующий день выяснилось, что парикмахерская – это аптека. То есть нынешняя аптека – бывшая парикмахерская. Они там так часто и быстро меняют вывески, что народ не успевает запомнить и называет заведения по старинке. Нина Павловна говорит:

– Ну да. Аптека и есть.

Я у нее спрашиваю:

– А пять метров от какого угла?

– От какого хочешь.

Но выяснилось это только в девять часов, когда открылся хозяйственный Нины Павловны. А до этого я убирал все подряд.

Снег-2

Снега навалило будь здоров. Отмерил от угла аптеки пять метров и выгреб. Сто пудов не от того угла намерил, приедет во вторник барин и разочаруется. Он и так на меня косится, считает малопонятливым. Что недалеко от истины.

Жулька приходила, но ничего не сказала.

А я все греб.

А народ перепрыгивал через бруствер, мной нагребанный. Потом я его порушил – перетаскал на газон у АТС. Мне Серега по дружбе разрешает туда снег складировать. Я ему за это разрешаю из баков коробки брать под мусор.

Техника такая: берешь картонную коробку, идешь, собираешь в нее все говно подряд, а потом выкидываешь в бак. Удобнее, чем поднимать каждую бумажку или бычок отдельно.

Бухарики-2

Опять какая-то сука сгребла снег от круглосуточного лабаза мне на участок. Сначала хотел обратно весь его оттащить, поближе к входу в круглосуточный, а потом передумал. Точнее, не так: сначала-то я оттащил, а затем устыдился и перекидал к обочине, где машинами убирают.

Пошел мусорные баки проверить по старой памяти, только завернул за угол – мужичок прется.

– Здесь, что ли, выпить? – спрашивает у пространства.

– А как же, – отвечает ему пространство моим голосом, – где же, как не здесь.

– Будешь полстакана?

Я сделал вид, что не слышу, шваркаю лопатой.

– Я говорю, будешь полстакана? – настырный дядька.

– Нет. Спасибо.

– А чего?

– Я – алкоголик.

– Понял. А я вот на красное перешел. Контролирую пока.

Гад

Никак не могу поймать гада, который у круглосуточного убирает. Поймать и настучать ему по репе лопатой бабы Зины.

Объявление

Нашел листок с объявлением:

«Продается особняк в Юрмале, Лиелупе, ул. Плачу 13, 2-х этаж., 350 м², земля 1450 м², 7 комнат, 3 санузла, полная отделка, мебель, камин, сауна, джакузи, бассейн, открытая терраса и балкон, гараж на 2 а/м. Благоустроенная территория с парковкой, берег реки Лиелупе с панорамным видом, свой причал, рядом сосновый парк, 10 мин. от моря. Все городские коммуникации, газовое отопление, сигнализация».

Жалко, цена не указана.

Выходные

Позже надо вставать и выдвигаться. Приперся сегодня в шесть утра, собрал бутылки со стаканами и стою как дурак. Пошел к парикмахерской, перемерил пять метров от угла в другую сторону, сгреб снег. Огляделся. Смурные алкаши, как всегда, шмыгают в круглосуточный и обратно. О чем с ними говорить.

Чуть позже троллейбус проехал. Мужик пробежал. Собака прощан-дыбала. Жизнь прошла.

Собака вернулась.

Трактор

Проспал!

Вскочил как угорелый и, не умываясь, не почистив зубы, рванул. С зубами, это я, конечно, зря, надо было почистить.

Снега навалило – мама дорогая! Начал от главного входа и сгребал до обеда. А после обеда чистил дорогу. Затем у служебного и парикмахерской, которая аптека.

Мужики приходили опохмеляться и поссать к мусорным бакам, но, заметив меня, деликатно мялись, а потом отползали к трансформаторной будке. Когда заканчивал разгрести дорогу, заехал трактор и долбанул ножом по куче снега, нагребанной мной. Соответственно пришлось кучковать по новой.

– Чмо карманное! – крикнул я трактористу.

Но он не услышал и укатил к АТС, чистить подъезды к гаражам.

Взмок, как цуцик перед расстрелом.

Вообще день не удался.

Собаки-2

Кормил собак.

Лопата-3

Снега немного. Собрал бутылки, стаканы, аккуратно пристроенные на кирпичной стене, ограждающей мусорные баки, поднял растоптанные сигаретные пачки, пошкрябал лопатой. Шесть утра, звук лопаты, стальным носом из ножовочного полотна вгрызающейся в лед, страшен, ей-богу. Не уютен, а ужасен. Еще я, когда мелкий снег сгребаю в кучу, ставлю лопату вертикально и волоку. Эффект как от железа по стеклу. Народ аж отпрыгивает.

Раньше и сам, помню, просыпался, когда дворник под окном начинал шуметь. Тогда мне это казалось романтическим.

Да и сейчас иногда кажется.

То есть романтика неубиваема при известной созерцательности характера.

Барин

Барин приехал, отобрал заныканные от покупки лопаты деньги. Я ему говорю:

– Нет денег. Не осталось.

А он:

– Отдай!

Как маленький, честное слово. Дал ему семьдесят рублей, остальные пообещал вернуть с полочки, как только он мне ее выплатит.

Мечта

Интересно, скоро лето?

Любовь

Допустим, я страдаю. Кому мне об этом рассказать? Жульке? Что, я ее не знаю? Посмотрит на меня всепонимающим взглядом, скажет что-нибудь, вроде – не ссать, и убежит исследовать жизнь.

Пусть меня исследует. Я что, не жизнь?

Снег-3

Снег идет без остановки. Все чаще задумываюсь, изменится ли мое отношение к осадкам? Буду ли я проклинать снег? Вот эти красивые снежинки, являющиеся, по сути, праной вселенной. Структурированная вода, из которой состоит все (ну, не все, но многое), гармонизирующая пространство вокруг. Не, не буду. Смирюсь. Работа дворником вообще учит смирению. Лозунг такой – смирись и собирай окурки. И бутылки. И стаканы.

Потому что нэ хрена.

Опять же, вокруг много положительных примеров. Кто у нас, братцы, лучший прозаик двадцатого века, положи руку на все? Правильно – Андрей Платонов. А кем он работал? Ага-ага.

Из гаража АТС приходили мужики с конкретным и деловым предложением.

– Будешь?

– Нет.

– ?

– ?

– Ну, как хочешь.

Потом, когда они чуть-чуть отошли от меня, один другому сказал:

– Вот и Серега так, не хочет идти в ногу с коллективом.

Можно подумать, что сама работа дворником не говорит о том же самом. О нежелании идти в ногу.

Почесал репу и решил перекидать кучу спрессованного снега, что навалил на обочине неуловимый гад, убирающий у круглосуточного.

Перекидал.

Хорошо же стало.

Снег-4

А вот и кончился снег, и я загрустил. Вышел с утра, огляделся – нечего убирать. Поднял банку пивную с бутылкой, выбросил в мусорный бак и дальше пошел. Нашел маленькую кучку снега на углу у парадного входа, страшно обрадовался. За два раза перекинул ее на газон. Так.

Мужик идет, опохмелиться хочет, а я от нечего делать за ним. Мужик к бакам, и я к бакам. Мужик остановился, и я остановился. Он на меня смотрит, а я на него.

– Чего? – спрашивает.

– Да ни хрена, – отвечаю.

– Так я это...

Махнул рукой, вытащил из-за пазухи четверок, заглотил и пивком запил. А бутылку, под моим строгим приглядом, прицелившись, бросил в бак. Но промахнулся.

Поднял я бутылку, покачал головой, а мужик, обливаясь слезами, дальше побрел странствовать. Небось, на работу опаздывает.

Потом я еще у круглосуточного повыпендривался, погреб снежок за неизвестного гада, которого, как обычно, не видно и не слышно.

Тяжело дворнику без снега.

Скучно.

Книга-3

Получил аванс и, впад в протрацию, пошел в книжный магазин, где приобрел в личное пользование, следующие книги:

1) Милорад Павич «Пейзаж, нарисованный чаем»;

2) Питер Хёг «Смилла и ее чувство снега»;

3) Артуро Перес-Реверте «Осада, или Шахматы со смертью»;

В общем-то, все по дворнической теме.

Почесал репу и докупил:

4) Габриэль Гарсия Маркес «Осень патриарха»;

5) Даниил Гранин «Мой лейтенант».

Аванс, собственно, кончился.

Отрывок

«Дом был сдан под ключ, но жильцов в доме не было и в помине. Пусто было на лестничных пролётах, пусто, темно и тихо, и пахло краской и нежилём, и мёртво стыли коробки лифтов, поднятые к самой крыше. Все двери всех подъездов казались плотно и надёжно запертыми, да так оно, наверное, к было на самом деле, однако в дом войти было можно. В него входили. И, наверное, выходили тоже. Во всяком случае, на каменных ступеньках тринадцатого подъезда, ведущего в южную торцовую башню, обнаруживались грязные следы. На длинной крашеной ручке парадной двери криминалист без труда обнаружил бы отпечатки пальцев. Пыль на цементном полу вестибюля кое-где свернулась во множественные шарики, как будто некто, войдя с улицы, энергично отряхнул здесь свою промокшую под дождём шляпу».

Угадай кто.

Полиционер

– Не ракайте махами, – закричал милиционер.

И мы перестали ракать.

Короче, я тут в районную администрацию зашел, в смысле в муниципалитет. Милиционер на вахте мне говорит:

– Откуда я вас знаю?

– Это не я, – отвечаю, а сам пячусь к дверям.

– Нет, я вас точно знаю, – настаивает милиционер и делает такое движение, как будто кобур расстегивает.

– Да что, что вы, – отнекиваюсь, а сам уже голову руками прикрываю.

– Но откуда?

И тут я решил пошутить на свою беду, говорю:

– Да ладно, начальник, я в федеральном розыске.

А милиционеры шуток не понимают. Никаких. Нет бы улыбнуться, сказать: точно, а я-то думаю, откуда я вас знаю, и пожать руку. Нет, он разволновался пуще прежнего.

Когда разобрались, выяснилось, что он за моей дочерью ухаживал несколько лет назад. Но я его не помню.

Не знаю, как это меня характеризует.

Мама

Пришла мама, спросила:

- Как у тебя взаимоотношения с руководством?
- (Это она так хозяйина-барина называет.)
- Я его почти не вижу.
- Значит, хорошие.

Песня

Александр Вертинский. «Кокаинетка»

Что вы плачете здесь, одинокая глупая деточка,
Кокаином распятая в мокрых бульварах Москвы?
Вашу тонкую шейку едва прикрывает горжеточка,
Облысевшая, мокрая вся и смешная, как вы.
Вас уже отравила осенняя слякоть бульварная
И я знаю, что крикнув, вы можете спрыгнуть с ума.
И когда вы умрете на этой скамейке, кошмарная,
Ваш сиреневый трупик окутает саваном тьма...
Так не плачьте ж, не стоит, моя одинокая деточка,
Кокаином распятая в мокрых бульварах Москвы.
Лучше шейку свою затяните потуже горжеточкой
И ступайте туда, где никто вас не спросит, кто вы.

Помню, слушал и плакал. Мне тогда лет двенадцать было.

Мечта-2

А что если...

Коллеги-2

Подвалил Серега, дворник АТС, жаловаться:

- Я не знаю!
- Я, в принципе, тоже не в курсах.
- Гребни, говорят, и сзади!
- Сзади оно да, – я скребу лопатой по льду.
- Но за те же деньги!
- Серега, – говорю, – что ты орешь в шесть утра?
- А что в шесть? Валерка, что до тебя работал, к восьми приходил.

Когда уже всё укатают.

Собрал я бутылки со стаканами и подумал об однообразии моих функций и этих записок. Каждый божий день – стаканы, банки, бутылки, мятые сигаретные пачки, говно. Вообще говно.

Серега напоследок говорит:

- Я картонку возьму? Мусор собрать.

А собаки сидят вокруг крышки люка (столовой) и всем своим видом выказывают недовольство тем, что я опаздываю с ихним завтраком.

Уроды

Не зря вчера собачки негодовали. Сегодня смотрю, мужик какой-то у люка-столовой крутится, сначала подумал, что он тоже еду принес, а потом пригляделся – срет мужик. Хотел было лопатой ему промеж рогов ветвистых, а злости нет. Распалю себя, а в душе уют и умиротворение. И так его и этак, и нехорошим человеком, и скотиной бесстыжей, а он только сидит глазами хлопает. В результате высказал все, что думаю по этому поводу, а в ответ услышал:

– Может, выпить хочешь? Я сейчас куплю.

– Убирай, – говорю, – за собой.

Сгреб мужик говно фанеркой и побрел в указанном направлении.

Все оборачивался.

А я подумал, что за умиротворение такое во мне поселилось, не сродни ли оно душевной лени?

Но тут начался снегопад и развлек меня. Точнее, я плюнул на философствования и принялся махать лопатой.

Зы. Надо будет собачью столовую в другое место перенести.

Баба Зина

Простите, что помешал вам деньги прятать.

Дядя Митя

Дает советы и учит жизни.

– Возьми, – говорит, – два дома по тысячи с подъезда, и будет у тебя восемь тысяч.

– А если три? – спрашиваю.

– А если три, то пупок развяжется. А так, конечно, чего у магазина не грести.

И уходит, негодуя.

Вот он народный гнев. Потому что базис и надстройка есть везде, куда ни глянь. Буквально, даже дворники делятся на пролетариев умственного труда, стахановцев и попутчиков, что ошииваются у магазинов, ищут где послаще.

И лопаты у них кривые. И мозги.

То ли дело у дома грести. Тут тебе и простор, и инициатива. По крайней мере, у моего дома, у того, что баба Зина обслуживала, для инициативы места полно, гребни не хочу. Ходим по шею в сугробах и не вякаем.

Зато все местные дворники в оранжевых жилетах.

Да, я мечтаю об оранжевом жилете. А кто не мечтает?

Суровые профи

Переход в профессиональную лигу.

Только начал убираться, бежит Серега от АТС.

– Ухожу!

– Понял, – говорю, – сочувствую.

– Так что забирай участок!

Я немного растерялся.

– То есть?

– Хочешь, у входа – плитку драить, а хочешь – весь забирай, и зады тоже. Деньги несусветные! Короче, мне некогда.

И убежал.

Через десть минут вернулся.

– Да, и там не здесь – за свой счет лопату покупать. Там и рукавицы, и комбинезон, и скребок и метла пластмассовая летом!

– И оранжевый жилет? – еле сдерживая восторг, спросил я, затаив дыхание.

– Чего?

– Жилет, – я сглатывал крупную слюну.

– Про жилет не знаю, сам спросишь.

И опять убежал.

Такие дела.

Все-таки я, убирающийся у магазина, по настоящим меркам – любитель. По гамбургскому счету. А в АТС, с комбинезоном, пластмассовой метлой и записью в трудовой книжке – истинный профессионал. Круче только идиоты, что у жилых домов скребут. Но это такая крутизна, неподвластная уму, нам ее и даром не надо.

Да. Расту.

Почесал репу под белой шапкой с красным помпоном и возгордился. Вот что значит связи, вот что значит корпоративный дух и профсоюзная солидарность. Не абы как. В общем, надо дорогу почищать и идти в АТС оформляться.

Облом

Рано радовался.

Сегодня позвонили из АТС и извинились. Оpozдал я буквально на полдня. Приняли на работу двух старичков семидесятилетних, по договору о ненападении.

– Но как только, так сразу, – пообещала Ира-менеджер.

– Само собой, – обрадовался я.

– Долго-то они не того, – высказала предположение Ира.

– Да куда им, – согласился я.

– Держись!

– А то.

Тут надо как рассуждать? Так, что если мне не повезло, то кому-то повезло. Хозяину-барину моему, например, что горько бы рыдал, вздумай я уйти. Ну, и двум старичкам, само собой. Так что где наша не пропадала.

А жилет жалко.

Песня-2

В голове крутится под швырк лопаты:

Мадам, уже падают листья,
И осень в смертельном бреду!
Уже виноградные кисти
Желтеют в забытом саду!

Преследует меня Александр Николаевич. Но при чем здесь осенний бред с виноградом, когда на улице декабрь, пустые пивные бутылки и минус семнадцать?

А при том, что мечту не победить!

Тем паче очень дворническая песня, созерцательная и обнадеживающая.

Подберу бутылки с измятыми сигаретными пачками и пойду домой. Дома-то у меня горячая вода и банка какао.

Это ли не счастье.

Мечта-3

Есть у меня одна знакомая маленькая девочка, которую привязывают веревкой к крыльцу. Пока мама в городе, а бабушка ковыряется на огороде, девочка ползает, сколько веревка позволяет, вокруг крыльца и разбирает все, что попадется под руку. Из чистой любознательности. Все, что не успели спрятать. Эти строгие меры приняты после того, как она с телеги упала, сломав обе ноги, а до этого бодалась с козой, и коза ей выбила два передних зуба.

Я это к чему. К тому, что половину населения нашего района неплохо бы привязать. Чтобы не мусорили и не разбирали. И не бодались с козами.

А то чего ж?

Снег-5

Снега навалило, я вас умоляю.

Барин-2

Подтаяло, когда берешь мокрый снег на лопату, та аж трещит, бедная. Выгибается и того гляди лопнет. Хозяин-барин волнуется:

– Береги инструмент.

– А как же, – отвечаю, – берегу честь смолodu.

– Чего? – он не догоняет.

– Когда получка?

От этого вопроса барин всегда теряется и спешит скрыться с глаз долой. Вот и сейчас прыгнул в «хонду» и по газам.

– Стой! – кричу.

Но он делает вид, что не слышит, прикладывает к уху мобильник и типа беседует по государственным делам, минимум с Вованом.

Снег-5 и уроды-2

Думал, помру. Кидал снег семь часов без остановки. В шесть утра начал, в час дня остановился. Огляделся – можно начинать по новой. Все то время, что я сгребал и оттаскивал, он с наслаждением падал. Снег в смысле.

Поплелся к мусорным бакам, хоть немного отгрести свежего, смотрю, мужик в дубленке и идиотской шапке с загнутыми ушами ссыт на бак, говорю:

– Я тебе сейчас на голову наосу, паскуда.

– А че?

В одной руке открытая бутылка пива, в другой член.

Дальше непечатное, неохота собственный мат пересказывать. Кончилось все тем, что мужик взял лопату и принялся отгребать и уносить обоссанный снег.

А я ему мораль читал типа:

– Куда кидаешь? Подальше оттаскивай, бездельник. Развелось, понимаешь.

Когда он, увлекшись, закончил расчищать площадку перед баками, то сказал:

– Я тут, пока таскал, подумал и решил: был неправ, прости.

Я растрогался и говорю:

– Хрен с тобой, скотина, бывает.

А мужичок в ответ:

– Меня никто не уважает.

Нет, а чего он хотел?

Смилла

Скоро я, как та Смилла из романа Хёга, начну различать семьдесят два типа снега. Пока различаю четыре, три из них ненавижу. Но борюсь с этим чувством.

И конечно, все закатывают глаза и вздыхают, как только узнают, что я дворник.

– Боже, какая романтика, – сказала знакомая красавица-скрипачка.

– Не вопрос, – ответил я, – махнемся не глядя: ты мне – скрипку, я тебе – лопату.

Отказалась, но долго смеялась.

– Как я тебе завидую, – сказал венчурный инвестор, с которым мы учились в одном классе.

– Пошел в жопу, – ответил я.

Станет портфельным, пусть приходит, а пока нечего.

(Залез в инет, глянул, что такое портфельный инвестор.)

Лирическое описание

Снег пушистый, легкий, состоящий из отдельных, отчетливо видимых, снежинок. Больше всего напоминает покрывало или платок. Хочется уткнуться в него лицом, упасть или, хотя бы помацать в руке.

Говно собачье свежее, дымящееся, интенсивного цвета, наверное, пахучее. Больше всего напоминает говно. Ничего не хочется с ним делать. Ну, может, поразглядывать несколько минут. А поразглядывав, решить, что больше всего оно похоже на шоколадку.

Бутылки пивные пустые, припорошенные снегом, пахнут пивом. Красивые, многие – истинное произведение искусств. Зеленые бутылки на белом снегу, по мнению Растрелли, лучшее из возможных сочетаний цветов. Хочется отнести их в мусорный бак, как изумруды в банк.

Воздух утренний, густой от понижения температуры или прозрачный от мороза. Не знаю почему, но бывает так: выйдешь утром, на улице – минус два, воздух как молоко. Выйдешь на следующий день, на улице – минус одиннадцать, воздух прозрачен как лобовое стекло «мер-

седеса». А при минус двадцать четыре воздух и есть стекло, тронь – зазвенит.

Вдохнешь поглубже выхлопные газы ранних автомобилей и сивушный перегар, висящий над круглосуточным лабазом, почувствуешь себя бодрым и молодым.

Как-то так.

Метель

Мокрая метель. Убираешь снег, через три минуты – снова все завалено. Как не чистил. Руки опускаются, ей-богу. Пришел Серега, закурил и сказал:

– Нехорошо с АТС получилось.

– Да ладно.

– Нет, честное слово, мне даже неудобно перед тобой.

– Все нормально.

– Чего тут нормального? Кто ж знал, что эта дура объявление в газету дала. Приперлись старички, я-то думал, мы с тобой возьмем на двоих.

– Может, еще уйдут.

– Эти не уйдут, – здесь Сереге в лицо залепило снегом, и он принялся отплевываться.

– Крепкие?

– Один маленький такой, а другой – большой. В паре работают, гады.

– Тогда да. Серьезные ребята.

Серега ушел, а я продолжил свои упражнения на свежем воздухе, вытряхнув из капюшона куртки снег. Швырк-швырк лопатой, потом подцепил грязную кашу, понес к обочине. Пока носил, новый снежок напал. Тут же вспомнил, что это попытка такая знаменитая, из пустого в порожнее. Когда одна группа людей, допустим, наливает бочку водой, а другая тут же вычерпывает.

ТЬФУ.

Барин-3

Хозяин-барин офонарел вконец. Звонит и предлагает выйти покидать снег вечером, а то он, видите ли, идет и ложится, гад такой, прямо на землю. Причем около входа в магазин.

– Ты не заболел случайно? – интересуется.

– С какого?

– Ну так снег везде.

– Ну так я в шесть утра его убираю, а сейчас три часа дня. И с шести до трех его много выпало, если он без остановки хреначит.

Что-то я заводиться начал.

– Так как?

– Что?

– Выйдешь?

– А ты не охренел, чтобы я по два раза в день выходил за такие деньги?

– За какие?

Побеседовали, короче. Договорились встретиться на следующий день, обсудить ситуацию. Если он, Игорь Иванович, упрется рогами

в землю, то я его на хрен пошлю и не дрогну. Все же не те лавашки, чтобы прогибаться.

Тогда конец запискам.

Барин-4

Не получилось разговора, не пришел барин. И не перезвонил. Пока убираю снег по утрам, как всегда.

Но энтузиазма все меньше.

А снег идет без остановки, день за днем. Я уверен, по прошествии энного количества времени выяснится, что это была самая урожайная по снегопаду зима, самая сенокосная. Опять какой-нибудь рекорд побившая.

Гоняю алкоголиков.

Но что-то их мало стало.

Бухарики-3

Не гоняю алкоголиков.

Пусть пьют и ссут.

Пакт

Перетерли с барином. Душевно и с расстановкой точек. Пришли к соглашению, то есть барин был послан. Он пошваркал ногой по неубранному снегу и сказал:

– Ну, так что ж?

Я ответил:

– Не иначе.

Барин:

– Я поехал.

Я:

– Полюбасу.

Барин смотрится плохо, а ведь он не намного старше меня.

Вон Сереге, дворнику с АТС, пятьдесят пять, а выглядит как огурчик. Хорошо сохраняются только профессиональные дворники и во время завязавшие торчки.

Зы.

Купленную на деньги барина лопату пришлось вернуть, а бабы Зинину я себе оставил, на память.

Пакт-2

Через четыре дня позвонил барин и сообщил, что нанял трактор. То есть не так, он позвонил и сказал:

– Давай трактор найдем?

– Угу, – ответил я.

– Поговори с ним, скажи, что будем платить тысячу в месяц, пусть чистит. А ты подгребешь по краям.

– Нет.

– Не в один день. Постепенно. Сегодня – метр. Завтра – метр.

– Послезавтра полтора?

– Ну да.

Мне неохота было разговаривать, и я ответил, мол, перетру с трактористом, тем, который по утрам чистит подъезд к огромному торговому центру около моего дома.

– И сруби лед, – добавил барин, – и перетащи бруствер на дорогу.

Бруствер – это гора снега, что общими усилиями за те дни, пока я не убирался, организовали окрестные дворники на моем участке. Выше меня горочка, я мимо нее пару раз проходил. Она шибко раздражает барина, и он мечтает отодвинуть ее к обочине дороги, общей, той, что убирает город.

Лопата-4

Я говорю опереточному мужику, с бородой до пупа, в тулупе и ушанке:

– А с ножовочным полотном есть?

– Чего?

– Лопата с ножовочным полотном по краю?

– С пилой, что ли?

– С ней.

– Трудно делать.

Он помолчал, потом поинтересовался:

– А зачем тебе?

– Я – дворник.

– Я сам дворник, – мужик поправляет шапку, – двадцать лет отработал.

– И как?

– Плохая работа. Суставы болят. Уколы делаю по двести пятьдесят рублей за ампулу. Не помогают. Надо холодец из куриных ножек варить. Простое и надежное средство. Поешь пару лет – отпустит. А так что за жизнь: руку не поднять, жидкость ушла. Из суставов-то.

– Понимаю, – ответил я и пошел на фиг.

Но вместо на фиг встретил бабу Зину у родного подъезда.

– Бедный, – сказала баба Зина.

– Не понял.

– Что я, не вижу – еле ходишь.

– Вы чего это сегодня все взяли?

– Ты когда третьего дня дорогу-то чистил, я уж помочь хотела, да постеснялась. Смотрю, гребет и гребет, гребет и гребет.

– Спасибо, баба Зина, век помнить буду.

– Нельзя так работать. По честному-то. Что ты как дурачок.

Коллеги-3

Пришел Серега, спросил:

– Ты уже понял, что этот участок говно?

Гопники

Сначала мимо шли гопники местные, узнали меня, обрадовались и долго восхищались трудовым подвигом. Жали руку, а сами смущенно объясняли, что вышли опохмелиться, а так ни-ни.

– Ты же понимаешь? – спрашивали.

– Само собой, – соглашался я.

Потом пришел Серега прощаться, уходит он из АТС окончательно и бесповоротно.

– Последняя смена.

– Прощай, Серега, – я вытер скупую слезу.

– Ага. А насчет АТС не переживай, это хорошо, что вместо тебя старичков взяли. Хреново там.

– Что так?

– Все на виду, чуть не убрал – и готово дело, скандал.

– Поэтому ты меня туда и сватал?

– Нет. Я поэтому оттуда ухожу, а тебя звал по дружбе, – Серега смотрит на меня негодуя. – Как ты мог подумать?

Действительно, как? Не иначе гнилая сущность вылезает, глядит отовсюду. Помню, мне в школе завуч по воспитательной части так и кричала, едва увидев на другом конце коридора: «А! Макоша! Гнилая интеллигенция!»

В общем, взял я лопату покрепче и принялся дальше снег с дороги сгребать.

Трактор-2

Трактористы как вымерли. То ездят туда-сюда все утро, трещат моторами, то ни одного, когда надо. Расчистил подъезды, а потом пошел на дорогу, грести по методу хозяина-барина. То есть сегодня – метр, завтра – два. Но замечтался и захреначил всю. Срезал подмерзший укатанный снег, обходя припаркованные машины, выравнивал площадь. Получилось красиво.

Потом покурил, огляделся: вон он, бруствер. Начал с верхушки, тут, как специально, барин подъехал. Увидел меня, умилился и выдал аванс. Полез в карман, вытащил портмоне, оттуда купюры и вручил мне, с надрывом:

– На.

– Спасибо, – говорю.

– Тебе спасибо, – а сам руками делает такие неверные движения, как будто обнять меня хочет.

– Трактор видел? – интересуется.

– Работаю над этим.

– Не забывай.

Я как гаркну:

– Рад стараться!

Барин подскочил и убежал, а я продолжил таскать мокрый снег.

Вокруг бегали алкаши и разъезжались припаркованные машины. Короче, все мешали работать.

Машины

Ничего хорошего, говоря откровенно. Навтыкают, где только возможно, а ты кружи вокруг с лопатой. Хотел разозлиться, не получилось. Чего, думаю, им делать-то, пупсам этим, некуда тачки ставить. Не предусматривала инфраструктура города такое количество автомобилей. (Про инфраструктуру – это я для красоты.)

Мужик пришел, вытащил картонку из мусорки, постелил ее тут же, уселся. Сидит, привалившись к баку, культурно опохмеляется из четвертинки, хлебом закусывает. Я рядом снег скребу, специально на нервы ему действую. А он – ничего, ноль эмоций. Допил, бутылку выкинул и дальше побрел, согбенный.

Следующий идет с пивом. Я милостей от природы дожидаться не стал, говорю:

– Бросишь бутылку – убью.

Вздрогнул он, очки запотевшие поправил и спрашивает:

– За что?

Тут я засмеялся, а он бутылку в пакет и бежать. Видать, за дворника-маньяка меня принял. Что, в общем-то, правильно.

Пошел доскребать дорогу, а потом кормить собак.

Собаки-3

В банде столующихся у меня собак появилась новая псина со смешными ушами.

Приходил Валера, что до меня здесь греб, а теперь чистит у двух магазинов, открывшихся в доме напротив. В квартирах на первом этаже.

Спросил:

– Тебе деньги за лопату вернули?

– Вернули.

– Только не говори, что я спрашивал.

– Кому?

– Ему.

И ушел.

Вот ведь.

Профессиональный рост

У меня теперь новая тонкая специализация – сшибатель сосулек. Хозяин-барин назначил.

Парикмахерская-2

Перемерили с барином пять метров от угла парикмахерской. Неправильно-таки я намерил, забацал лишнего – шесть метров и не в ту сторону.

– Вот так надо, – сказал барин.

– Понял, – ответил я, поедая начальство взглядом.

– И не забудь сосульки, – инструктировал барин.

– А как же, – соглашался я.

– То-то же, – торжествовал барин.

Взял я лопату, посшибал сосульки, все им выговорил:

– Висите, – кричу, – проклятые? Сейчас я вас!

Очень красивые сосульки. Совершенные. Как по спецзаказу литые из горьких слез снежной королевы. Жаль было такую красоту сбивать. Поднял парочку с земли, полюбовался.

Лизать не стал.

Трактор-3

Договорился с трактористом. Я ему:

– Отсюда и дотуда.

А он мне:

– Будет сделано.

И как даст!

Пару раз прокатился в обоих направлениях – мама дорогая! Чисто, ровно, и только черные асфальтовые проплешины торчат, нет, не торчат, а всплывают островками.

– Нормально? – спрашивает.

Я от восхищения только головой кивать могу. Ну, помахал он мне рукой и укатил. А я то, что он к обочине сгреб, перекидал подальше и пошел бруствер перетаскивать. Вырубал ровные и красивые кубики смерзшего снега и переносил на газон АТС. А мелочь всякую, кашу, сгребал к обочине, для улады взора барина. Формировал там красивый бордюр, обрубал лопатой под прямым углом, как нас в армии учили.

Другана старинного видел, он мимо на работу бежал, высмотрел меня с другой стороны магазина и закричал, пугая редких прохожих:

– Мне уже сказали!

Надо думать, гопники донесли, что застали меня у парадного входа в круглосуточный с лопатой в руках.

Друган дальше поскакал. У него работа ответственная, нельзя опаздывать, он старший менеджер в котельной.

Напротив, у магазинов, Валера сначала снег сгреб, а потом подмел пластмассовой метелкой. Вот это подход.

Блондинка

Паркует паркетник на углу, там, где кончается мой участок и начинается общая дорога. Я ее каждый день вижу, блондинку, а не дорогу, хотя и дорогу тоже.

Такая фря в шубке леопардовой и с волосами до лопаток. Я по ней время проверяю: как только на горизонте появилась, значит, полвосьмого. Сверяю с часами на мобильнике, зазор – пять минут. Так что не надо, что все они дуры, эта, например, время различает.

Банкет

На деньги выданные хозяином-барином, купил:

- 1) Лайза Роугек «Сердце, в котором живет страх». Это такая биография Стивена Кинга;
- 2) Д. Володихин Г. Прашкевич «Братья Стругацкие», в серии ЖЗЛ;
- 3) Полкило пельменей «Царские»;
- 4) Пачку сигарет.

Выходные-2

Нет снега.

Собрал бутылки, пустые пачки, стаканы, шлифанул плитку у входа и закурил. Стою, дым пускаю, вокруг – никого. Хотя есть один таин-

ственный персонаж, что в любой день, в любой мороз, в одно и то же время проходит по тротуару на другой стороне дороги. Сейчас должен появиться. Ага, идет. Значит, все нормально.

Что его толкает на этот ежедневный поход? Не хочется думать, что банальная работа. Хочется, чтобы что-нибудь таинственное и запретное. Например, он выходит на связь с центром. Или, наоборот, уходит от порочащей его связи.

Молодой, в общем-то, человек, на вид лет двадцати пяти, во всем облике есть что-то дебильное, и серая куртка сверху. Торопится, пригнув голову, по сторонам не смотрит.

Пойду собак кормить, и домой.

Буду пить какао.

Жулька

Ракали с бабой Зиной махами. Она мне, а я ей. Это у нас такое утреннее приветствие выработалось. Я с работы иду, с лопатой на плече, а она только заступает у подъездных мусорных баков. Вот и машем друг другу. А Жулька подбегает лично со мной поздороваться. Прискачет, нос в ладонь сунет и обратно убежит.

– Как дела? – кричу я ей.

– Нормуль, – отвечает она мне.

И тут же к корефану своему, Джеку с красной клипсой в ухе, мчит-ся. Джек – черный как уголь, с дружелюбным взглядом, курсирует строго в пределах нашего дома. На меня смотрит с интересом. Вообще с собаками поговорить полезно, можно узнать много нового. И в отличие от людей дворовые собаки в большинстве своем нормальные ребята.

По крайней мере, пустые бутылки из-под пива не бросают.

Груз 200

Снег шел весь день и всю ночь. Вышел я утром, увидел объем работ и пригорюнился. Но тут прилетел дракон. Хренак в одну сторону, хренак в другую, дорога – на загляденье. Помахал мне тракторист Петрович из кабины рукой и дальше помчался город чистить. Может, он и не Петрович, не знаю, не успел познакомиться.

Раз такое дело, начал я у парикмахерской разгребать. Кинул пару лопат, мужик подходит в пальтишке и кепочке, робкий такой, спрашивает:

– Можно с вами посоветоваться?

– Конечно, – отвечаю, – затем здесь и поставлен.

– Я вот груз 200 привез, а дома никого.

– Так, – говорю.

– В военкомате-то я уже был, там сказали: или домой вези, или в морг. И телефонов нет.

– Понял.

– А дома никого. Я уже и джин-тоник купил и сигарет. Жду.

– Значит, так, – я лопату в снег воткнул и стал объяснять на пальцах: – У соседей был?

– Был.

– Что говорят?

– Ничего.
 – Ясно. Ждешь еще час, если никто не появляется, личные вещи покойника оставляешь у соседей, а сам едешь в морг, там сдаешь груз и получаешь справку для командира, понял?
 – Правда?
 – Абсолютно.
 – Я, пожалуй, два часа подожду, пусть срочники поспят, а то всю ночь ехали.
 – Можно и так, – соглашаюсь и беру лопату.
 – Я не хотел ехать, а начальство говорит: или вези, или пошел вон. Я и повез.
 – Очень хорошо понимаю, – я вгоняю лопату в смерзшийся снег.
 – Спасибо.
 – Не за что.
 Ушел мужичок, а я продолжил рубить бруствер. Хреначил его на ровные квадраты и оттаскивал. Хреначил и оттаскивал. Потом остановился и закурил.
 Перчатки рабочие у меня прохудились, беда.

Оттепель

Понедельник. На улице плюс два. Хожу по щиколотки в воде, рабочие ботинки, кирзовые из родного депо, хлюпают, как наказанный ребенок. Сгреб воду от обоих входов и от парикмахерской. Дорогу завтра дракон почистит от каши. Собрал изумительное количество пивных банок и бутылок, огляделся. Наверное, сегодня самая короткая смена. В шесть вышел, в семь – курю. Мимо народ бежит: ранний, пуганный, недовольный.

Покормлю собак, и баста.

В хоккее играют...

Надел новые перчаточки. Обмотал черенок лопаты черной матерчатой изолентой. Не весь, а самый конец, как хоккеисты клюшку – чтобы из рук не выскальзывала. Ну, держись, осадки всех видов!

Вчера встретил одну крайне симпатичную особу, и она, повздыхав, мне сказала:

– Жаль, я раньше не знала, что ты дворник. Я бы тебе отцовский инструмент отдала. Топор на палке, лопату с пилой, там так снизу приделано, пику, бумажки накалывать, и вот такую штуку здоровую, которой снег сгребают.

Она показал руками и попой, как, по ее мнению, сгребают снег здоровой штукой. Получилось красиво.

– Ну, – ответил я.

– Пришлось выкинуть.

Мечта-4

Я понимаю, что здесь не Швейцария, не какой-нибудь кантон Ури. Но все-таки мусорить надо меньше.

Оттепель-2

Все тает, и я в основном сгребаю воду с окурками лопатой. Потом беру картонную коробку из мусорного бака и хожу, собираю пустые пивные банки и бутылки. Сегодня почему-то обильно представлены грязные целлофановые пакеты и обертки от шоколадок. Хватаю их новыми перчатками, складываю в короб.

Вокруг мусорных баков – караул. С тех пор как я перестал наводить порядок, все заросло несусветной грязью. Принципиально прохожу мимо, хотя сердце обливается кровью и я чувствую нестерпимый зуд все вычистить. Последний раз барин твердо сказал:

– Баки не трогай.

– Некрасиво же, – возразил я.

– Некрасиво, но не трогай, – барин был суров.

– А как же...

– Мы за них больше не отвечаем.

Оно, конечно, да – не отвечаем. Но бутылку, валявшуюся на самой границе моего и соседнего участка, я все-таки поднял и отнес в мусорку. Не то чтобы на границе, так, в пределах видимости бутылка лежала, но неизвестный гад, судя по всему, опять пропал и не убирается около круглосуточного лабаза. Вот я и поднял. И пивную банку. И пару пустых пачек.

В общем, почистил я там слегка площадь.

Зима – весна

Все повылазило, четвертый день плюсовой температуры в декабре месяце, и обнажилось скрытое.

Собаки и те обалдели.

Снег растаял, и на всей моей территории представлен полный спектр весенних удовольствий дворника. Хоть бери метлу и мети. Но я хожу с лопатой, потому что, по старинному русскому поверью, говно убирать удобней лопатой, а не руками. Сколько съедается, выпивается, а потом бросается народом на землю – уму непостижимо. Такое ощущение, что обедало войско Чингисхана в полном составе, причем кони мусорили меньше людей.

Собирал всякую бяку полтора часа, а потом встал на своем любимом месте – на углу парикмахерской у железного поручня, отделяющего тротуар от дороги, закурил и начал бдительно. За время двадцатиминутного бдения ни один человек не бросил на асфальт ничего. Ни тебе бычка, ни крышки от пивной бутылки, ни фантика от шоколадки. Даже целлофановые пакеты не бросали!

Странно.

Очень странно.

Мечта-5

Выйду на пенсию, уеду в Грецию, поселюсь на острове Хриси и буду оливы лопать круглосуточно. А косточки сплевывать в бочку из-под дизельного топлива.

Боровички

Видел старичков коллег-конкурентов. И вправду, один низенький в искусственной лохматой шубе, а другой высокий в точно такой же кислотной поддевайке. Ходили около трансформаторной будки, разглядывали поверхность земли. Нашли одну пустую бутылку на двоих и торжественно сопроводили ее в мусорный бак.

Молча.

Да. Серьезные ребята, что и говорить.

А я тем временем вытащил из мусорки пенопластовый короб белый и принялся собирать в него всякую дрянь, предварительно скучкованную мной у бордюров. Хотя со среды на четверг мало пьют. В основном курят, так что вся моя площадь была в бычках разной степени свежести и достоинства. И, конечно, в целлофановых пакетах, что до сих пор приводит меня в недоумение и некоторую оторопь – чего они в них покупают? На фоне черного асфальта оттаявшего, запотевшие белесым молочком пакеты в шестичасовом предрассветном воздухе смотрятся как космические поганки. Кажется, тронешь такую, а оттуда потечет тонкой ниточкой млечный сок раннего утра на Венере.

Блондинка пришла, пора домой.

Трудотерапия

Слегка подморозило, и даже выпал снежок.

Поскрябал лопатой у обоих входов и парикмахерской. Швыркаешь снег – хорошо на душе, складно получается, размеренно. А в размеренном труде есть что-то здоровое, успокаивающие нервную систему, не зря душевнобольным рекомендуют. Хренак лопату, хренак вторую, вокруг воздух свежий и алкаши. Сгребешь снег в кучу, потом перекидаешь его на газон, закуришь и задумаешься. Народ только опохмелился, а у тебя уже рабочий день кончился и начался просто день. И так всегда, всю неделю, весь месяц, иногда всю жизнь.

Осталось чуть-чуть, и можно домой отправляться.

Еще вокруг не к месту поставленного народного автомобиля «фольксваген» убрать и позвонить одной принцессе, что как раз едет на работу, смотрит в окно и думает о том, как я скрябаю лопатой по снегу.

Позвонить и сказать:

– Здравствуй.

И услышать в ответ:

– Ой! Это ты?

Стабильность – признак мастерства

Каждый день одно и то же. И это не так плохо, как может показаться с первого взгляда. Пришел, собрал пустые бутылки, банки, сигаретные пачки, целлофановые пакеты, окурки. Сгреб снег, перекидал его куда подальше, помахал рукой повелителю дракона и возгордился хорошо сделанной работой.

Хотя докопаться можно и до столба, как известно. А в этом умении комиссии, проверяющей чистоту мест, нет равных. Бредут члены – инспектора и инспекторши – и, алчно сверкая глазами, выискивают не-

доработки с упущениями. А что это у вас, вопрошают, уж не бумажка ли говенная выглядывает из-под левого угла правого мусорного бака? Она, родная, она, отвечает им хозяин-барин, трясаясь мелкой дрожью крупного нарушителя, и тут же обещает: «Ужо я задам дворнику, ужо я ему, подлецу!»

Ну, и тут, понятно, появляюсь я, крайний, и огребаю по полной.

С лопатой на правом плече

Шесть тридцать утра.

Я гребу, люди идут, переступая через нагребанное, алкаши похмеляются, все соразмерно и благостно. Картину нарушают двое: спившаяся маруха неустановленного возраста и ее дружок – одяжка лет пятидесяти с гаком. Гак приличный, хотя понять, сколько лет алкашу, по внешности невозможно, зазор – лет пятнадцать. В руках у парочки бутылка бормотухи и пластиковый стакан, они пристраиваются на углу, в двух шагах от меня. Я подхожу к ним:

– Охренели?

Смотрят.

– Пошли вон.

– Обойдемся без оскорблений, – отвечает маруха, отсвечивая трехдневным, уже начавшим багроветь, синяком под левым глазом, – я сама дворником работала.

– И я, – влезает мужик.

– Ах, вы... – говорю и начинаю ржать. Не могу остановиться. Меня это ее «обойдемся без оскорблений» снесло.

– Мы аккуратно, – успокаивают, – все соберем в сумку.

– Смотрите, – пугаю их на всякий случай и иду грести дальше.

Когда закончу, часа через полтора, закину лопату на плечо и отправлюсь домой, сидеть в кресле, листать книгу и пить какао. Но сначала проверю, забрали они бутылку и стакан или бросили на землю, супчики.

Подзорная труба

Видел Жульку, пристально разглядывающую горизонт.

Тени

Воскресенье, на улице в семь утра практически никого, я скребу себе и скребу. Около парадного входа, потом пожарную дверь, растущую из земли, следом второй вход – служебный, затем у парикмахерской. Чуть попозже дракон захреначит дорогу, и будет хорошо. Мимо идут за вином в круглосуточный лабаз мои друзья-алкоголики, что ежедневно собираются на пьяном углу, часов в пять-шесть утра, генерируют идеи. Члены общества мертвых поэтов. Синие и зеленые, радужные и восковые. Так-то в лабазе вино до восьми утра не продают, но члены – все местные. Половина в круглосуточном работала, кто хлеб возил в другой жизни, кто грузчиком корячился, а другая половина спала с продавщицами. Все жмут мне руку, Малёк останавливается побеседовать:

– Я теперь туда ни ногой.
 – Понимаю.
 – Я там скандал учинил, – он закуривает.
 Я тоже достаю сигарету, и мы встаем у железного парапета.
 – Пришел в пять утра, даю деньги, говорю, девчонки, мне четверку.
 А смена какая-то дурная, честное слово, разорались: да мы не такие, да мы указы соблюдаем, да тут везде видеокамеры. Я говорю, что я, не понимаю, что ли, я спиной к камере. А они: пошел вон, алкоголик, да как не стыдно, тут у нас один уже помер недавно у прилавка, не успел опохмелиться, скотина.
 – Чего, – я аж рот открыл, – помер?
 – Да. Короче, я деньги на стойку кладу, а сам – через прилавок, – Малёк затягивается.
 – И? – я затаил дыхание.
 – Хватаю чекушку и обратно тем же макарном.
 – А они? – я смотрю на Малька с восхищением.
 – Чего они, в ор, конечно, ментами давай грозить, обзывать. Я из магазина-то вышел, вот тут вот встал, где мы сейчас с тобой, и из горла засадил.
 Он немного помолчал.
 – Иначе бы тоже помер.

Банкет-2

Угодил на распродажу книг, схватил, разбрызгивая слюну:
 1) Джек Керуак «Бродяги дхармы» (с некоторым сомнением, надо сказать, недолюбливаю я Керуака);
 2) Орхан Памук «Имя мне – Красный» (уж больно цена симпатичная);
 3) Джон Ирвинг «Последняя ночь на извилистой реке» (фактически без сомнений).
 Слюни слюнями, но одергивал себя, сдерживал.

Следы

На свежем снегу только мои следы и собачьи.
 Я иду домой и все вспоминаю недавний разговор с Мальком. Как он тогда через прилавок махнул за четверкой. Не дали нам в тот раз договорить, вышли коллеги из лабаза и утащили Малька опохмеляться.
 Андрюха Псоев-Захерев только успел крикнуть:
 – Стихи-то пишешь?
 – А як же ж, – ответил я, – на снегу, как полагается.
 Теперь переворачиваю лопату и вывожу черенком:

Салфетки белей алебастр балюстрады.
 Похоже, огромный, как тень, брадобрей
 Макает в пруды дерева и ограды
 И звякает бритвой об раут галерей.

Если честно, то я где-то на «балюстраде» сдался, перестал писать, уж больно согласных до фига.
 Короче, многа букаф.

Прерогатива

Поймал гада, что убирается у круглосуточного. То есть он сам подошел, выяснить, откуда и докуда я убираюсь, а откуда и докуда он.

– Мне начальник сказал: до этого столба, – сообщает и тычет пальцем, – а раньше я везде чистил.

– А мне до этого, – говорю я и тоже делаю рукой некое движение.

– А это чье? – показывает на участок метра в три шириной, между нашими двумя.

– Ничье. Ты что, не в России живешь?

Стоит глазами хлопает. Маленький, черненький, зовут – Боря, полный рот золотых зубов, национальность – таинственная. Айсор, наверное.

Перетерли мы с ним и разошлись каждый на своем участке лопатой шваркать.

– Я два раза за тебя чистил, – радуется меня на прощание.

– Как же, как же, – радуюсь я, – видел.

Снега навалило за всю мазуту, когда отгреб парадный вход, было девять утра, а когда закончил у парикмахерской – одиннадцать. Выровнял сугробы на границе, отошел к парапету и закурил. Подумал, самый приятный и уютный звук, что я слышал, – звук закипающего чайника на плитке в теплой подсобке. Когда сидишь в шерстяных носках и, допустим, валенках, на вешалке напротив висит телогрейка, а чайник шмыркает с посвистом. Еще желательно, чтобы на улице была метель и ветер выл, а у тебя в руке сигарета, и сидишь ты на крепко сколоченном топчане, покрытом старым одеялом. И в кармане телогрейки – холодная чекушка.

Я курю.

Мимо мальчик идет лет одиннадцати-двенадцати, без шапки, останавливается около меня и требует:

– Дай пять рублей.

Я ему отвечаю:

– Сейчас я тебе лопатой дам.

А он мне:

– Лопатой я и сам могу.

– Я думал, лопатой давать моя прерогатива, – у меня хорошее настроение после пятичасовой интенсивной трудотерапии. Действует метод.

– У кого лопата, у того и прерогатива, – четко так выговаривает мальчик и смотрит на лопату, прислоненную к парапету.

– Ах ты, паразит, – говорю я, а мальчик корчит рожу и неспешно ретируется в сторону мусорных баков.

Я докуриваю и тоже ухожу.

У дома вижу бабу Зину и ракаю ей махами, а она мне кричит от соседнего подъезда:

– Только идешь?

– Ага.

– Досыта, значит, сегодня.

А Жулька тявкает из сугроба и виляет хвостом в знак приветствия.

Из сугроба лишь хвост ее и видно.

Дракон

Пока я расчищал парадную дверь, повелитель дракона зафигачил вчистую дорогу. Вообще без него я бы пропал.

Пошел к парикмахерской, начал кидать снег, слышал, как за углом скребет пешней лед айсор Боря. Я теперь новым способом работаю: раньше снег сгребал в одну общую кучу, а потом перекидывал его на газон. Сейчас сгребу метр-полтора, перетаскаю, еще метр-полтора, опять перетасу.

И так далее.

Не знаю, как лучше, но волочить лопату с кубометрами снега, собирая его в огромную гору, сил нет. Тем паче она цепляется за что ни попадя. Или размахиваешься лопатой от души, вгоняешь в сугроб, а она, сука такая, упирается в смерзшийся снег. Нет ничего хуже, когда размах пропадает на половине. Чувствуешь себя жестоко обманутым в лучших побуждениях. Другое дело, вонзишь ее в чуть мокрый снег по самое не балуй, смачно и со вкусом, поднимешь, трещащую от нагрузки, и кинешь за спину, через правое плечо.

Примерно так.

На нейтральной полосе

Боря, круглосуточный дворник, теперь использует нейтральную полосу шириной в три метра между нашими участками как временное хранилище снега. Сгребает туда от своего пограничного столба грязную кашу и радуется, надо полагать. Я молчу, как лицо не заинтересованное, но очень впечатлительное. Потому что дураку ясно: как только дойдет дело до раздачи призовых слонов, эти три метра придется кому-то брать. Мне они не нужны, Боре, судя по всему, тоже. Значит, хозяин-барин с Бориным начальником упрутся рогами и будут делить, то есть всячески отбрыкиваться от полосы, под патронажем районной администрации. Только так.

Пока мы с Борей гребем каждый свое. Причем у служебного входа в круглосуточный лабаз возникла даже некоторая конкуренция. Дверь входа на мою территорию смотрит, и мне соответственно нетрудно пару-тройку лопат кинуть, чтобы девчонки-продавцы в снегу не тонули. А сегодня, смотрю, Боря, сверкая в предрассветной мгле зубами самоварного золота, старается, ну я и отошел в сторонку.

– Здравствуй, – говорит он мне.

– Здравствуй, – отвечаю я ему.

И дальше гребем.

Закончил я у парикмахерской, встал к парапету, как полагается, и закурил. Мимо люди идут. А я стою. А они идут. Тетки через сугробы прыгают, а мужики напрямую прут.

В общем, жизнь налаживается.

Битники

Я оказался прав, Керуак – редкостное говно.

Меня вообще восторг перед шарлатанами самой жизни деморализует. Более того, я по мирозерцанию – мизантроп и всех, кто ни хрена

не делает, а только груши шлангом околачивает и при этом говорит красивую и пафосную хрень, презираю.

А иногда и не презираю, чего ж, думаю, с них взять, пусть треплются. Не убивают же.

Отчаяние

Снег валит сплошной стеной, зачерпнешь лопатой, кинешь, повернешься обратно – как не прикасался. Золотозубый Боря говорит:

– Ты у того входа начинал? Да?

– Да.

– Я сейчас там был – все завалено.

Что тут можно ответить. Покурили мы с ним у стены магазина, посоветовали на снегопад, и он уточнил:

– Будет идти до апреля? Да?

У него получается с тяжелым акцентом, воспроизводить который здесь нет никакой нужды. Ну, примерно, так: «до апрэла?»

Я пошел к парикмахерской, где испытал тяжелый шок, переходящий в отчаяние. Утром, в шесть часов, едва я вышел на участок, видел дракона, чистившего дорогу. А сейчас передо мной лежит целина. Девственная. Ни малейшего следа деятельности человека или мифических существ, как то: валькирий, орков и саламандр. Сплошной снежный ковер, мне по колено.

Начал сгребать. Греб часа три-три с половиной, мешала «хонда», брошенная хозяином пару дней назад на площадке перед дверями парикмахерской. Обошел драндулет по периметру, получилось – забавно. Только встал у парапета перекурить, «Хонда» замигала подфарниками, запиликала и начала прогреваться. Значит, сейчас подойдет орел. Или орлиха; маленькая машинка – дамская, в крайнем случае унисекс. Стою, курю, к машине подваливает мальчик в курточке с капюшоном и без головного убора. Начинает счищать щеткой снег с лобового стекла.

– Давай короче, – культурно прошу я.

– Еще чуть-чуть, – докладывает мальчонка.

Уехал, а я сгреб контур его машинки и огляделся. Более-менее, хотя до «нормального» далеко. И полоса эта еще нейтральная проходит между нашими участками, как немой укор всем дворникам мира.

Народ вязнет в снегу и чертыхается.

Плюнул я на амбиции и вычистил нейтральную полосу, просто так, чтобы люди могли ходить.

Нехай.

Потому что харэ

Купить попугая, назвать его Бодрийяр и научить выговаривать: Дер-рида, Дер-р-р-р-ида, Дер-р-р-р-ида!

Урк

Поголовье дебилов увеличивается как-то не пропорционально. Но это я так, к слову.

Словарь

Гребу у служебного входа, закрытого администрацией то ли в связи с обильным снегопадом, то ли за ненадобностью вообще. Мимо топают два дворника в оранжевых жилетах, настоящие асы и кентавры. Первый дворник, тетя, проходит мимо, а второй дворник, дядя, останавливается около меня, смотрит на забитую машинами площадку перед парикмахерской и говорит:

– А ты прямо на них кидай.

– Ага, – отвечаю я и продолжаю грести.

– А то, вишь, моду взяли ставить где придется, а мы их обслуживай, – дворник дышит стопроцентным перегаром: густым, вчерашним – правильным.

Я гребу.

– Обихаживай, – добавляет дядя и идет себе дальше, маленький, метр с кепкой, но широкий.

Мне понравилось слово «обихаживай», домашнее и ласковое, давно его не слышал. Хотя логики в словах дяди я не уловил. Смысл понял, а логики не уловил.

О! блондинка пришла, пора домой. Сейчас разложу собакам еду, и все.

Цитата

Из Аркадия Аверченко, блестящего и неподражаемого:

«Да. С романом Брешки вниз! Как это он: “Виконт надел галифе, засунул в карман парабеллум, затянулся “Боливаром”, вскочил на гунтера, дал шенкеля и поскакал к авантюристу Петко Мирковичу!” Слова-то все какие подобраны, хе-хе...»

Брешко здесь – это Николай Николаевич Брешко-Брешковский, знаменитый русский беллетрист, писавший авантюрные романы. Я читал «Ремесло сатаны» и «Дикая дивизия» – нормалек.

Зы.

Получилась двойная цитата, одна в другой.

Отчаяние-2

Снег мокрый и неприподъемный, лопата гнется и трещит. Таскаем вместе с Борей: он у круглосуточного, я у парикмахерской. Боря часто присаживается к стене передохнуть, а я предпочитаю сделать полностью, потом курить. Это из детства, из Джека Лондона, там, где Смок Белью наблюдал за индейцами и делал вывод: долгие переходы – долгий отдых. А может, мне так удобнее. «Хонда» дрыхнет на том же месте, мешая, зараза.

Сколько раз я мечтал обрести работу, где не будет всяческого дрека и дерипаса. Где будет чистое наслаждение трудом и хорошо выполненными обязанностями. Казалось, работа дворником – то, что надо. Ан нет. До фига заморочек. Вчера сгреб снег к дороге, сформировал там красивый ровный бруствер, сегодня его размолотили машины, паркующиеся на площадке перед парикмахерской. Представлена безобразная грязная снежная каша в обильном количестве.

Пошли они на хрен.

«Хонда» слегка вздрагивает, зажигает подфарники, удивленно смотрит вперед, потом урчит и протирает глаза – стреляет на лобовуху незамерзайкой и проводит пару раз дворниками (какая ирония), как будто поднимает и опускает веки. Мне нравится на нее такую смотреть, а вот то, что хозяин бросает ее поперек дороги, – нет.

Когда он подходит, я некоторое время думаю, дать ему по едалу или погодить. Решаю погодить, потом решаю, что дать ему по едалу – это испортить себе карму и настроение на весь день.

Хотя состояние к тому времени у меня было подходящее.

Цитата-2

«... Ибо чтобы здесь, в такую погоду, что-нибудь делать – нужны только грандиозные мотивации, а то и просыпаться не стоит» (Д. Быков).

Ну, проснулся, ну, встал, пошел на улицу с лопатой.

Какие, на хрен, мотивации?

Труд

Хорошая штука – опыт. Он учит, что все русские поговорки и присказки – работают. Что все образуется само собой, что все авось наладится и заколосится. Что сенокос – дело правильное и нужное, а колхоз – добровольное. Что я потихоньку решу проблемы с паркующимися машинами, бухающими алкашами и охреневшим начальством. Что, в конце концов, работа не волк и в лес не убежит.

Или:

1. Есть терпенье, будет и умение.

2. Орать – не в дуду играть.

3. Цыплят по осени считают.

В таком ключе.

И еще: смерть смертью, а крышу крой.

Бляха-муха

Из инета:

«Летом дворники ходили в черном картузе из черной кожи с лакированным черным козырьком для защиты от дождя; на околышке медная пластинка с надписью “Дворник”. Они носили специальный так называемый дворницкий жилет. Это был черный или темно-синий двубортный глухой жилет с небольшим вырезом и с отложным воротником. Застегивался он на семь-восемь маленьких пуговиц по борту. Под жилет надевалась русская рубашка из сатина или ситца. Она выпускалась из-под жилета. Сверху дворники обязательно носили белый холщовый фартук с нагрудником. На шее у дворника на медной цепочке висела большая медная овальная бляха, на которой по кругу была надпись с названием улицы и номер дома. Иногда бляхи не висели на цепочке, а прикалывались с левой стороны груди. У дворника был свисток, чаще всего сделанный из рога. Дворники носили широкие черные шаровары и высокие сапоги, яловые или с “гамбургскими передами”. Весной и осенью на сапоги надевались от сырости глубокие калоши. Верхней одеждой дворника была поддевка, подпоясанная кумачовым кушаком.

Ночью на дежурство они надевали огромный, до пят, черный тулуп с большим шалевым воротником. В тулупе они и спали в подворотне. Зимой вместо картуза дворники носили круглую барашковую шапку того же фасона, что и городовые.

Обычными были борода и усы, а волосы подстригали “в скобку”. Дворники из бывших солдат бороду брили, стриглись коротко, оставляли лишь усы. Дворники татары голову брили, носили небольшую бороду и усы, на голове тюбетейку из сукна или бархата. Дворники государственных зданий носили фуражку с кантами по цвету, присвоенному ведомству, круглую кокарду, двубортный черный бушлат с металлическими пуговицами, присвоенными ведомству, и с петлицами».

Морок

На улице – плюс. Мы с Борей счищаем снежную кашу и гоняем воду. Бывает, перекуриваем: я – сигарету, а Боря – насвай.

В общем-то все тихо-мирно.

Иногда Боря спрашивает:

– У тебя дети есть?

Или:

– Завтра во сколько придешь?

Иногда я спрашиваю:

– Как оно?

Или:

– Я тебя вчера видел?

Потом мы оба встаем, упираемся на лопаты и смотрим вдаль. Что мы там рассматриваем, я не знаю. Может, светлое будущее, полное чистых тротуаров, дорог и подъездов к служебному входу.

А может, просто так стоим.

Кольца и браслеты, юбки и жакеты...

Я теперь гребу, собираю мусор и ни во что не вмешиваюсь, делаю свою работу, а они: срут – пусть срут, ссут – пусть ссут, блюют – пусть блюют. Кидают бутылки, банки, сигаретные пачки, целлофановые пакеты, окурки, бомбы, понты.

Богу нужны все.

Мне, что ли, их судить.

Лето придет

Что остается добавить.

Зима будет длинная и снежная, но мы ее переживем, как пережили предыдущие. Перекидаем весь снег и расколем весь лед, где бы он ни был. Передумаем все думы. Даже поднимем все пустые бутылки. И все пустые разговоры.

Наведем порядок.

Потом будет весна и лето, а летом, говорят ветераны, в сто раз легче работать дворником и человеком, чем в остальные времена года.

Так что бум жить дальше.

Красота как она есть

Вчера первый раз не вышел на работу. Не смог подняться, постоянные перепады температуры с плюса на минус сделали свое дело. Внешнее атмосферное давление никак не хочет соотноситься с внутренним. Короче, тошнит, слабость, и голова едва не отваливается. И, что самое главное, именно в этот день, точнее ночь, с плюс два захреначило на минус двенадцать.

Лежал на диване и четко представлял, как мокрый снег замерзает, превращаясь в грязный лед и дополнительные проблемы. Испытывал тяжелые угрызения совести в связи с прогулом. Весь день насмарку. Даже чаю не пилось.

Сегодня рубил наледи.

Нет уж, братцы, лучше каждый день помаленьку.

Через «не хочу», через «мать вашу».

Дискурс

Ташил через дорогу лопату со снегом, место такое неудобное у парадного входа, что умнее через дорогу оттащить, чем на газон за тридевять земель носить. Пока пер, в меня на полном ходу врезался мужик. В меня врезался и меня же обозвал. Пришлось сначала догнать мужика и объяснить ему политику партии на ярких и убедительных примерах с черенком и кишечником, а потом сгребать снег с дороги.

Вытащил из бака картонную коробку и собрал мусор. Изрядно вчера наколобродили: помимо обычного набора из пустых пивных банок и водочных бутылок, сигаретных пачек и полторашек из-под лимонада, пластиковых и стеклянных стаканов, прибавились тряпки. Буквально тряпки, уж не знаю, зачем и чего они рвали, но нарезали немало. И все такое воздушное, гипюровое.

Блондинки что-то не видно, начинаю беспокоиться.

И «хонды» нет.

Установки

Гребу у парикмахерской, Боря советует:

– Не надо к дороге, да?

– Барин велел.

– Штраф – сорок тысяч рублей, – у Бори во рту насвай, он говорит немного шепелявя.

– Да иди ты?

– А?

Не было печали. Начинаю оттащить снег на газон. Скольжу на льду, чуть не падаю, когда иду обратно, замечаю необычный пакет. Подхожу поближе – кулек из «Макдональдса». Учítывая, что ближайший раздаток находится за шестнадцать остановок от круглосуточного лабаза, люди специально приезжают сюда из центра города есть гамбургеры. И пить кока-колу: пара бумажных стаканов валяется тут же. Там покупают, а едят здесь, перед служебным входом.

Мимо пролетает дракон, тормозит, из кабины выглядывает Петрович, который наверняка не Петрович, и просит:

– Мне бы аванс?

– Чего?
 – За полмесяца, рублей пятьсот.
 – Я поговорю с барином.
 – Ага, – повелитель дракона захлопывает дверь и, рыча, уносится в горные выси.

Или где там живут птеродактили.
 Днем звоню хозяину-барину, докладываю:
 – Тракторист просит аванс.
 – Нет денег, – барин в своем репертуаре.
 – Да и хрен с тобой.

Я решаю на следующий день отдать Петровичу пятисотку из личных запасов, из кровной нычки, некоторым образом.

За базар надо отвечать, и вообще – честь дороже.

Тема

Срубаю метр смерзшегося снега от угла служебного входа по направлению к мусорным бакам. Барин приказал. Я этот так называемый тротуар специально снегом закидываю, чтобы на углу не ссали и не пили, а барин говорит: руби. Ну и рублю.

Хорошо слежался снежок, на него еще удачно с крыши течет при оттепелях, а потом морозом прихватывает, и по плотности он стал сродни бетону. Такие ощущения от отскакивающего лома. Не бруствер, а редут.

А разговор по телефону у нас с барином вышел следующий.

Хозяин-барин:

– А чего это ты тротуар у служебного входа не чистишь? Тот, что к помойке ведет?

Я:

– Так ведь ссут.

Барин:

– Ну и что?

Я:

– Блин.

Барин:

– Все равно сруби, хоть метр.

Взял я у продавщицы Вали из отдела обоев лом и пошел. А Валя прокомментировала:

– И что это вы на такой страшный инструмент перешли?

Цитата-3

Хочу тут цитату из инета привести в ответ на всяческие инсинуации: «В двадцать первом веке мало что изменилось в содержании труда дворника – ручной физический труд на виду у множества людей. К сожалению, профессия дворника, труд которого так необходим людям, никогда не была престижна. И в царской России, и в советские времена, и сейчас дворниками работали и работают чаще всего люди, приехавшие в город из другой местности. Дворников со старых времен до недавнего времени обеспечивали жильем. В дворники шли люди старшего возраста, часто одинокие.

Профессии дворника и мусорщика психологически очень специфические».

Это, понятно, про железных дворников-кентавров, а меня обеспечить могут только неприятностями. Специфическими.

Да и местный я, родился здесь, впрочем, как и мои: отец, дед и даже прадед.

Трудовые будни

Никак не могу поймать повелителя дракона, чтобы передать ему аванс. Не состыковываемся. Снега нет, и я провожу на улице не так много времени: соберу мусор, пошкрябаю лопатой у входа для понта, покурю, и все.

Сегодня лопата как-то неправильно звучит, очистил ее от снега, пригляделся – елки-пали, стерлись клепки, удерживающие ножовочное полотно на совке. С одного края пила отошла и постукивает с неприятным всхлипом. Приду домой, надо будет посадить на болты, клепок-то у меня все равно нет.

Пока разглядывал лопату, подъехала мусороуборочная машина, лихо затормозила у баков, из кабины вылез паренек, поколдовал у ручек пульта управления. Потом опрокинул баки в ненасытное нутро монстра, роняя по дороге картон и всякую мелочь.

Пространство вокруг баков уделано на загляденье. Скоро будет не подойти и не подъехать. Паренек посмотрел на меня, хотел было что-то сказать, но передумал.

Когда машина улетела, я подобрал все, что они уронили, и немного почистил снег вокруг баков.

Покормил собак и пошел домой.

Зы.

Блондинку не видел.

Дворник Боря

Боря спрашивает меня:

– Тебе сколько лет?

– Сорок пять.

– А мне? Только честно?

Выглядит он, надо сказать, на все шестьдесят четыре и больше всего похож на активного сидельца по статьям средней тяжести.

– Сорок семь, – говорю я.

– Эх! Откуда знаешь?

От верблюда.

Боря расстроен: накануне его жену, работающую в киоске продавцом, оскорбил покупатель. Боря хотел отомстить люто, но жена уперлась, дескать, не смей, опять посадят. Вот Боря мне и жалуется на судьбу с утра. Подтверждая мою версию о его большом уголовном прошлом.

– Сто рублей кинул, маленькую водку взял.

– Ну? – интересуюсь я дальнейшим развитием событий.

– Потом коньяка стаканчик, – Боря вытаскивает пачку сигарет, – будешь?

Мы закуриваем.

– Так расстроился, даже снег убирать не стал, – подводит итог Боря.

– Понимаю, – сочувствую я и беру лопату.

На площадке перед парикмахерской стоит шикарный «лексус». Минут двадцать назад из него вылезла пигалица ростом с колесо

означенного транспортного средства и, пикнув сигнализацией, убежала. А я проглядел этот момент и не успел послать ее в жопу, то есть на другую самостоятельную стоянку.

Когда теперь явится укротительница внедорожников, неизвестно, и я огибаю машину по контуру.

– А начальник мне тысячу рублей дал, – сообщает Боря.

– ?

– За то, что я вот этот снег перекидал, – Боря показывает на порушенную им часть находящегося на его территории бруствера.

– Молодец, – отвечаю я.

– Кто?

– Оба.

Боря вздыхает, берет картонную коробку с мусором и отправляется к бакам.

Брызговик

Отдал я повелителю дракона Петровичу пятьсот рублей.

Дорогу он уже почистил, и я принялся за служебный вход. Снега навалило – ни пером описать, ни в сказке сказать. Греб три часа, когда вышел к парикмахерской, от меня аж пар валил. Остановился перекурить у парапета. Разглядел что-то непонятное на другой стороне дороги. Пошел, поднял – огромный брызговик от грузовика. Постелил его около входа. Чисто на загляденье.

Пока стоял и курил, тут же замерз, натянул шапку с помпонами поглубже, схватил лопату и давай снег кидать поближе к обочине. Нехай барин штраф платит в сорок тыщ.

Отдал бы трактористу пятьсот рублей по-хорошему, тот бы все и отволол, а теперь я и не заикаюсь.

Потому что тот, кто экономит на оплате людского труда, потом выкладывает втрое, если не вчетверо, больше.

А может, и не выкладывает, кто их, капиталистов, разберет.

Видел блондинку.

Лытдыбр

Странно, но площадка перед парикмахерской пуста. Ни тебе «хонды», ни тебе «лексуса». Снега выпало недельная норма – сам по телевизору слышал, – поэтому упирался долго. В редкие перерывы курили с Борей у стенки круглосуточного лабаза. Разговаривали о бренности сущего. Боря, сверкая золотыми зубами, не соглашался:

– Не понимаю.

Я напирал:

– Осознай.

– Нет. Не может быть.

– А я про что? Быть – не может.

В общем, вели дворницкие философские беседы. Как Павел Флоренский с Сергеем Булгаковым.

Снег падал.

Потом мимо прошкандыбали незнакомые алкоголики и попросили не бить их лопатой.

Пришла блондинка, я покормил собак, и, вроде бы, все.

Отрывок-2

«В те времена палаток букинистов было до тридцати. Здесь можно было приобрести все, что хочешь. Если не найдется нужный том какого-нибудь разрозненного сочинения, только закажи, к другому воскресенью достанут. Много даже редчайших книг можно было приобрести только здесь. Библиофилы не пропускали ни одного воскресенья. А как к этому дню готовились букинисты! Шесть дней рыщут – ищут товар по частным домам, усадьбам, чердакам, покупают целые библиотеки у наследников или разорившихся библиофилов, а “стрелки” скупают повсюду книги и перепродают их букинистам, собиравшимся в трактирах на Рождественке, в Большом Кисельном переулке и на Малой Лубянке. Это была книжная биржа, завершавшаяся на Сухаревке, где каждый постоянный покупатель знал каждого букиниста и каждый букинист знал каждого покупателя: что ему надо и как он платит. Особым почтом у букинистов пользовались профессора И.Е. Забелин, Н.С. Тихомиров и Е.В. Барсов.

Любили букинисты и студенческую бедноту, делали для нее всякие любезности. Приходит компания студентов, человек пять, и общими силами покупают одну книгу или издание лекций совсем задешево, и все учатся по одному экземпляру. Или брали напрокат книгу, уплачивая по пятачку в день. Букинисты давали книги без залога, и никогда книги за студентами не пропадали».

Любимый автор, один из лучших.

Воспитание чувств

Ночью шел снег.

Греб у парадного входа, а народ пер по нагребанному. Хлебный фургон припарковался на тротуаре, где мне предстояло чистить, и стоял полчаса. Пьяный мужик зашел за угол и принялся ссать.

Я вогнал лопату в кучу снега, ухватил побольше и потянул вверх, а в это время тетка в шубе, шедшая мимо парадной двери, совершила некое странное движение. Она подпрыгнула, видимо, желая перескочить через скучкованный мной снежок, вытянула ногу, утробно выдохнула (с подвизгиванием) и приземлилась ровно на лопату. Раздался неприятный звук несанкционированно сгибаемого металла.

О, как это воспитывает характер!

О!

В том плане, чтобы никого не убить.

Дружба народов

Поздоровался с Борей и продолжил свои упражнения на свежем воздухе.

Боря приходит чуть позже меня, забегает в круглосуточный, потом появляется с лопатой и начинает чистить фасад. Я в это время заканчиваю разгребать у парадного и перемещаюсь к аварийному выходу, произрастающему из земли. Следом – служебный закрытый вход, затем у парикмахерской.

Когда я огибаю здание и выхожу на финишную прямую, Боря подходит со мной покалякать. Обычно он спрашивает:

– Как дела?
 Я отвечаю:
 – Нормально. А у тебя?
 Он говорит, что все, мол, путем, и мы продолжаем грести.
 Но сегодня, вместо того чтобы поинтересоваться моими делами, Боря произнес:
 – Узбека одного видел.
 – Так, – отозвался я.
 – Ему моя жена говорит: «Смотри, у меня муж не подарок».
 – Угу, – я стараюсь соответствовать моменту.
 – Ну вот.
 Боря уходит.
 Судя по всему, разговор у нас получился содержательный и многозначительный. Знать бы еще, о чем.

Столбы и столпы

Красота.

Снега ровно столько, сколько нужно, чтобы насладиться трудом и тихим субботним ранним утром. И погода подходящая – минус пять. Гребется вкусно и с удовольствием. Редкие прохожие почти не мешают. Лопата шваркает по плитке и смачно врезается в снег. Его консистенция сегодня та, что Смилла сравнивает с сероватым мелким жемчугом. Бруствер у края дороги, нагребанный мной вчера, порушен машинами. На углу у помойки в связи с прошедшей пятницей рекордное количество пустых банок и бутылок.

В общем, вокруг покой и благодать.

Боря приходит поздороваться, и мы недолго треплемся ни о чем.

– Как дела, брат? – вопрошает он.

– Прекрасно, – отвечаю я.

– И у меня!

Потом я дочищаю у парикмахерской и встаю перекурить около паркета. По тротуару довольно резво чешет поддатый мужик, спешит в круглосуточный. У районного муниципалитета горит единственный фонарь, и мне хорошо видно, как мужичок, слегка не рассчитав траекторию, поскальзывается и врезается в него.

Вот тебе и столб, вот тебе и утверждение истины.

То, что сейчас называется нуар

Чищу аварийный выход, произрастающий из земли. Он расположен под углом, и, когда я поднимаюсь на верхнюю точку, чтобы согнать лопатой снег вниз, а потом перекидать его на газон, мне видно пространство за мусорными баками. Как на ладони. Я стою на двери, привычно смотрю за стенку, отделяющую баки от газона, и замечаю не порядок. Некий предмет, засыпанный снегом. Похоже на какой-то сверток. Я тыкаю в него лопатой, пока не ожидая ничего плохого.

Матерчатая спортивная сумка.

Вот елки-палки, сразу представляются отрезанные и упакованные части расчлененного тела. Надо меньше смотреть фильмов категории «Б».

Нагибаюсь и вытаскиваю сумку. Тяжелая. Бросаю ее на снег. Открывать не хочется, если там, допустим чья-нибудь голова, хоть того же Альфредо Гарсии, придется вызывать полицию и долго давать показания. В то же время любопытство съедает. Я оглядываюсь – вокруг никого. Что неудивительно: шесть утра, исподняя стена магазина, мусорные баки.

Алкашей и тех не видно.

Я решаюсь.

Счищаю перчаткой снег с молнии и расстегиваю сумку.

Воскресенье

Проснулся, подумал, ну его на фиг, не пойду грести. Потом вспомнил, как весь день страдал во время первого прогула, и, преодолевая обморок недосыпа, встал. Выполз на улицу.

А на улице покой и тишина, только моя лопата, скребя снег, вносит диссонанс в умиротворение. Свежий воздух, какой-то ватный свет, а я – швырк-швырк.

Швырк-швырк.

А может, это и не диссонанс, а недостающий элемент гармонии. Как посмотреть. Мимо прошли знакомые алкоголики и поздоровались издали – помахали руками. Я как раз у мусорных баков греб, а они шли из круглосуточного лабаза и обсуждали свои дела. Дела у них – ничего, судя по всему. Судя по бутылкам в руках.

Я догреб у баков, у служебного входа и пошел к парикмахерской. Бори не видно. Людей тоже. Блондинки тем паче. Сейчас почищу и пойду кормить собак. Затем покурю у железного паркета, и рабочий день закончится.

Короткий и приятный.

Все-таки счастье достижимо.

Не дружба народов

Днем позвонил хозяин-барин и сказал, что желает встретиться. Мне, конечно, идти куда не хотелось, но я преодолел вековое классовое отвращение и поплелся к магазину. Даже врать не стал по телефону, что смертельно занят и сейчас нахожусь не дома, а, допустим, в Гродненской области. Придя, засек барский внедорожник у открытого по такому случаю служебного входа и спустился в офис около туалета. Барин сидел за столом, руководил.

Потом заметил меня:

– Пойдем наверх.

Мы поднялись на улицу, подошли к горе снега на ничейной территории между нашими с Борей участками, барин широко повел рукою и рек:

– Вот.

– Что «вот»? – уточнил я, хотя уже догадался.

– Комиссия сегодня ходила из администрации.

– Начинается.

– Понимаешь, – барин вытащил мобильник, – они в одиннадцать часов ходили. Меня тут не было. А эти из круглосуточного были.

– Ну?

– Ну, они и сказали, что эту гору нагреб ты, – барин тут же принялся усиленно кому-то названивать.

Я этот его прием знаю: он, когда хочет на меня очередную пакость взвалить, сначала ее выкладывает, а потом срочно начинает вести важные переговоры, чтобы я не успел его с ходу на хрен послать.

– Так, – сказал я. – Кто «они»?

– Боря.

– И чего надо?

– Кучку убрать.

– Кучку?

– Ее.

– Вот эту?

– Угу.

– Всю?

– Сруби хотя бы до половины, а? Вот так, – он подрезает рукой воздух, примерно на середине моей груди, – и хватит. Все равно мы их облапошим. А я вам с трактористом, не только аванс, но и подсчет пораньше дам.

И он опять сделал вид, что ему нужно немедленно звонить.

Набрал я в легкие морозного воздуха с запасом, прокрутил в голове примерную матерную тираду о тотальной справедливости, достижимой исключительно эмпирическим путем, открыл рот и неожиданно для себя ответил:

– Хорошо, срублю кучку.

И пошел домой.

По дороге любовался божьей благодатью, разлитой повсеместно.

Энтузиазм

Срубал кучку.

Сделал свою обычную работу и принялся срубать. То есть сначала подошел к кучке и задумался. Оптимизма она не внушала: высокая и хорошо слежавшаяся, в диаметре метров пять. Утыканная разноцветными пивными бутылками. Красиво обложенная мятыми сигаретными пачками. Инкрустированная бычками.

Ладно, глаза бояться, а руки делают. Вогнал первую лопату, и дело пошло. Единственный трудный момент, куда снег оттащить. По всему получается, что, кроме как через дорогу на газон АТС, больше не куда. Начал таскать, постепенно добрался до припаркованной «девятки» «жигулей». У самого края дороги машина стоит, очень мешает. Почесал я репу под белой шапкой с красным помпоном и принялся складировать снег вдоль борта автомобиля.

Складировал-складировал и засыпал тачку по самые стекла.

Придет владелец, обрадуется необычайно.

Пока же только Боря рядом крутится, здоровьем интересуется. Я после его предательства рассказывать о здоровье не хотел. Спросил:

– Ты меня заложил комиссии?

– Я до столба убираю.

– Ясно.

В общем, срубил кучку и пошел собак кормить.

Практическое человековедение

Всю ночь мела метель, а к утру потеплело.

Лопату с насквозь мокрой субстанцией, еще недавно именуемой снегом, от земли не оторвать. Приходится брать по половине, по четверти. Таскаю через дорогу, складываю все у тех же «жигулей», припаркованных на краю дороги. Припаркованных, надо сказать, строго, через жопу. Еще немного, и автомобиль скроется из виду, засыпанный мокрой кашей. Потом начнутся морозы, ее прихватит.

Мокрый снег сгребается плохо. Во-первых, лопата сдирает наст до асфальта. Во-вторых, грязь развозится по всему участку, и выглядит это дело безобразно. В-третьих, просто надоело.

Перекуриваем с Борей. У него сложные отношения с местоимениями и моей идентификацией. Сначала он говорит:

– Здравствуй, брат.

А потом спрашивает:

– Вы уже все убрали?

Я отвечаю соответственно:

– Здравствуй, Боря.

И:

– Да, а вы?

Такая у нас семиотика.

Пиастры

Хозяин-барин выдал заработанную плату. Все прошло довольно мило, я спросил:

– Ну?

Барин:

– Чего?

Я:

– Сегодня – пятнадцатое.

Учитывая, что накануне мы с баринком договорились встретиться в его офисе около туалета для передачи денег, его забывчивость можно объяснить только невероятной загруженностью государственными делами.

– Ах, да-да-да, – вспомнил барин и полез в карман.

После чего отдал причитающиеся нам с трактористом Петровичем купюры и тут же уткнулся в мобильник.

А я попрощался и пошел в книжный магазин.

Обожаю книжные магазины.

Но дойти до него сегодня мне не удалось.

«Баллантайн»

В двенадцать часов дня позвонил хозяин-барин. Я как раз ехал на автобусе из книжного, где (в магазине) похабно вожделел трилогию «Миллениум».

Барин начал издалека:

– Ты минут через тридцать сможешь подойти к магазину?

И я попался, ответил:

- Смогу.
- Только приходи с лопатой и в рабочей одежде.
- Чего... – начал я, но барин уже отключился.

Зная мое отвращение к любым телефонным переговорам, рассчитал он все правильно.

– Вот ведь сука какая, – сказал я, вызывая негодование двух теток постпостбальзаковского возраста, беседовавших рядом об интересном. О том, какие травы помогают при запорах и как их лучше заваривать. На паровой бане или просто кипятком.

Пришел домой, переоделся и поплелся к магазину, коря себя за слабость и попустительство. Говоря себе, что это не те деньги, за которые можно бегать на участок по два раза в день по первому звонку. Что это последний раз и сейчас я решительно скажу барину, чтобы он шел еловым лесом. И так далее. И так далее.

Когда я подошел, барин уже скакал вокруг здания и почему-то расточал искренний и неподдельный энтузиазм.

- Крыша течет, – обрадовал он меня.
- ?
- Надо залезть, срубить лед. За отдельную плату.
- ?
- Я лестницу дам.
- ?
- И лом!

Мы вытащили лестницу («Другой нет?» – спросил я. «Нет», – ответил барин), прислонили к стене, и я полез. Где-то чуть выше середины эта хреновенькая затрещала, потом раздался абсолютно узнаваемый звук абзаца, лестница сломалась, а я полетел вниз. Целил в нагребанный мной огромный сугроб около мусорных баков. В него и попал, сперва ударившись о козырек над дверью служебного входа в круглосуточный.

- Ты живой? – барин дергал меня за ногу, торчащую из сугроба.
- А то.

От грохота, произведенного оторвавшимся козырьком, из соседней двери с круглосуточным лабазом выскочила вневедомственная охрана в количестве двух человек.

– У нас железная лестница есть, – сказала охрана и вынула меня из сугроба.

- Тащите, – ответил я.

Залез на крышу, расчистил снег и обнаружил лед толщиной сантиметров двадцать. Начал рубить, когда пробил лунку, показалась вода. Много воды. Я вырубил сток, и она хлынула вниз веселым весенним потоком. Потом под чутким руководством хозяина-барина выламывал ломом куски льда на указанных местах.

Барин руководил снизу, разгоняя редких прохожих и припаркованные машины. Вода текла по стене лавой. Лед красиво стучался об крыши автомобилей, чьи владельцы отсутствовали.

- Еще метр, – кричал мне начальник.

И я срубал еще метр. Лед был матово-пепельный, монолитный, по крепости чистый мрамор.

- Эту дать? Как ее?
- Пешню?
- Да.
- Давай.

Барин сбегал в подвал и принес топор, приваренный к железному пруту.

- Сейчас закину. Отойди подальше.
- Он размахнулся и швырнул.

Попал в единственное маленькое окошко под самой крышей с этой стороны магазина. Пешня разбила стекло и улетела внутрь. Изнутри раздался неприятный звук обильного разрушаемого имущества. И еще визг. Мы замерли. Через пару минут из двери служебного входа в круглосуточный выскочила продавщица.

Я ткнул ломом по льду. Барин сказал:

- А?
- Продавщица спросила:
- Вы охренели?
- Марина... – начал барин.
- Но Марина его прервала:
- Идиоты.

И ушла.

Я продолжил рубить лед.

Хозяин-барин отправился за злополучной пешней, а когда минут через двадцать вернулся, я вроде закончил.

– Еще около трубы пройдишь, и все, – попросил он.

Я прошелся и слез вниз без приключений.

– Пойдем, что покажу, – предложил барин.

Мы спустились в подвал, он открыл дверь в какую-то подсобку и вытянул руку. В отверстии, пробитом в бетонном полу, плескалась вода.

– Полметра, – сообщал барин, – тут все на болоте стоит.

– Я знаю.

– Нет, ты не можешь знать, ты еще маленький был... Пойдем, я тебе отдельно заплачу.

Мы зашли в офис у туалета, и барин выдал мне двести рублей.

– Пришлось им коньяка дагестанского купить, – поделился он со мной радостью, – чтобы не орали. А то они обедали сидели, а тут эта хрень прилетает... Неудобно получилось... А завтра окно заколотим.

– Вестимо.

Я сунул две купюры по сто рублей в карман и подумал, что мой кореш пьет виски «Баллантайн». Двенадцатилетний скотч, по цене за бутылку значительно, превышающей месячный заработок дворника.

Такие дела.

Выпивает он ее, кстати, минут за сорок-сорок пять. Без закуски.

Зы.

До вождественной трилогии не хватало ровно восьмисот рублей.

Казуал

Все утро убирал вчерашние, сброшенные с крыши льдины. Таскал на руках те, что побольше, и лопатой всякую мелочь. Когда выполз к парикмахерской, Боря сказал:

- Видел тебя вчера.
- Привет, – поздоровался я.
- Здравствуй, брат.

Боря стоит и улыбается. В руках – новая лопата из консервной банки, во рту – старые золотые зубы из медного самовара.

– Начальник велел вот это убрать, – Боря показывает на грязный снег, сгучкованный им напротив входа в хозяйственный отдел.

– Угу.
 – Раскидаю, – Боря швыряет снег на площадку перед магазином, заставленную машинами.
 – Угу, – говорю я еще раз и ухожу к парапету курить.
 Надо обдумать одну штуку.
 Хозяин-барин вчера, после того как я уже вышел из подвала, догнал меня около остановки и предложил:
 – Прояви инициативу?
 – Нет.
 – За отдельную плату. Как только перепад температуры, так ты сразу хватаешь лестницу и чистишь на крыше снег?
 – Нет.
 – Значит, договорились. А лестницу будешь у охранников брать, да?
 Он выхватил из кармана мобильник, прижал его к уху и рванул обратно, к припаркованной возле помойки «хонде».
 – Да, блин, – произнес я в пространство.

ЗРД (Загадочная русская душа)

Ну, мать же вашу!

Реестр

Не знаю кого как, а меня всегда привлекали профессии, рассчитанные на некоторое уединение и созерцательность характера:

бакенщик;
 смотритель маяка;
 путевой обходчик;
 или связанные с возможностью ухаживания за животными.
 Например, конюх.

До недавних пор и профессию дворника я относил к таковым. Пока не начал работать и не убедился в тесном общении нас (дворников) с населением. Вот и в интернете написано, что это специфичный труд на глазах прохожих.

Прыгают люди через лопату и все время норовят наступить на то, что нагребанное. С другой стороны, что на них обижаться.

Чисто дети же.

А насчет смотрителя маяка стоит подумать.

Тишь

Подморозило.

Сначала, как полагается, всю ночь капало, а потом температура упала до минус пяти. На улице – каток. Пока шел до участка, два раза чуть не упал. Пришел, собрал пустые бутылки, непонятные бумажки, стеклянные стаканчики из-под водки и мятые сигаретные пачки. Выкинул в бак, огляделся – никого.

Темно, хоть глаз коли.

Перекурил у парапета и подумал, что вполне мог бы и не выходить сегодня, а поспать подольше. Еще бы знать наверняка, когда выходить, а когда необязательно. Бывает, ни снега, ни дождя, ни народу накануне,

а выйдешь на работу – территория как специально устряпана заподлицо. А бывает наоборот: всю ночь орут у магазина, празднуют, допустим, футбольную победу черт знает кого над матерью его знает кем, а на участке чистота и порядок.

Короче, хреновый из меня метеоролог.

Лунное дыхание

Недавно узнал, что левая ноздря женская и осуществляет лунное дыхание. А правая – мужская и, соответственно, относится к дыханию солнечному. То есть когда человек засыпает, правая ноздря перекрывается и не дышит, а левая – наоборот. Это чтобы организм успокоился. Значит, чтобы возбудиться, надо левую заткнуть, а правой подышать.

Дивная штука.

То-то я по утрам в ванной не мог понять никогда, чего это одна ноздря забита, сопли, что ли. А это, оказывается, организм еще не проснулся.

Теперь, когда меня что-то раздражает во время утреннего моциона с лопатой, я в правую ноздрю засовываю палец, а дышу левой. Очень успокаивает.

Знакомый йог Бхарта Бухма-Петров научил.

Кучка

Эпопея с кучей продолжается. Опять звонил барин и требовал кучу ликвидировать. Шантажировал штрафом:

– Выпишут штраф, придется тебе три месяца бесплатно работать.

Мне это не понравилось. Не перспектива трехмесячной бесплатной работы, а сама наглость барского шантажа. Тем более штраф в сорок тысяч мне придется отрабатывать не три месяца, а полтора года или чуть больше. Я барину ответил:

– Куча не моя.

– С администрацией спорить – себе дороже. Ты же взрослый человек?

– Где-то я это слышал.

– Ага.

Барин еще что-то говорил, но мне было уже все равно, я выключил телефон, не попрощавшись.

Кучка-2

Срубал кучу.

Снег за дни оттепели успел слежаться, лопата трещит и предательски гнется. Площадка перед парикмахерской забита машинами, кидаю между ними. Мимо идет Боря и лыбится:

– Привет, брат!

Золотые зубы сверкают.

– Сегодня у нас чисто, да? – он счастлив.

– Да, – отвечаю я хмуро.

Интересно, когда радость труда успела превратиться в обузу? Не тогда ли, когда первый раз позвонил барин и попросил прийти вечером разгрести снег, падавший днем?

Срубил еще сантиметров шестьдесят-семьдесят, в результате куча стала ниже, но значительно шире.

Все это начинает доставать.

А как я мечтал остаться в рамках чистых отношений: добросовестно выполнил – честно заплатил.

Хрен там.

Но, как говорит знакомый йог Бхарта Бухма-Петров, измени не мир, но свое отношение к нему. Начинаю менять. Улыбаюсь старушке, идущей мимо. Старушка шарахается и ускоряет бег. Улыбаюсь кучке – кучка не убывает и не убегает. Улыбаюсь черт знает чему.

Вроде полегчало.

ЗРД-2

Сегодня на моем участке, особенно около мусорных баков, дикий бардак. Но такого запредельного уровня, что может быть только творческим беспорядком.

Не иначе.

Беру лопату, картонную коробку для мусора и начинаю убираться.

Объект – субъект

Из меня, не особо заботясь о соблюдении хотя бы формальных приличий, районная администрация при полном попустительстве барина четко делает крайнего.

Барин:

– Кучу надо убирать.

Я:

– Это не ко мне.

Барин:

– Мне в санаторий ехать.

Я:

– В Ессентуки?

Барин:

– А?

Я:

– Не обращай внимания.

Барин:

– Если приеду и будет штраф, то...

Барин тут инструмент опосредованного шантажа. Транзитная жертва, буфер и одновременно конденсатор накапливания и исполнения административной воли. То есть его пугают, и ему страшно, он пугает меня, и мне противно.

– То что? – спрашиваю я.

Он не знает ответа.

Мы продолжаем препирательства.

Барин:

– И вообще, эта нейтральная территория теперь твоя.

Я:

– Что?

Барин:

– А что?

Я:

– Да ни хрена.

Барин:

– Я не понимаю твоей позиции в этом вопросе.

Я:

– Не может быть.

Барин:

– Слишком ты щепетильный.

И так далее.

Расстаемся взаимно раздраженные.

Чур меня

Возможно, завтра последний день моей дворницкой карьеры. Не работали мы с барином консенсуса. Мне не нравится, что мой участок пухнет как на дрожжах и что я четвертый день должен рубить пресловутую кучу, к созданию которой не имею никакого отношения. Барину не нравится, что я упираюсь и не выполняю его предписаний. И так далее. При этом мы еще и разговариваем на разных языках.

Когда вышел из офиса, а потом из подвала, то встал покурить у парапета. Покурил и испытал сожаление из-за спора с барином.

Ну, ездят на тебе потихонечку. Ну, обманывают слегка. Ну, все хитрят и увиливают. Ну и что? Прояви понимание, уступи и умойся. Будь лояльнее, барину, поди, тоже нелегко ежедневно отлизывать у районных властей.

Надо что-то решать.

Говорят, искать оправдания для человека, который тебя только что провел или унизил, типично русская интеллигентская черта.

Чур меня, чур.

Трудовые будни-2

Выпал снег, и я возликовал. Надоело бутылки с окурками собирать. Уж лучше снег грести, как раньше, как на заре туманной юности (ц).

Но как раньше не получилось. Что-то ушло. Возил лопатой по плитке около закрытого служебного входа и не испытывал радости. Лишь одну досаду.

Дракон не прилетел, и я вычистил дорогу сам. Просто так. Вернее, из вредности, дал организму дополнительную нагрузку. Психике – отдых.

Не полегчало.

Поздоровался с Борей.

Покурил у парапета.

Плюнул на кучку.

Вдохнул.

Выдохнул.

Вообще-то скоро Новый год, так что не фиг грустить, вперед к новым трудовым победам.

Снова трудовые будни

Без изменений.

Дневник натуралиста

Хотел провести сравнительный анализ количества прохожих на улице в течение недели.

Провел.

Получилось следующее.

В понедельник картина такая: в шесть утра народу меньше, чем во вторник или, допустим, среду и четверг. А вот с семи тридцати и до восьми ломятся стада и толпы. Вывод простой – народ проспал, вскочил, вытаращив глаза, и как угорелый рванул на работу.

В остальные дни примерное равное количество прохожих, что в шесть, что в восемь часов. Естественно, увеличение идет отсюда и до обеда. То есть с шести к одиннадцати дня.

В субботу людей значительно меньше, но тоже есть любители раннего променада. И трудящиеся есть, с деловым видом дожидаящиеся троллейбуса на остановке. Некоторые с бутылкой пива в руке. Даже не некоторые, а поголовно все.

В воскресенье еще меньше. И этим воскресенье похоже на праздничный день. Ранним утром – один-два пешехода, направляющихся черт знает куда.

Но все это относится к людям обычным, алкаши же бегают в кругло-суточный лабаз, невзирая на дни недели и погодные условия.

Суровая у них жизнь.

Мальчик Вова

Местный незлой дурачок. Двухметровый амбал – косая сажень в плечах. На вид лет двадцать пять, а по паспорту все сорок, надо думать. Большой любитель выпить на халяву и оказать услугу полукриминального характера. Сам никогда не нарывается, но если «старшие пацаны», те, что младше его на десяток лет, попросят, Вова сделает. Украдет на рынке закуску, ударит по физиономии провинившегося опойку, сбегает за стаканом.

Он ко мне время от времени приходит сигареты стрелять.

Встает рано, делать-то нечего, вот он и шляется между домами в поисках благ.

– Здравствуйте, – говорит, вырастая из-за плеча.

– Тьфу, блин, – вздрагивая, отвечаю я. – Привет.

– Закурить не найдется?

– На.

Закуривает. Смотрит вдаль. Произносит:

– Так я пойду?

Мы с ним хорошо знакомы, только он не помнит. Не потому что каждый день забывает и живет как с чистого листа, а потому что давно это было.

Лет двадцать назад мы оба отдыхали в пенитенциарном заведении по смешным, но разным статьям. По пустяковому делу, как говорил Яков Менелаевич, глядя в чистые глаза товарища Бендера.

И оба соскочили, отделившись легким испугом.

Дворницкий инструмент

Вот что я нашел в инете:

В работе дворника используются различные инструменты и приспособления, в частности:

1. Мётлы: подметание мелкого мусора (пыль, листья, окурки).
2. Совок (дворницкий): переноска мелкого мусора, замеченного метлой.

3. Лопата (совковая и снегоуборочная): расчистка, перенос и погрузка мусора, сдвигание снега, расчистка, перенос и погрузка снега.

4. Вёдра (ёмкости): ручная переноска твердых и жидких отходов и мусора.

5. Грабли (обычные и веерные): уборка газонов (от скошенной травы, листьев и веток деревьев, мусора).

Вспомогательные средства:

1. Топоры: рубка кустарников и веток деревьев, изготовление кольев и их забивание.

2. Пила: отпиливание веток деревьев, распиливание крупного древесного мусора.

3. Кувалда: раскалывание и компактификация мусора, забивание кольев и стоек ограждений.

4. Коса: кошение травы.

5. Вилы: загрузка скошенной травы и отходов в контейнер.

6. Секатор: обрезание побегов и нетолстых веток у кустарников и деревьев.

7. Носилки (рабочие): переноска мусора, песка, грунта.

8. Лом (инструмент): колка льда, уборка камней и тяжелого мусора.

9. Щётка-смётка: Уборка стружек, опилок и пыли с уличного оборудования.

1. Средства механизации:

2. Тележки (тачка): перевозка инструмента, песка, грунта, мусора.

3. Грузовые автомобили: перевозка крупногабаритного мусора на свалки.

4. Газонокосилка (бензиновая, электрическая, механическая): кошение травы, подстрижка газонов.

Ёмкости для сбора мусора и отходов:

1. Мусорные контейнеры (баки).

2. Мусорные урны.

3. Мусорные пакеты (мешки).

Спецодежда:

1. Рабочие рукавицы, рабочие перчатки.

2. Рабочий костюм спецодежда, комбинезон, полукомбинезон.

3. Сигнальный жилет (оранжевого цвета) со светоотражающими полосами. (О, моя мечта!)

4. Обувь рабочая, сапоги.

Расходные материалы:

1. Вода: полив территории, газонов, растений.

2. Песок: уборка разлитых смазок и масел, при уборке экскрементов (животных и человека!), как противогололедное средство.

3. Соль: как противогололедное средство.

4. Реагент противогололедный: противогололедное средство.

5. Краска: покраска лавок, скамеек, беседок, оборудования детских (качели, карусели) и спортивных (лесенки, турники, бруссы) площадок.

Подсобные помещения:

1. Дворницкая: подсобное помещение для хранения инвентаря и спецодежды.

Нет, ну красота же! Одних инструментов двадцать один пункт, не считая спецодежды и расходных материалов. Аж вода и реагенты какие-то

противогололедные. А вожделенный светоотражающий оранжевый жилет? А пропахшая трудовым потом и соленым огурцом с валенками дворницкая? Эх!

Ожидание варваров

Греб потихоньку, прикидывал, сколько осталось до Нового года. Вспоминал Довлатова, что «Отменить, или хотя бы отсрочить это буржуазное явление, партия не в силах. Значит, будет пьянка!».

Значит, первого января говна будет по колено.

Народ оттянется.

Как умеют, похоже, только у нас.

Накануне

Утром ракали с бабой Зиной махами. Жулька приветливо взвизгнула и выскочила на дорогу. Подбежала, ткнулась в ладонь и ускакала.

— С наступающим, — сказала баба Зина.

— И вас, — ответил я.

— Гав, — присоединилась Жулька.

— Само собой.

Барин не звонит и не пишет. Четыре дня минуло, а мы так и не пришли к соглашению. Не обговорили концепцию. Не собрали саммит.

Вообще ноль по фазе.

Я гребу по-старому, подбираю мусор, подрубаю кучку, кормлю собак, любуюсь блондинкой. А барин, видимо, где-то руководит.

Короче, сохраняем нейтралитет.

Тотализатор типа скачки

В правом подвальном крыле здания с недавних пор делают грандиозный ремонт. Вдоль всей тыльной стороны свалены выломанные двери с дверными коробками, перегородки и битые кирпичи. Отдельные доски, куски штукатурки и продукты жизнедеятельности рабочих. Нет, не буквально фекалии, а кюветки из-под салатов и (как без них) пустые бутылки.

Я стаскиваю их поближе к мусорным бакам в надежде, что доблестные мусорщики всю эту хрень рано или поздно увезут.

Они не увозят.

Ну да ладно.

Спрашиваю у Вали из обоев, которая в курсе всего:

— Чего делают?

— Никто не знает.

— А ты?

— А я знаю.

— ?

— Тотализатор.

Вот же мать твою! Теперь начнется. Сейчас-то тотализатор находится в соседнем здании ресторана, переделанного из общественного туалета, и я мимо без содрогания ходить не могу. Пара метров около его входной двери — это апофеоз срача. Это поэма экстаза и содрогание плоти, расстающейся с духом.

Но помещение там маленькое, и одновременно срать может не более пяти-семи человек. Теперь-то любители развернутся в новом подвальном комплексе. Пригласят своих друзей и родственников, принесут много вина и водки, колбасной и сырной нарезки в пенопластовых подносах, укутанных пленкой. Отметят победу и поражение. Отпразднуют.

Пропал подъезд, в смысле мой участок.

Накануне-2

До Нового года осталось считай что с гулькин нос.

Народ ожесточается.

Рутин

Собирал мусор, накиданный от соседнего здания ресторана, переделанного из общественного туалета. Набор тот же самый: пустые бутылки, целлофановые пакеты, закусочные кюветы, пустые сигаретные пачки. Люди допивают после закрытия на пленэре и бросают под ноги упаковку.

Стреб выпавший снег у обоих входов и аварийного выхода.

Поздоровался с Борей.

Покурил у парাপета, подождал блондинку.

Не дождался.

Бросил окуроч в урну, покормил собак и пошел домой.

По дороге мечтал.

Противостояние

Барин не звонит.

Я тем более.

Настроение — нерабочее.

Но с Новым годом, который послезавтра, это никак не связано.

Тридцать первого приду утром, уберусь ударно, отмечая окончание года, отдам повелителю дракона пятьсот рублей, выдам собакам праздничный набор продуктов, и все.

Пока гребу.

ЗРД-3

Доколе!

С другой стороны, хрен с ним.

Новый год

Тридцать первое.

Озабоченный последними приготовлениями, народ мечется с самого утра.

Я гребу.

Боря улыбается.

Барина не видно.

Снега почти нет, так, снежная крошка тонким слоем. Собрал огромные куски прозрачной пленки неизвестного предназначения, разбросанные около мусорных баков. Засунул в бак. Поднял пяток пустых бутылок и коробок из-под сока. Туда же.

Выложил собакам еду.

Покурил.

Ушел.

Свершилось

Первое января.

Встретил Валеру, что греб на моем участке до исторического материализма. От него узнал последние новости:

– Привет, – Валера поддатый.

– Ага, – говорю я.

– Как?

– Ничего.

– А этот-то на курорте, – Валера шевелит пальцами над головой, видимо, изображая предельную развращенность людей, первого января отваливших на юга. А может, рога показывает.

– Который?

– Игорь Иванович.

Черт, а ведь действительно, он же мне говорил, что собирается в санаторий. Барин несчастный, с черными кругами под глазами, худой и мелкий. Весь какой-то средний: не плохой и не хороший, не благородный и не подлый. Слегка надломленный, но не загнанный под лавку.

Стандартный.

Как все.

Благая весть

Павел Флоренский сказал:

«Я научился благодушию, когда твёрдо узнал, что жизнь и каждого из нас, и народов, и человечества ведётся Благою Волею, так что не следует беспокоиться ни о чём, помимо задач сегодняшнего дня».

Семен Франк:

«Иметь христианскую веру – это значит обрести, увидеть, воспринять такую истину, которая, осмысляя нашу жизнь, дарует нам духовную силу спокойно и даже радостно переносить трагизм и бессмысленность нашей эмпирической жизни. Это значит среди страданий иметь источник бодрости и утешения. Коротко говоря, это значит владеть некой основоположной, определяющей все наше жизненное чувство, радостной истиной или благой вестью».

И к этому мне нечего добавить.

Лопата-5

Железо не выдерживает.

Сточились две клепки, крепящие ножовочное полотно на кромке совка. Хуже нет безобразия. Работа превратилась в надругательство над самой идеей. Левый край лопаты режет, а правый хлопает. На сне-

гу остаются интересные косые следы. Дочистил кое-как участок и побежал домой чинить инструмент.

Но сначала, конечно, покурил у железного парапета.

Традиции мы уважаем.

Дома загнал в полотно пару болтиков (винтиков) с шайбами и затянул от души.

Полубовался.

Рождество

После Нового года это второй праздник по интенсивности отмеча-ния. Что-то запредельное. Я такое только первого января видел. Пустых бутылок из-под водки, пива и лимонада не счесть. Буквально убирал лопатой, то есть сгребал в кучу и оттащивал к мусорным бакам.

Да. Велико в нашем народе чувство сопричастности.

Не скудеет вера!

Когда закончил с пушниной, перешел к снегу. Барин на курорте заго-рает, а я здесь вокруг кучки интригую.

Пригляд

Растаяло.

Шесть утра. На улице – никого. Сгребаю у парадного входа рухнувший с козырька мягкий снег. Из-за угла выворачивает паренек и направляется ко мне. Подходит к двери (я уступаю дорогу) и упирается в нее взглядом, как тот классический баран. Смотрит полторы минуты, уходит. Я тоже подхожу и тоже смотрю – дверь как дверь, даже праздничного расписания работы нет. Но не в шесть же утра?!

Через десять минут подъезжает «Волга», из нее вылезает владелец «Магазина советских товаров», расположенного в подвале напротив офиса хозяина-барина. Мужик шестидесяти лет, такой же убогий, как и его товары, несмотря на весь ностальгический флер. Встает около машины и наблюдает, как я таскаю снег. Потом снова садится в тачку.

Я гребу.

Он сидит.

Я останавливаюсь и смотрю на машину.

Он уезжает.

Воскресенье

Снега чуть-чуть, тем паче повелитель дракона увидел меня у главного входа и, рыкнув двигателем, срезал всю мокрую кашу, заодно пройдясь щеткой. Любо-дорого посмотреть.

– Пятнадцатого аванс будет? – спросил Петрович, который не Петрович, открыв дверь и благосклонно взирая на меня сверху вниз из кабины.

– Соответственно, – рапортовал я.

– Понял.

Я сгреб остатки лопатой и пошел к служебному. Собрал бутылки, пустые сигаретные пачки и выкинул в мусорный бак. Очистил площадку перед парикмахерской. Потом покурил у парапета. Бросил бычок

в бак и, пользуясь оттепелью, размягчившей снег, еще немного посрубал кучку. Так потихоньку мы ее с Борей и домучаем. Его, кстати, не видно.

Перевернул лопату и посмотрел на свежие винты, крепящие полотно. Да. Вчера только поставил, а сегодня уже срезаны под углом в сорок пять градусов, ровно до половины. Придется пополнять запас крепежа. Так-то у меня штуки три еще есть, а требуется минимум два десятка. С шайбами.

Вернется барин с курорта, надо будет потребовать у него денег на расходные материалы, а то я уже все личные запасы истощил.

Выдал собакам еды.

Артисты искусства

Борода для дворника – первое дело. Без бороды один позор и недоумение. Все равно что голым ходить и без лопаты. В связи с этим, отрастив бороду, приобрел я облик пасхальный и назидательный. Каждый норовит за советом обратиться или с разговором подойти. Особенно молодежь. Что дает мне неоспоримое преимущество девушек до тридцати пяти лет называть – дочками, а чуваков – сынками.

Многие ржут.

Особенно девушки.

Уругвайский симаррон

Пес к столующейся банде прибил. Это – нечто. Собака Баскервиль отдыхает. Я, как первый раз увидел, думал, померещилось. Глаза желтые, сам коричневый, гладкошерстный, ростом со слона, выражение лица – ты че, мля?

Я ему:

– Песик, песик...

А песик сожрал весь завтрак общаковый, рыкнул на банду и ушел в туман.

Собачки на меня смотрят.

– Да я-то что? – говорю. – Сам испугался.

Экипировка

Конечно, роль дворничьего фартука сейчас исполняет оранжевый жилет. А вместо ароматного овечьего тулупа – синий форменный бушлат с промонашивками. И только с головным убором – беда. Уж лучше моя белая шапка с красным помпоном и двумя кисточками, чем черная вязаная террористическая.

Симулякр

Забыл дома, на полке около входной двери, собачью еду. Вот ведь незадача. Хоть возвращайся. Собачки мои посмотрели грустно, а одна маленькая рыжая с черным пятном на носу – недоуменно.

– Понимаю, – сказал я, – виноват.

– Что ж ты, едрена канитель, – ответили собачки.

– Сейчас, – пообещал я.

Полез в мусорные баки, как назло, ничего съестного, вообще.

– Сидите тут, – велел я и пошел домой за пакетом.

Не люблю, прервав раз и навсегда установленный график работы, бегать домой. Весь настрой сбивается. Пока туда-сюда, придешь, еду выложишь, перекуришь по ходу – народ уже попер. Упущен девственно нежный момент единения дворника и природы, лопаты и снега. Бесконфликтная среда грубо попирается спешащими по делам гражданами. Налицо противоречие между поэзией труда и деловитостью заработка.

С другой стороны, нельзя быть рабом привычки.

«Отсекай привязанности».

Инструкция № 1

Настоящий дворник чай пьет только вприкуску и никогда внакладку. А водку закусывает мятым ватным огурцом, коих у него должна быть целая бочка.

Стиль

Срочно нужен треух обыкновенный (*treuhus vulgaris*).

Место встречи

Взял у Бори тяжелую пешню и срубал лед у главного входа. Отмерил квадрат, три метра на три метра, и тюкал. Подо льдом плитка, поэтому бил с оглядкой. Когда закончил, то сгреб осколки льда и полюбовался работой.

Закурил.

Подъехала «Волга» мужичка из «Магазина советских товаров», он выбрался наружу, и у нас состоялся примечательный диалог.

– Здорово, – говорит мужичок.

– Доброе утро, – отвечаю я.

– Сруби еще здесь.

Я, признаться, приказы, отдаваемые таким тоном, с детства не люблю, поэтому интересуюсь:

– Ась?

– Вот этот бугор, – мужичок показывает на смерзшийся вал снега вдоль боковой стены входа в подвальный этаж.

У нас с барином насчет этой стены уговора не было, но я все равно там подрубаю время от времени (вообще за инициативу надо бить по рукам).

– Слушай, спекулянт... – начинаю я.

– Я не спекулянт, – мужичок ожидаемо разволновался.

– А кто?

– Я всю жизнь на производстве!

– В мясном цеху?

– На заводе! Имени Куйбышева! Я только после перестройки торговать начал! – еще немного и рванет на груди дубленку.

Я припоминаю текст:

– Вот тогда-то ты нас всех и продал. Всех тех, кто в девяносто первом пули бандитской не испугался, а продолжил ходить на родной завод,

невзирая на приватизацию и разворовывание. Всех продал... Из-за тебя, паршивой овцы, капиталисты будут думать, что они рабочего человека могут купить...

- Нам зарплату не платили! – почти закричал мужичок.
- Ты не зарплату, ты совесть потерял, – тихо ответил ему я.
- И услышал в своем голосе не злобу, а отчаяние.

Эх, жизнь

Конечно, не бывает так плохо, чтобы не могло быть еще хуже. Но и не бывает так, чтобы после этого «плохого» не наступило облегчение. Да и «плохое» весьма относительно.

Сколько себя помню (а помню я себя недолго), за любым говном приходила радость. Тоже, кстати, спорная.

Стиг Ларссон, популярный писатель

Трилогию «Миллениум» так и не купил. То есть денег-то я накопил, а тираж закончился. Девочка-продавец в магазине так и сказала:

- Ноу.
- В каком смысле, – поинтересовался я, озадаченный ее английским.
- В прямом. Выбрали весь тираж.
- Дык...
- Кино посмотрели (американское) и раскупили.

Утро туманное

Гребу у парикмахерской.

На улице очередная оттепель – плюс один в шесть утра. Молочный туман, хоть пенки снимай. Сначала из тумана вынырнул и прошел мимо Павлик Лаврентьев по прозвищу Лаврентий Палыч. Не Берия. Прошел и мрачно кивнул головой. Скрылся в круглосуточном лабазе.

Следом подъехал повелитель дракона, бибикнул, помахал рукой из кабины и (чуть не написал – скрылся в круглосуточном) скрылся за углом.

Потом степенно подошел патриарх всех местных дворников Иван Пантелеймоныч и сказал... Но сначала стоит описать его внешность, которая заслуживает исключительно былинных (эпических) выражений.

Итак.

Примерно, семидесяти пяти лет. Среднего роста, но косая сажень в плечах. Русая (с проседью) окладистая борода до середины добротного бушлата темно-синего цвета. Русые же кудри почти до плеч, из-под серой вязаной шапки. Голубые, слегка выцветшие глаза и кустистые черные брови над ними. Широкие (надо думать, мозолистые) ладони и узловатые персты. Высокие светлые чистые валенки с калошами. (Едва не забыл – солдатский ремень поверх бушлата.) Неторопливая речь и зычный голос, которым он речет:

- С утра плюс один.
- Здравствуйте, Иван Пантелеймоныч, – я останавливаюсь.
- Вот я и говорю, может, сам растает?
- Может, – я вгоняю лопату в остатки пресловутой кучки.

Иван Пантелеймоныч внимательно смотрит на подтаявший снег, на небо, на стену магазина и торжественно выдает:

– Нет! Сам не растает! Придется убирать!

Генезис

Есть только жизнь и смерть, а между ними – любовь.
Вот и вся философия, епть.

Домашнее музицирование

Дима Фиолетов-Носов – отраженная личность и чемпион антистереотипов.

Сейчас объясню.

На любое стереотипное поведение или реакцию существует анти-стереотипная реакция или поведение, которые, в свою очередь, тоже являются стереотипами. То есть если человек говорит, что фильм «Аватар» – говно, то это стереотип, а если говорит, что это прорыв в киноиндустрии, то и это стереотип. Приляпывание ярлыков без малейшей попытки задуматься над явлением или продуктом. И так далее.

А отраженной личностью Дима Фиолетов-Носов является потому, что давно утратил подлинную и единственную, где еще не перестает быть, так только в моей памяти. Он в ней (памяти) отражается. Я помню его таким, каким он был в юности, до начала распада и безудержного пьянства.

И если человек, сохранивший себя, может оперировать такими понятиями, как «говно» и «ништяк», осознанно, то отраженная личность кроет только стереотипами, впитанными из всевозможных средств массовой информации. Или антистереотипами. Гоняет их по кругу и постоянно сбивается.

С Димой разговаривать, тяжело и я трусливо прячусь, когда он рано утром идет за бутылкой в круглосуточный лабаз.

Дефлопе с крутоном

К центральной двери, где я гребу уже двадцать минут, подлетает повелитель дракона, открывает деверь кабины и радуется:

– Деньги нужны, дай телефон этого самого. Я аванс попрошу.

Я даю телефон «этого самого» (хозяина-барина), а Петрович уточняет:

- Он вообще кто?
- Капиталист, – честно объясняю я.
- На чем ездит?
- На «хонде» внедорожной.
- Так, значит, у того входа не его говно?

Петрович имеет в виду старенький «фольксваген», брошенный на дороге у служебного входа пару дней назад.

- Нет.
- Жаль.
- ?

– Да, понимаешь, так неудачно стоит. В общем, я ему по борту ножом задел. По всему.

Петрович что-то еще говорит сквозь суховатый треск дизеля, но разобрать невозможно. Мы прощаемся с повелителем дракона, и я иду посмотреть задетый борт.

Нормально так, ровно, вдоль всей машины неширокий, но болезненный рубец. По краям краска облетела, ближе к багажнику, где Петрович начинал путь – поглубже, а у капота – помельче.

Не думаю, что попросить внеплановый аванс, Петрович хочет для того, чтобы компенсировать потери владельцу «фольксвагена».

Мы бы этих владельцев живьем ели.

Авансы поют романсы

Первый раз со дня отъезда на курорт и приезда обратно позвонил хозяин-барин и оповестил:

– Аванс трактористу в парикмахерской оставлю.

Я аж разволновался – сколько лет, сколько зим. Сколько воспоминаний. Но вслух произнес:

– А?

– Она до восьми работает, скажу: для Олега, зайдешь, заберешь.

– А...

Но он отключил телефон.

Интересно, подумал я, а дальше-то что?

На следующий день, утром, стреляя в воздух дизелем, подлетел Петрович.

– Ну как?

– В парикмахерской.

– Кто?

– Аванс.

– Чего?

Я Петровича понимаю, сам страдаю от несовершенства человеческих коммуникаций. Поэтому достал из кармана личные пятьсот рублей и отдал. Подумал, что днем зайду в парикмахерскую и заберу деньги у мастера первой категории Наташи. Совершу обмен, такой аванс за аванс.

И это уже превращается в систему.

Наши люди

Шесть утра, тихо. Гребу потихоньку у парикмахерской.

Мимо бегут люди, прыгают, как чупакабры, через сугробы, а я гребу. Хорошо. Так, иногда, присмотришься – жить можно.

Идиллию нарушает кудрявый мужик в годах, с бутылкой пива в руке:

– Командир, ты утром мусорную машину видел?

– Нет, – я перестаю шваркать.

– Жаль, – мужичок искренне опечален.

– Да что случилось-то?

– Друг у меня на ней работает, его точка. Хотели вместе опохмелиться.

Кудрявый теребит пачку сигарет:

– Опоздал, видать.

Мужичок уходит, а я закрываю рот.

Мысль изреченная есть ложь

Говорил с собаками о справедливом устройстве мира.
Слушали внимательно.

Мороз!

Холодно.

Руки мерзнут в тонких перчатках строительных. Где бы свистнуть рукавицы меховые утепленные. Пока приходится через равные промежутки времени бросать лопату и растирать пальцы. Я так понимаю: когда сжимаешь лопату, кровь в кистях плохо циркулирует. Иначе чего так ломит?

Боря натянул шапку поглубже и бежит с картонной коробкой, полной мусора.

– Здорово, брат! – кричит.

– Здорово, – кричу я в ответ.

– Как дела?

– Зашибись!

Тут я поскользываюсь и падаю на дорогу. Чертыхаясь встаю, отряхиваю штаны и куртку.

– Мать вашу, – произношу вслух.

Потом еще раз:

– Ну, мать же вашу.

На душе становится легче.

Поднимаю лопату и продолжаю сгребать снег у парикмахерской.

Белая гадость лежит за окном

В мороз снег не идет, и белой гадости из песни Цоя как раз и не наблюдается. Хожу, сгребаю пыльцу, подбираю пустые бутылки, пачки, пакеты из-под чипсов, раскладываю собакам еду и курю у парапета.

Ни тебе блондинки, ни тебе алкашей – всех разогнало похолодание.

Да и меня оно подгоняет, быстро заканчиваю свои дела и топаю домой, греться под душем и пить какао.

Машу на прощание Боре рукой.

Зы.

А снег ни разу не гадость.

Франшиза

Зимой лето кажется недостижимым. Такая штука, когда осенью смотришь в окно и видишь унылый пейзаж с дождем, то с трудом верится, что неделю назад еще светило солнце и было относительно тепло. То же и зимой, она – бесконечна. Хотя уже переломилась и пошла на поправку как больная бабушка. В четыре часа дня – светло. И в пять светло, а двадцать дней назад, было – глаз коли. И все это из года в год, такая вечная франшиза Создателя. А дворники ходят за сменой времен года как миниатюрное воплощение времени. Лопата сменяет метлу, метла – лопату.

Зы.

Или как Боди с бандой серферов-налетчиков за волной.

Легенда о Черном Дворнике

Жил-был дворник, имя которого история не сохранила. По одной версии его звали – Питирим, а по другой – Анисий. Греб около пяти-подъездного кирпичного дома и горя не знал. Здравовался с жителями, ладил с участковым, получал зарплату в ЖЭКе. Заботился об инструменте и летом красил мусорный бак (в желтый цвет) по собственной инициативе. Пока однажды с балкона некоего депутата городского совета, жившего в оном доме, не выбросили пустую бутылку из-под виски Ardbeg Lord of the Isles.

С четвертого этажа на газон. Имя депутата история также не донесла, вроде его звали – Ростислав Мстиславович, но, возможно, и – Саул Иннокентьевич. Дворник в это время грабил граблями траву с целью очистить газон от мусора. Когда бутылка упала, подскочила и покати-лась под уклон, дворник поднял голову и узрел на балконе наглую рожу депутатского холуя Игорька.

– Что ж ты делаешь, мил человек, – поинтересовался дворник, – а если бы здесь дети играли?

– Чаво? – в свою очередь спросил холуй и швырнул вслед за бутылкой окурок сигареты «Кент» четвертый номер.

После чего скрылся с глаз.

Дворник подобрал бутылку, бычок и отнес в мусорный бак. Потом провел беседу с жителями и выяснил, что сам депутат давно в этой квартире не живет, а с недавних пор в ней ночует его шофер и порученец, тот самый холуй с жирной мордой – Игорек. Дворник поднялся на четвертый этаж и позвонил в депутатскую дверь.

Дверь отворилась.

– Пошел на... – приветствовал его холуй, чем попрадал все самое святое из небольшого, но четкого списка дворничьих моральных ценностей.

– Хм, – ответил дворник и ударил Игорька по голове граблями.

Дворник инструмент из рук никогда не выпускал, держась за него как за якорь, связующий с миром. Здравов рассуждая, что без инструмента он только былинка на ветру, а с граблями или лопатой – человек, облеченный ремеслом, а значит, создатель прекрасного.

Игорек упал на пол, и из его головы, пробитой зубьями граблей в нескольких местах, потекла кровь. Дворник же вызвал скорую помощь и милицию от соседки Галины Васильевны. А потом сел на лавочку около подъезда дожидаться расплаты, которая не задержалась. Милиция сообщила депутату, депутат перетер с милицейским начальством, полковником Учпук-заде, и дворнику после всех пертурбаций отмерили четыре года по статье номер двести шесть, часть вторая. Почему-то с полной конфискацией имущества, состоящего из валенок с калошами, мотка бечевки, чайника и ножовки по дереву. Видимо, в пользу депутата.

С тех пор дворника никто не видел, но спустя несколько месяцев Игорька, большого любителя бухать по вечерам на балконе депутатской квартиры, под ним и нашли. Под балконом, лежащего на газоне в трусах и майке, раскинувшего руки и устремившего взор ввысь. От Игорька явственно пахло спиртным, и следствие пришло к выводу, что холуй сверзся с высоты по пьяни, и если бы не одно обстоятельство, на которое милиция предпочла закрыть глаза, так бы все и было.

На груди Игорька следак Агафонов обнаружил несколько колотых ран, больше всего напоминающих след от удара граблями, а горло хо-

луя было перерублено острым предметом. Не исключено, что стальной полосой, закрепленной на совке лопаты. И еще, местные жители накануне ночью слышали звук напоминающий швырк лопаты скребущей асфальт, что для поздней осени было странно и таинственно.

Так что если вы иногда просыпаетесь ночью или ранним утром от непонятных звуков, раздающихся то ли под окном, то ли черт его знает где, то это Черный Дворник начинает свою работу. Сгребая мусор матерных слов и пепел мздоимства, тлю вседозволенности и слизь власти. Подметая купюры, не имеющие души, но имеющие все вокруг.

Дворник высоко заносит острую кромку стального совка, прежде чем вонзить ее.

И горе тому, кто попадет под его лопату.

Чисто спортивная гребля

Мы, естественно, все полупрофессиональные спортсмены.

(А некоторые профессиональные.)

Гребем.

Дисциплина у нас несложная, но тщательная и ответственная. Защищаем чистоту Родины. И чистоту помыслов населения, хотя для нас они – народ. Это для депутатов люди – население, а для дворников – соотечественники.

Если не сказать хуже.

Один на льдине

Дикий холод.

Снега нет, кругом черный лед.

Вообще марсианский пейзаж, если верить тем, кто там побывал. Людей почти нет, круглосуточный лабаз закрыт, и Бори не видно. Достая из мусорного бака большую картонную коробку и иду собирать урожай. После выходного урожай обилен. Набиваю коробку с верхом, ташу к бачкам, падаю – поскальзываюсь.

Сильно болит замерзший большой палец правой руки, снимаю голицу и начинаю растирать. Не помогает. Пытаюсь закурить, зажигалка не горит, скукожилась на морозе. Грею ее в руке, наконец, закуриваю. Тру пальцы.

Холодно, мать твою.

То есть сам я более-менее, а вот кисть замерзла до бесчувствия. Впо-ру засовывать его куда поглубже, чтобы отогреть, например в штаны или за пазуху.

Когда вернусь в квартиру, в относительное тепло, пальцы начнет ломить.

Докуриваю, оглядываюсь, глажу собаку по загривку, говорю:

– Эхма...

И иду домой.

Все свои

Снега почти нет, я достаю из мусорного бака картонную коробку, иду собирать ежедневную дань. У парикмахерской здороваюсь с Борей.

- Привет, брат, – Боря стабилен.
- Привет.
- Как дела?
- Нормально.

Обычный обмен: пароль – отзыв. Система свой-чужой сигнализирует: опасности нет. Забив коробку до отказа, встаю покурить у парাপета. Потом подхожу к остаткам пресловутой кучки и пытаюсь рубить лед. Мимо чешет одноклассник, не узнает, вглядывается, узнает. Та же система сработала, его локатор зацепил мои позывные, волей-неволей передаваемые в эфир. Базовые модули опознавания, установленные еще в школе, не заржавели.

Пи-пи-пи-пи.

- Олег? – спрашивает он.
- Олег? – спрашиваю я.

Это не шифр, просто мы тезки.

– Ты чего здесь? – удивляется он, как будто на школьной скамье я хватал с неба звезды, а не числился кандидатом одновременно в дурдом и на малолетнюю зону.

– Гребу.

– А я на работу.

– Как дела? – проявляю вежливость.

– Да как тебе сказать...

Тут я по-настоящему заинтересовываюсь:

– Что такое?

– Ремонт все деньги съедает, мы же переехали – ты знаешь. И машину разбили вторую, ту, что в кредит купил. На первой-то жена, а на этой я.

– Что значит «разбили»?

– В меня врезались... Ладно, я побежал, а то опоздаю, – говорит Олег.

И пожав мне руку, действительно, бежит.

Я смотрю ему вслед и думаю: неужели я такой же старый? Такой мужиковатый и замученный? С мешками под глазами и тошнотворным дыханием? Мы же ровесники.

Вот блин.

Зы.

О том, что он переехал, я никогда в жизни не слышал.

Все свои-2

Люди занимаются не тем.

Клянусь.

Покупают в кредит полумиллионные машины, бьют их, потом таскаются по судам, доказывая, что не верблюды, не забывая выплачивать по счетам совершенно неприподъемные для их бюджета суммы. Меняют квартиры с колоссальной доплатой, залезая в чудовищные долги.

Нервничают круглосуточно, испытывая боли в спине.

Стареют на глазах от съедающих душу проблем.

Бухают почем зря, хрен знает с кем.

Не закусывают.

А могли бы заниматься чем-нибудь более приятным.

Например, грести снег и писать рассказы.

Да хоть выпиливать из трехмиллиметровой фанеры симпатичных зайчиков.

Или коллекционировать плюшевых мишек со швом на носу (моя любимая модель).

А они...

Чего-то пальцы разболелись, при сгибании щелкают противно, видать, уходит жидкость из суставов, как предсказывал тысячу лет назад опереточный мужик, отработавший двадцать годков дворником университета.

Вот тебе и приятное занятие.

Любовь – не вздохи на скамейке

Степан Щипачев был прав.

Сегодня слушал чириканье воробьев. Целое полчище сидело на кустах и надрывалось. Потом вдруг замолкало, а через десять секунд опять орало. Это они весну чувствуют, надо думать. И на соседнем кусте то же самое. Сначала хор выдает мелодичный треск, переливающийся волной, а следом раз!.. и тишина.

Воробьи круглые, нахохлившиеся от холода. Как лохматые шарики.

Я встал ровно посередине и слушал.

Прохожие меня огибали, некоторые были недовольны.

Нечаянная радость

Собрал мусор у главного входа, потом вдоль тыльной стены магазина, у баков и вышел к служебному. Тут-то она меня и ждала – радость. Строители, суки, выбросили весь хлам к дверям. Ремонт они в правом крыле делают, тотализатор размещают около барского офиса, что возле туалета.

Пленка, асбестовые (гипсоволокнистые?) плиты сломанные, доски, картон, какие-то пакеты и прочая ерунда. Много накидали.

– Еж твою медь, красавцы! – примерно так воскликнул я, увидев сюрприз.

Набрал коробок из баков, расставил их вокруг горы мусора и стал паковать. Утрамбовывал час, несколько раз бегал, вытряхивал и возвращался. Крупногабаритную хрень относил отдельно, мелкую загружал лопатой. Много ругался, но про себя.

Примерно так.

Это ж надо, какие гады строители. Это что ж, так каждые день теперь будет? Это ж ни в какие ворота не лезет!

И так далее.

Решил непременно поговорить с барином, нарушить, так сказать, нейтралитет. Выйти на новый уровень. Поставить ультиматум. Или я, или они. Или пан, или пропал.

Хотя барский ответ я примерно знал.

Когда закончил, прошелся дорогой и поднял пивные бутылки с пакетами из-под чипсов. Встал у железного парапета и закурил.

И чего?

Плач

Собачки вы мои родные. Ау?

Встреча в верхах типа Потсдамской конференции

Виделся с баринком.

То есть сначала договорился по телефону о randevu.

– Неплохо бы трактористу денег заплатить, – в своей пораженческой интеллигентской манере после взаимных приветствий сообщил я.

– А? – тоже типично отреагировал барин.

Когда я был маленьким, то многие мои грубые товарищи по детским играм на данное восклицание всегда отвечали твердо и однозначно: «Хрен на».

Но я сдержался.

– Ага.

– А что, уже тридцать первое?

– Оно, родимое.

– Приходи к двенадцати, поговорим.

– Сегодня? – уточнил я, зная выходки барина наизусть.

И барин не подвел:

– Завтра.

Завтра так завтра, а пока можно чаю выпить с пампушками.

Встреча в верхах-2

– Еще раз выкинут мусор к дверям, буду бить лопатой по голове, – в бодрых тонах начал я нашу с баринком встречу.

А продолжил так:

– Или того лучше, оставлю все как есть, пусть комиссия любит.

– Я с ними поговорю, – барин сидит за столом и руководит мировой движухой, – со строителями. Сегодня же.

– Так иди, говори, вон они шуруют.

– Вечером.

– Вечером?

– Да, – барин утыкается в телефон, randevu закончено.

– А деньги? – грозно вопрошаю я.

– Ах, да-да-да, – барин лезет в карман, достает портмоне и отсчитывает купюры.

– Не понял? – денег нам на двоих с повелителем дракона явно мало.

– Понимаешь, – начинает барин, – я еще не всех обошел, не со всех собрал. Завтра доберу.

Это он своих арендаторов имеет в виду, тех, кому сдает подвал и с кого берет дань за уборку.

– Из личных плати.

– Нет личных.

– Нет?

– Нет.

– Значит, со строителями вечером, а деньги завтра? – я себе напоминаю монтера Мечникова из романа Ильфа и Петрова, того, который – утром деньги, вечером стулья. Только здесь прикуп на руках у барина.

– Я гарантирую, ты же меня знаешь?

Вот именно.

Дворницкий досуг

Перечту-ка я «Жизнь Арсеньева», Ивана, значит, нашего Алексеича. Всегда она на меня хорошо действовала.

Сдерживающе.

Да! Теперь решено. Без возврата...

Встал, как обычно, ни свет ни заря. Умылся холодной водой. Попил цикорию с хлебушком. Повздыхал, глядя в темное окно. Сунул в карман малахая пакет с собачьей едой и пачку сигарет. Взял лопату и выдвинулся на участок. Шел и думал: ну не дай бог там мусор строительный валяется. Ну не дай бог барин сегодня оставшуюся сумму не отдаст. Ну не дай бог... Да много чего еще думал, и все «не дай бог».

Куча мусора, естественно, ждала меня на месте.

Еще больше, чем накануне.

Я ее аккуратно обошел и занялся своими обычными делами в бесснежное время – сбором бутылок и пакетов в коробку.

И даже не ругался, ни про себя, ни вслух.

Вечером позвонил барин и попросил прийти. А когда я пришел, предъявил свидетеля и убедительно доказал, что строительный мусор к служебным дверям подкинул Боря. Элементарно перетаскал от баков, куда его вынесли строители, к нашему входу. Барин объяснил причину. Что-то там с арендой и подписанием договора на складирование мусора. Типа эти емкости хозяина Бори, а не наши.

Но я даже не особенно удивился.

Мне уже было по фигу.

Зы.

Взял лом и пошел рубить лед, я барину еще месяц назад обещал раздолбить. Пусть будет вроде дембельского аккорда.

Хипстер, блин

Надоело, конечно.

Но и возраст не тот, чтобы быть уполномоченным по делам, меня не касающимся. Дома смотрю на лопату, спрашиваю себя:

– Достиг гармонии?

Сам себе отвечаю вопросом на вопрос:

– В чем?

– Не «в чем», а между.

– ?

– Между мечтами и реальностью?

– А как же.

– Так хрен ли сидишь?

Действительно.
Беру лопату и иду грести.
Другого выхода все равно нет.

Предпоследняя мечта

*Мне чтоб и кровать была, и чай хороший,
и разговоры деликатные...*

А.П. Чехов

Любовался наступающей (гипотетически) весной.
Представлял речку, удочку и стакан самогона рядом с черным хлебом. Еще – огурчиком с грядки и рассвет. Раскрытый том Толстого на лавке.

Именно в такой последовательности.

Мужественно думал:

Все, решено, на хрен Ниццу, Монте-Карло и Глазурный берег, уезжаю в деревню. Как только – так сразу. В том смысле, что в мае, едва установятся погоды, тут же на вакации, а то и на постоянное место жительства в село.

В гущу.

В самое сердце.

В посконное.

Зы.

Привет, пейзаю.

Поэзия

Александр БОБРОВ

Родился в 1944 году на станции Кучино Московской области. Окончил Литературный институт им. М. Горького.

Автор десятков книг стихов, песен, пародий, путевой прозы и публицистики, ряда авторских телепрограмм. Кандидат филологических наук, член редколлегии журнала «Русский Дом», лауреат премии им. Дм. Кедрина «Зодчий» и премии им. А. Фатьянова «Соловьи, соловьи...». обладатель золотой Пушкинской медали творческих союзов России.

Секретарь правления Союза писателей России, член-корреспондент Академии поэзии. Живет в Москве.

ЖИЗНЬ ТЕЧЁТ, ПРОНИЗАННАЯ СВЕТОМ...

Горячие капли воска

У памяти странное свойство:
Не помню ни служб, ни молитв –
Лишь капли горячего воска
На пальцах на детских моих.

Шагал я по жизни упрямо,
Бывал и в раю, и в бою,
Но снова у жёлтого храма
На старой Ордынке стою.

А что сквозь лета отзовётся,
Согреет в промозглой ночи? –
Лишь капли горячего воска
От праздничной красной свечи...

Запах пыли

Дождь весенний – это к изобилью.
С первых капель – память о былом,
Потому что остро пахнет пылью,
Как далёким подмосковным днём.

Это – несравненно русский запах,
Почему – и сам не разберу,

Если после всех житейских засух
Я слезу случайную сотру.

Или это капля дождевая?
Не понять. И не об этом речь...
Главное – дорога полевая.
Запах пыли.
Ожидание встреч.

Памяти старших друзей

Падают листья... Что это значит?
Виктор Боков

Кто знал любовь в судьбе своей мытарской –
Тот верит в Песню, а не в чистоган.
Мы собирались на Большой Татарской,
Где царствовал аверкинский баян.

Взмывали вдохновенные качели,
Смеялся Боков: «Хорошо сидим!»,
И восклицал Аверкин: «Бокичелли!
Да мы ещё такое сочиним...»

Пока ещё есть силы веселиться
И снова брать восторженный аккорд,
Но на Большой Татарской кружат листья,
Которые опали в этот год...

Тройственный выстрел

В осеннем лесу, над поляной,
Мне слышится шелест знамён...
Спасибо, отряд Безымянный
За сонм возвращённых имён!

К Вуоксе идут электрички.
Когда настанет тишина,
На самой большой перекличке
Героев звучат имена.

Я много прошёл и осмыслил,
И вот замыкается круг:
Мне слышится тройственный выстрел:
Алёшин, Бобров, Гончарук.

И отзвук разносится грустный,
Но как-то спокойнее мне,
Что прах захоронен на русской,
На взятой с боями
Земле!

День Победы на Кадашах

Кадаши сохранили свою тишину,
И, начало своё вспоминая,
Прислонюсь к парапету, немного глотну:
С давних пор тут шумела пивная.

Над каналом Обводным стучит метроном –
Сердце брата...
Нельзя обмануться.
Уходил он отсюда – в 40-м,
Чтоб уже никогда не вернуться.

Ну и я, после детских и юных годов,
Уходил под советское знамя.
Я ведь тоже – Бобров.
И поклясться готов,
Что Победа – останется с нами!

Кто-то празднует шумно, а я – в тишине,
Но, портреты и рюмки вздымая,
Не допустим, чтоб шушера
Здесь и извне
Диктовала, как праздновать мне и стране
Светлый праздник 9 Мая!

Лазурная зависть

Хотел бы жить на Адриатике,
Где с ранних лет бы затевал
Играть в красивые солдатики
Австро-венгерских подпевал.

Купался в море лазуритовом
Под утренней голубизной,
Гордился призрачными битвами,
Междоусобною резнёй.

И знал, что помощь – не кончается,
Друзей и спутников менял.
А если что не получается –
Во всём Россию обвинял...

Могила Гюдена

Невероятно:
Весь сезон
Твердят о вражеской могиле:
«Его любил Наполеон!
Слова похвал – остались в силе...»

Да хрен бы с ним!..
 Под сенью стен
 Не всплыл вопрос, довольно веский:
 Что делал генерал Гюден
 В старинном городе Смоленске?
 Зачем он к нам с оружием лез,
 В каких снегах спешил согреться?

Корреспондент на Пер-Лашез
 Всё гладил склеп с истлевшим сердцем,
 А тело, думали, навек
 Найдёт покой в просторах грустных.
 Нашли и подняли наверх –
 Свистеть про варваров французских,
 Про шаромыжников, убийц,
 Святыни русские поправших...

Корреспондент, не падай ниц
 Перед могилой проигравших!

Сообщение

Итак, кончается поездка,
 Привычно треньканье ловлю:
 Пришла в дороге эсэмэска
 Внезапно: «Я тебя люблю».

Писали всякое: «Тоскую»,
 «Хочу приехать на вокзал»,
 «Пора обняться»...
 Но такую
 Давным-давно не получал.

И мне бы петь, смеяться звонко,
 Писать в ответ, что потрясён...
 Так внучка младшая – Алёнка
 Осваивает свой айфон.

Но я судьбу благодарю,
 Пишу: «И я тебя люблю».

Близким

Ни премиям, ни обелискам
 Твой статус – не подчеркнуть.
 По степени нужности близким
 Земной измеряется путь.

А как же широкая слава?
 А как же бессмертье строки?

А – так же.
 Есть высшее право:
 Отрада стихов и отрава –
 Для тех, кто духовно близки.

Полынный привет

Помню дерзкий ответ
 Из веков поседелых:
 «С Дону выдачи нет!» –
 Говорили про беглых.
 И для власти вовек
 Без судов-приговоров
 Исчезал человек
 В этих вольных просторах.

Что осталось от той
 Всенародной поруки?
 Только ветер степной,
 Только Дона излуки
 Да рыбацкий рассвет,
 Да закат величавый,
 Да казацкий распев
 И военная слава.

Я не раз убегал
 Для мифической воли,
 Как тебя убеждал –
 Для лирической доли.
 Шлю полынный привет
 За Кольцо и за Кремль...
 С Дону выдачи нет? –
 Я вернусь.
 Ты затребуй!

На крепости Дубровника

На крайней точке равелина –
 Почти с горами наравне –
 Бойница висится картинно,
 В былом – практичная вполне.
 Когда враги возьмут столицу,
 Трубя и сея страх кругом,
 Останется одна бойница,
 Непокорённая врагом,
 И бой без шансов будет длиться!

Я обернусь на контур вновь...
 Моя последняя бойница –
 Моя прощальная любовь.

* * *

Было трудно, но я справлялся,
Не погряз в душевных копаниях,
По безлюдным рекам сплавлялся
Или пел в огромных компаниях.

И дарила моя Россия
Это странное ощущение,
Что о чём её ни проси я –
Исполнялось в одно мгновение.

Как такому не подивиться,
В положительном самом ракурсе?
Вот под старость хотел влюбиться –
И случилось...
Хоть плачь,
Хоть радуйся!

* * *

Жизнь течёт, пронизанная светом,
Отголоском песни молодой.
Внук мой научился этим летом
Не бояться плавать под водой
С широко открытыми глазами
Даже в море!
Видеть глубину.
Мы ещё морями и лесами
Совершим дорогу не одну.
Чтобы он смотрел на мир открыто,
Видел бы, где мель, где глубина,
Чтобы жажда не была убита:
Понимать и видеть всё – до дна...
Ну а я-то что-нибудь осилил?
Да, ценить сильнее во сто крат:
Зов строки, дорогу по России
И неравнодушный женский взгляд...

Евгения РИЦ

Родилась в 1977 году в Горьком. Окончила Нижегородский государственный педагогический университет. Кандидат философских наук (диссертация «Природное и культурное в философии человека Н. Ф. Фёдорова»).

Поэт, литературный критик. Участник интернет-сообщества «Полутона». Публиковалась в журналах «Нижний Новгород», «Октябрь», «Воздух», «Новый мир», «Новый берег», «Волга – XXI век», «Урал» и других изданиях, в антологии «Братская колыбель», на сайтах «Сетевая словесность», «Молодая русская литература». Автор двух поэтических сборников.

Живет в Нижнем Новгороде.

А ЛИСТ ПОДНИМАЛСЯ ДО НЕБА, А ПОСЛЕ СПУСКАЛСЯ НА НЕБО...

* * *

Идёт по мартовской воде,
Ещё, как роза, нераскрытой,
Невидимая лодка, где
Лежат тяжелые раскаты,
И запахи, и новый свет,
И все озоновые дыры,
И неозоновые все
Лохмотья нынешнего мира.
И мне её прекрасно видно,
И у неё прекрасен вид –
Вон в ней застенчивое быдло
В слоистом облаке обид.
Оно – народ-переселенец,
Сплошной кочевник-корабел,
И это от его коленец
Мы не останемся у дел.

* * *

Идёт потерянно сестра,
Как будто из воды,
А ей навстречу братец-труд,
Такой, как все труды,
Замёрзший, серый, ледяной
Сиротка в ржавых башмаках,
Селёдка в банке, и спиной
Не чувствует свой прах,

И запах клея, и пакет,
И восемьдесят пятый год.
И никогда не будет так
От чьих-нибудь щедрот.
Он клей момент и сей секунд,
И магазин, а в нём
Лежат ириски и щербет,
Как будто под огнём.

* * *

Засыпает Арктикой солёной
Все холодные и тёплые дома
А у каждого оставшегося дома
Лестница далёкая видна
Здесь в толчках и рытвинах но прежде
Сытая и гладкая как конь
Где-то проступает но не брезжит
Сквозь неё открытая ладонь.
Рассеяньем северным согретый
Весь в сквозных и замкнутых огнях
Соберётся Нижний над пакетом
С верхней частью скорченной в синяк.
Вот и догадайся кто здесь гладок
А точнее что или кого
Извлекает холод из догадок
И прессует жёстко в существо.

* * *

Она касается с дневной
Стремянки
Полярной ночи наливной.
Кругом палёные останки
Перебирает летний зной.
Малярка с круглыми ногами
И растворённой спиной
Стоит, и капли сонным градом
Двускатных крыш бегут не рядом,
Но рваной линией кривой.
Мы тоже были сапогами
По локоть в глине и золе,
Небесну славу пригибали
К исчёрканной, покоцанной земле.
Бежит царапина на лаке,
И пианино, как в бараке,
Визжит: «Оле-оле-алле».
Её ладонь сжимает кисти
На самом деле, будто в жизни.
Будь это Брейгель или Бог,
Здесь всё давно бы растворилось,
И на прощание замок
Шершаво скрипнул, и на милость
Какой-нибудь бы отблеск лёг.

* * *

Лист смят и пропитан водами,
Он весь прорастёт орденами
И кеглями мелким и крупным
И вырастит слово из слов
Витиеватым цунами
Над ворохом павших голов,
Что верили правде газетной
На вертеле сетки офсетной
Лукавой прозрачной Агафьи
И литер из древних песков
На вялых таёжных тропинках
В киосках печати и гнева
Сосали одну аскорбинку
О разных и многих скорбях,
А лист поднимался до неба,
А после спускался на небо,
Как зёрна дурного посева
Швыряет летучий отряд –
Один тракторист и ударник,
Другой гармонист и пожарник,
И жук об опавших крылах
Стучит на гравюрах фонарных
Ударом дверей одинарных
Сбивая опухших гуляк.

Константин КОМАРОВ

Родился в 1988 году в Свердловске. Поэт, литературный критик, литературовед. Выпускник филологического факультета Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина. Кандидат филологических наук (тема диссертации – «Текстуализация телесности в послереволюционных поэмах В. В. Маяковского»).

Автор литературно-критических статей в журналах «Новый мир», «Урал», «Вопросы литературы», «Знамя», «Октябрь». Лауреат премии журналов «Урал» (2010), «Нева» (2016), «Вопросы литературы» (2017). Стихи публиковались в журналах «Звезда», «Урал», «Гвидеон», «Нева», «Новая Юность», «Волга», «Бельские просторы», «День и ночь» и других. Автор нескольких поэтических книг и литературно-критического сборника «Быть при тексте».

Участник и лауреат нескольких поэтических фестивалей. Живёт в Екатеринбурге.

МИР ТАЕТ, КАК АНГЕЛ СУСАЛЬНЫЙ...

* * *

Я знаю, из какого сора
расту, не ведая стыда,
я – просто грёбанный абсорбер
из ниоткуда в никуда.

И пусть не видит эту ось кость,
мне не по чину этот ранг,
когда ломает носа плоскость
судьбы случайный бумеранг.

* * *

Поэзия, наверно,
оптический сквозняк.
Не автора, но ветра
венозная возня.

Бесперебойный шифр
шизофреничных крыш
и серых листьев шифер,
в котором ты горишь.

С души уже не жалко
снимать за слоем слой.
И облако, как балка,
повисло над землёй.

* * *

По лекалам скроена окраина
и линеен ливень по пути.
Всё, чем зренье было обокрадено,
выплатили сердцу во плоти.

Как крючок с назначенной наживкою,
ты един в сей местности гнедой
с капяющей с капюшона жидкостью,
часто именуемой водой.

И никто здесь не сочтёт насилием
результат безмолвного труда:
слиться с нею болевым усилием
и отсюда слиться навсегда.

* * *

Скакала безверья скала
сквозь злую забаву забвенья.
Я понял, что память мала
от вторника до воскресенья.

Царапины эти на теле
откуда? Заткнись и внемли.
Всем, что мы на сердце надели, –
обратно нас не надели.

Мир тает, как ангел сусальный,
его нам уж не превозмочь.
Кисельный свой бред колоссальный,
не высказав – вымолчи в ночь.

Для бешеной мысли запинка –
установка быть голова.
Но если случится заминка –
изюминкой станут слова.

* * *

Расторопно распоротый кем-то
небосвод до кишок оголён.
Душит ливень зажжённого Kenta
неприметный скупой огонёк.

Лишь вода под ногами пылится,
лужи пухнут разводами грыж.
Надо мной только спутница-птица:
сторож неба – испуганный стриж.

Так уходит закатное лето,
раздвигая усталый восток,

и по комнатам хлещут кометы,
зацепляя сетчатку хвостом.

Гром смеётся – пещерный и жадный –
он сегодня сполна награждён.
И закат уже пожран пожарным
разжижающим время дождём...

* * *

День ледовит и голоса опрятны
и кажется, что только лишь вчера
произошло событие объятья
и затемнило зрение дочерна.

Но нет – изюма в булку не воротишь,
ведь быть привык привинчен к коже я.
И не зовёт в придуманный воронеж
смешливая судьба-ворожея.

Пока себя не выбросишь в костёр ты,
тебя не примут в ангельский район.
И потолок, над нами распростёртый,
теперь и на меня распространён.

* * *

Вид в зеркале и давит, и дивит,
какой-то там барочный и барачный
глядит в глаза мне странный индивид –
нетрезвый, недоверчивый и мрачный.

Такого ль наблюдал другой поэт
сто лет назад – известный, белокурый?
К нему явился чёрный силуэт
спросить за всё, что он набедокурил.

А мой – стоит и пальцем не грозит,
застывший в ртути, как голимый Голем,
хоть попрекнул меня бы, паразит –
предательствами, болью, алкоголем.

Зеркальный контур гол и молчалив,
и я снимаю хлипкие котурны.
Весна пуста и белый свет червив.
И небеса кислотные лазурны.

* * *

Иссякла щедрая подпитка,
заклинило спираль витка;
иглой, что хотелось выткать,
теперь приходится втыкать

в бумажного сухого сена
ещё не подождённый стог.
Но батарейка солнца села
(а может, кто-то ей помог).

И ничего уже не лечит,
и нечего уже просить,
ведь то, что выносил, не легче
потом годами выносить.

Но бессловесные загадки,
ещё оставшиеся тут,
последней требуют закалки
и остудиться не дают.

Ирина ГОРЮНОВА

Родилась в 1972 году в Москве. Окончила Московский государственный открытый педагогический университет имени Шолохова, Высшие литературные курсы при Литературном институте имени Горького.

Поэт, прозаик, драматург, литературный агент. Печаталась в журналах «Футурум АРТ», «Дети Ра», «Крещатик», «Литературная учеба», «День и ночь» и других, автор многих книг. Лауреат премии «Золотое перо Руси», серебряная награда (2010), лауреат Чеховской премии (2010).

Член Союза писателей России, член международного ПЕН-клуба. Живет в Москве.

ЮРОДСТВОМ ОТМЕЧЕНЫ НЫНЕ ТВОИ ОБРАЗА...

* * *

Видишь – вьются узоры дорог на моей руке?
Начало каждой, как взлетная полоса,
Хочешь, взлетаю, но не уходи в пике,
Нам еще рано полностью в небеса...

Можно в спиральных тел по земле скользить,
Словно по краю пропасти следом в след,
Пусть наш рейс промежуточен, как транзит,
Ты посмотри, какой за окном рассвет!

Ловко стираешь шрамы с меня рукой –
Ловчий птиц, удачливый в ремесле,
Кто-то грезит в любви обрести покой,
Мы не те, кто может быть в их числе.

* * *

Губы жестки мозолями поцелуев –
Слишком лживых, впивающихся до крови,
В небо немощно сколько шептать аллилуйя,
И ладонь твою бьющую снова ловить

Для поцелуя, подставляя вторую щеку –
Красным зудом на коже ее тавро,
Обращать на заре свой взгляд к востоку
Смысла нет, когда ты лишь его ребро,

Если хрип лишь немой твой сипит из горла,
Пережатого искушенным Адамом, –

Это снимают на пленку дешевое порно
В главной роли с тобой, что довольно странно...

Хватит под ноги падать, а не в ладони,
Незащищенный ему подставлять живот
И мечтать, что в сплошной череде агоний
Здесь, сегодня один из двоих умрет.

* * *

Ты спишь в одиночестве вместе с домашним котом,
С тобою лишь он и ненужный, ушедший фантом,
Тревожащий стыдностью злых и растаявших ласк,
Зажившие шрамы по новой наносит дамак –

Оружие памяти рвет твою душу и плоть,
Диагноз понятен, но эту болезнь побороть
Нет сил и стремления к новой грядущей весне,
Бежишь обреченно по черной своей полосе...

Твой кот не урчит, недовольно виляя хвостом,
Его раздражает, что с вами есть третий – фантом –
Его не царапнуть и не за что даже куснуть,
И кот, как и ты, очень часто не может уснуть.

Бессонница подлая мучит обоих жильцов,
А все из-за призрачных этих твоих подлецов,
Что рай обещали, но ввергли в пылающий ад,
Ведь так безысходна мелодия их серенад...

Ты бредишь ночами и плачешь, уткнувшись в кота,
Виляет хвостом по ночам для тебя пустота,
И надо проснуться от морока этих ночей,
Но как не пустить в свое утро опять палачей?..

* * *

Ты больше не выйдешь ему навстречу,
Ведь эта дверь навсегда закрыта,
И каждый из вас как меткой мечен
Апофеозом сплошного быта.

В твоей квартире царит порядок,
Хотя в душе сплошной кавардак,
Тебе наскучил абсурд загадок,
И полуспущенный общий флаг.

* * *

И он не играет на нервах, как будто на струнах,
И ты не живешь каждый день, как лишенная кожи,
И больше о нем не гадаешь на треснувших рунах,
Он больше не твой – незнакомый случайный прохожий...

Рукой зажимаешь слова, что хотят по привычке
Сорваться при встрече, но он так отводит глаза,
Что проще сказать их чужому в ночной электричке –
Юродством отмечены ныне твои образа...

И тел геометрия, в общем, распалась давно,
И алгебра чувств не решила простую задачу:
Один плюс один... дальше пауза, символ равно,
В решении ноль, и нет смысла искать недостаю.

И близится осень, в окне отражается дождь,
Смеркается рано, а главное больше внутри,
Молчи, не считай, эта сумма – безумная ложь,
Возьми переменные обе и просто сотри.

Увы, математика двух оказалась сложна,
Поставили неуд обоим, сидевшим за партой,
Но дома дневник показать ты уже не должна,
И эту оценку не сможешь исправить украдкой.

* * *

Слагай слово вечность,
Глядись в пустоту
Наряд подвенечный
Растает к утру
Нагая под хохот
Пойдешь по углям
И ластится похоть
Потрогать за срам.

* * *

Когда лежишь на снегу и делаешь руками ангела,
И на твое лицо падает с неба звездная пыль,
Ты начинаешь снова жить не по правилам,
Отбросив в сторону свой удобный костыль

Из твердой реальности – привычные ходунки
Для младенцев, стариков и калек по жизни,
А ты неожиданно – против течения, вопреки,
Даже если хмурится в ответ кто-то ближний,

Даже если он отворачивается, бурчит и ноет,
Когда у тебя в животе летают стрекозы,
И ты одна глядишь в это небо ночное,
Несмотря на угрожающие прогнозы

Метеослужб института общества и семьи,
Которые гораздо точнее, чем у синоптиков –
Видишь, как нахохлились на проводах воробы,
Эта сказка твоя подобна наркотику,

А поэтому ты от нее сбежишь.

* * *

Ты теперь, милая, будешь бежать по радуге,
И там тебя встретит объятьями богиня Баст,
Этот мир для тебя был относительно радостен,
Но в новом – никто не обидит и не предаст.

Беги, не оглядываясь, по лунной дорожке,
Там ты снова станешь красивой и молодой,
Ты была самой умной и доброй кошкой,
А теперь ушла и засияла звездой...

Ты уже не попросишься, мурча, на колени,
Не прильнешь снова, чтобы забрать мою боль,
А неслышно где-то лишь ступаешь тенью
И мяучишь богу свой входной пароль.

На Мосту Радуги жди меня, верная,
Мы с тобой обязательно встретимся там,
Ты всегда прощала из любви первая,
А отныне я тебя никогда не предаю.

Андрей КРЮКОВ

Родился в 1961 году в Москве. Окончил Московский институт управления им. С. Орджоникидзе. Кандидат технических наук, специалист по крупным проектам в области информационных технологий.

Стихи публиковались в журналах «Новая Юность», «Соло» и «Москва», еженедельнике «Поэтоград». Лауреат юбилейного литературного конкурса журнала «Москва» (2018). Автор сборника «Открытый слог». Живет в Москве.

РАСКРАШЕННОЕ КИНО

Ты позвонила ночью...

Ты позвонила ночью. Шум прибора
Мне рассказал о том, как рвутся сети,
И вновь эфир, наполненный тобою,
Бессильно шепчет, торопясь ответить
Издалека, но раковины пленник
Играет роль без слов, и даже в гриме
Ему отказано. Свербит в коленях,
В затылке спазмы — экзекутор в Риме
Снимает сотый дубль, сквозь брешь в одежде
Гуляет ветерок и сушит слезы,
Натёкшие за ворот, словно прежде
И не любил... Еще немного прозы:
Мы, как смола, — с колосников в камине
Слетает зольный прах и зябко тлеет
На грязном покрывале, что поныне
Зовётся небом, рдеет и довлеет.
Под этим небом жить, храня в суставах
Его тепло, что сквозь ионосферу
В наш разговор, наигранно-усталый,
Приносится грозой, приняв на веру
Твой шёпот, как завет цыганки старой,
Под грохот волн скулящей на Венеру.

Баллада о Красоте

Кальхус, разведчик,
Всю ночь не смыкает очей,
Ранец овечий
Да плещет во фляге ручей,
Низкую крону,
Как шапку, надвинул на лоб,

Славит корону,
Что давит окоп, а не гроб.
Торс в напряженье,
Заряженный ствол у груди,
Звуки сражений
Остались давно позади,
Вдохи сквозь ветер,
А выдохи с шелестом трав,
Диск ярко светит,
Мешая проходу застав,
Чья-то деревня
Под сенью сиреневых гор —
Сохнут деревья,
Роняя поникший убор.
Через прилесок —
Окошки бунгало в огнях,
Этот отрезок
Отнимет примерно полдня.
Осень в Капстаде:
Саванна скрывает врагов,
Лань даже в стаде —
Добыча шакалов и львов.
Сдюжил, зарылся
Под корни, в бушвельд с головой,
Чуть приоткрылся —
Останешься вряд ли живой.
Згой-невидимкой
К огням пробивался стрелок,
Вдруг мягкой дымкой
Пред ним легкокрылый цветок —
Тень нимфалиды
Проникла в зияющий ствол,
Меч Немезиды
Бегонией нежной расцвёл.
Спор с Красотою
Вести не дано никому,
Даже Герою
Не справиться, ни одному.
Память стирая
В затейной Миром игре,
Души сгорают
На ржавом её алтаре...
В этой деревне
Стрелка ожидала родня,
С матушкой древней
Провел он другие полдня.
Снова за славой
Пора отправляться назад —
У переправы
Его дожидался отряд.
Только до цели
Дойти ему случай не дал —
В тесном ущелье
Разведчик в засаду попал.

Кальхус, бедняга,
 Коварным врагом окружён,
 Сброшена фляга,
 Прикладом злодей сокрушён,
 Следом ватага
 Трусливых вояк-англичан
 Рвётся к оврагу,
 Срывая фузеи с плеча,
 Быстро разведчик
 Направил на них карабин:
 Раз уж замечен,
 Отведать вам бургских дробин!
 Но вместо дробин
 Из дула порхнул мотылек –
 Солнцу подобен
 Оранжево-красный цветок.
 Тут же ответом
 Убийственный залп прозвучал –
 Кальхус с рассветом
 Расстрелян толпой англичан.
 Холм у дороги
 Скрывает неведомый прах,
 Чьи-то тревоги
 Остались навечно в горах.
 Раз, в день погожий
 Над ним мотылёк пролетел,
 Холм будто ожил
 И травами прошелестел.
 Спор с Красотою
 Вести не дано никому,
 С этой мечтою
 Не справиться даже холму.
 Смерть попирая
 В затеянной Миром игре,
 Души сгорают
 На вечном её алтаре...

Раскрашенное кино

Мы прожили кусок чёрно-белой бессмысленной жизни,
 Мы прожгли сгоряча этим пеплом ковёр на стене,
 Нам недолго нести, чуть горбатясь в немой укоризне,
 Эти серые будни, прожитые в мрачной стране.
 Для неброских гвоздик, для вина, для мороженных ягод
 Нам достаточно красного, но остальное не тронь.
 Отчего ж так настойчива в наших наследниках тяга
 Нашу память смягчить и раздуть на экране огонь?
 Вам, бродягам, как будто уснуть не дают наши лавры?
 И за это вы брызжете пестрым на стены дворцов?
 Под румяной листвой бирюзой отливают кентавры,
 Девы робко синеют, смущая желтушных отцов...

Для чего вы рисуете красно-лиловое небо
 И траву изумрудную? Словно вот-вот генерал
 Даст приказ и заблещут лампы нелепо,
 Чернозём превращая в песчаник, а Каспий в Арал...
 Фильмов много ещё, есть куда развернуться таланту,
 Да не в море по капле, а так, чтобы бить за версту:
 В вас нуждается зритель – добавьте же красок Рембрандту,
 Пририсуйте усы Моне Лизе и крылья Христу.
 Лакировщикам спектра, мазилам излишне проворным
 Мы нарушим покой, и пусть помнят, кто вечность отверг:
 В ваших липких кошмарах мы чёрное сделаем чёрным,
 Чтобы белое снова над ним одержало свой верх.

Открытый слог

*Не для житейского волненья,
 Не для корысти, не для битв,
 Мы рождены для вдохновенья,
 Для звуков сладких и молитв.*
 (вместо эпиграфа)

Аурелий аорта вмешалась в течение вод,
 Напоила стада серпокрылых зобатых турманов,
 Серебристую осыпь сняла с придорожных слобод,
 Обнажила белёсые десны лакричных туманов.
 Громогласное море отверзло больное нутро,
 Растеряло жемчужную нить погребенных столетий,
 В кареглазых осколках укрылось ночное метро,
 Заплутавший омнибус растаял в лесном бересклете...
 ...Шишковатые кости макнуть в ледяной фиолет,
 Носом щупая курс, вышли карлы смурными рядами,
 Обладатели рваных чулок и замшелых штиблет,
 В сюртуках из парчи, с недокрашенными бородами.
 Карлы ищут затей, но внезапная сонная хмарь
 Заковала их в латы соблазна всесильной науки,
 Сверлит каждому лоб неподвижный волшебный фонарь,
 И сосновым дрекольем раздроблены пухлые руки.
 Карлы робко ползут среди глиняных хижин села,
 За околицей меркнет дыханье от хрипов бульдожьих,
 На холмах разлеглась цепенящая млечная мгла,
 Пьяным пением птиц оглушая случайных прохожих.
 ...В час, когда я под утро закрою последний засов
 И закончу обход погребов, как прилежный мажордом,
 Я пушу вдоль ограды некормленных лагерных псов
 И вернусь к неостывшим в сиянье свечей клавибордам.
 Сквозь немытые стёкла пробьётся лучистый отряд
 И в прокисших чернилах закружит свои контрдансы,
 На песчаных холмах живописные карлы стоят,
 Из немеющих ртов их доносятся сладкие стансы.

Олег РЯБОВ

Поэт и прозаик. Родился в 1948 году в Горьком. Окончил Горьковский политехнический институт имени А.А. Жданова. Работал в Научно-исследовательском радиофизическом институте (занимался проблемами поиска внеземных цивилизаций), облкниготорге, издательстве «Нижполиграф».

В настоящее время – директор издательства «Книги». Член «Российского Союза антикваров», «Национального Союза библиофилов». Главный редактор журнала «Нижний Новгород», редактор-издатель альманаха «Земляки».

Член Союза писателей России с 2002 года. Живёт в Нижнем Новгороде.

ИНТЕРЕСНАЯ ДАМОЧКА

1

Уже трудно представить себе, каким обычным и в то же время «высокосветским», что ли, видом отдыха буквально несколько десятков лет назад были летние круизы по Волге на теплоходах от Москвы до Астрахани и назад. Билеты и путёвки на эти туры закупались загодя, ещё зимой. И компании на эти двухнедельные путешествия подбивались заранее, с прицелом на совместный отдых.

Долго не уходили на вечный покой в речные затоны легендарные колёсники «Спартак» и «Володарский», которые давным-давно, ещё в царское время, носили имена расстрелянных впоследствии великих княжон. Продолжали они радовать приверженцев старины и поражать своих обитателей роскошью: панелями из красного дерева, бронзовыми ручками и перилами, венецианскими зеркалами, ковровыми дорожками, хрусталём, фарфором и «варшавским серебром» в ресторанах. (Помните «Ласточку» из «Жестокого романа»?) Мнилось действительно что-то царственное в их благородных удлинённых телах и в «сиянии», с уже советскими звёздами в центре полукружий, закрывающих шлёпающие по воде плицы.

Но и они ушли в затоны навсегда. А с ними отправились отдыхать ещё десятки пароходов, помельче, которые теперь используются, только когда их беспокоят кинорежиссеры: для съёмок в своих исторических фильмах.

И сразу же на волжские просторы буквально выпорхнули новые белоснежные чехословацкие, немецкие, австрийские двух-, трех- и четырёхпалубные лайнеры. Дизельные красавцы, они почти бесшумно засколь-

зили вдоль зелёных лугов, заросших соснами гор, ковыльных степей, по-прежнему так же поражая, но уже в новом духе, и современным стилем, и комфортабельностью не только своих пассажиров, но и жителей сотен палаточных городков, выраставших летом на песчаных волжских берегах.

И часто непонятно было, кто кому больше завидует: пузатые ли дяди в белых шляпах, сетчатых маечках и парусиновых штанах, подглядывающие, облокотившись на палубные перила, на весёлые дымки прибрежных костров, или бородатые доценты и студенты, хлебающие из котелков только что сваренную щучью уху у своих палаток и слушающие, как «девчонки танцуют на палубе».

За Волгой тогда ещё ухаживали – было генетическое понимание, что река – кормилица. И чистили фарватер её речными дноуглубительными снарядами, то есть землечерпалками, если попросту, чтобы не заиливалось дно и чтобы питали родники жизнь речную. А ой как сохранялись прибрежные рощи, леса и боры – упаси бог вырубать их и трогать, от них зависела полноводность речек и безымянных ручьёв, питающих Волгу. Так и осетры, и белуги многопудовые тогда, пока не было и в помине Волгоградской, Чебоксарской и Горьковской плотин, гуляли по всей Волге от Ярославля до Астрахани.

Совсем недавно так было.

Капитан-наставник Николай Алексеевич Сорокин только с виду казался жестким и суровым – голос у него был командный, а сам он был маленьким, добрым и совершенно лысым; потому и форменную фуражку свою капитанскую предпочитал не снимать и в дождь, и в солнцепек. Он отправлял в очередной круиз Горький – Астрахань один из лучших теплоходов пароходства «Дмитрий Донской».

Капитан теплохода Иван Тихонович Горохов был его ровесником, да и односельчанами они были – оба из села Кадницы. Село это знаменито на всю Волгу: стояло оно на высокой зелёной горе, и про него поговаривали, что «здесь в каждом доме вырос капитан». Горохов в противовес Сорокину был мужчиной рослым, стройным, с выправкой завидно-показательной.

Хотя и были капитаны оба уже давно городскими жителями, помнили они свои корни и гордились своим происхождением. Они вдвоем стояли на капитанском мостике и дружески беседовали, встречей же гостей у трапа занимался старпом Свиридов Герман Григорьевич. С виду старпом был строен, подтянут и улыбчив.

Сорокин неслучайно приехал проводить теплоход в круиз, был у него личный интерес, даже не интерес, а задание для капитана Горохова: отправлялись этим рейсом до Астрахани два его двоюродных брата и племянник на рыбалку, на пару недель отдохнуть в заказник, точнее в заповедник, в волжскую дельту; и хотелось Сорокину, чтобы в пути о его родственниках кто-нибудь из экипажа позаботился особо.

– Иван, как я тебе уже говорил – это мои родные и близкие, очень близкие люди, а племянник Алик прямо как сын мне. Сделай для них всё. Сейчас они подъедут, и я тебя с ними познакомлю. Чтобы не трагиться, они купили билеты в третий класс, но ты, надеюсь, что-нибудь для них поприличнее подберешь! Они братья: Алексей Александрович – профессор из университета, биолог, а Александр Александрович – крупный инженер, на каком-то «ящике» засекреченном работает, а на каком, нам с тобой лучше и не знать.

– Коля, твои двоюродные братья уже на теплоходе, их боцман определил в мою капитанскую каюту и сейчас размещает – хватит им там

места, а я же не пользуюсь ею никогда. Есть у меня свой куток, к которому я привык, не буду тебе говорить какой, а то начнешь ещё, чего доброго, в свои должностные права вступать и ревизии проводить на ходу. А твой племянник Алик – я с ним уже познакомился. Не он ли на швартовочном кнехте там, на нижней палубе, сидит?

– Ага, это он! Так спасибо тебе за оперативность, за поддержку. Пойду я тогда к братьям, попрощаюсь, а потом к тебе снова поднимусь.

– Не ходи никуда – как только они обустроятся, их боцман мой Боря сюда приведет. Вон смотри, какая фифочка из белой «Волги» вышла, сюда к нам на борт поднимается. Да и сопровождающий-то у неё так себе, ничего выглядит. Старый только, по-моему, для неё. Дочка, может?

– Да, тут есть на что посмотреть. А знаешь – это ведь Мальвина Леонидовна, она действительно молода для этого старого хрыча, ей немного за тридцать, и она вдова генерала Бургомистрова. А с ней этот старый пенёк – брат генерала, и тоже вдовец, и тоже генерал, но в отставке, он в Астрахань, домой, едет. Рассказали мне про них, когда они круиз заказывали. У них каюта-люкс, должно быть?

– Да, второй люкс ихний. Теперь я знаю, о ком ты говоришь.

– Говорили, что она подумывала – не выйти ли ей замуж за второго брата, но присмотрелась и решила, что он действительно староват.

– И что же, что староват? Молодых, что ли, нет рядом для этого-то дела?

– Нет, не в том даже смысле, не в постельном, а в том, что как бы не пришлось потом всю оставшуюся жизнь за больным ухаживать. Знаешь, я недавно тут задумался, хотя, может, нам с тобой и далеко ещё до этого, что красиво стареть надо тоже уметь – не у всех это, красиво в смысле, получается. Даже больше скажу: красиво – это когда старик со старухой вместе стареют.

– Да, хороша! Интересная дамочка! Я думаю, что мой старпом Герман Григорьевич не пропустит её – он большой дамский угодник.

– А что, вообще он тебя устраивает, твой старпом? Я о нем разное слышал.

– Как тебе сказать! Он, этот Свиридов, сделан из стали и говна: на работе он точен, аккуратен, придирчив и требователен – и днем и ночью на посту. Ему по службе можно поручить всё что хочешь и не волноваться за исполнение, а вот в житейских вопросах, в быту, он полон подлостей, предательства и эгоизма, и я не знаю, как к нему относиться, если честно.

Мальвина Леонидовна в тот момент поднималась по трапу, и старпом как-то неловко, по-мальчишески востепенувшись, подался вперед, чтобы прислужить интересной дамочке.

Она была хороша: росту небольшого, фигурка точеная, высокая причёска, прикрытая зелёной шляпкой с вуалеткой, открывала маленькие ушки-ракушки, а при ходьбе живой моторчик, который у женщин внутри, так вращал упругую попку, что заглядывались на это дело не только взрослые мужики.

В тон зелёной шляпке фисташковое креплешинное платье, легкомысленно ласкающее её призывно возбуждающую фигурку, и миниатюрные босоножки цвета глубокой морской волны на каблучке...

Да, в общем, что тут говорить! А интересная заманчивая дамочка уже скрылась в недрах теплохода «Дмитрий Донской».

– Ты знаешь, Коля, – обратился капитан судна к капитану-наставнику, – вот который год наблюдаю: многие мои пассажиры-гости покупают билеты именно на «Дмитрия Донского». Ну что, нет других хоро-

ших теплоходов, что ли? Я ведь многих из наших пассажиров, которые пойдут сегодня с нами, уже знаю. Я бы на их месте, наоборот, каждый год на новом корабле ходил отдыхать для интереса или разнообразия, а они все равно – именно со мной и на последний летний рейс. Вон видишь – по набережной идут, к нам направляются три мужика с рюкзаками, четвертого что-то пока я не вижу. Они уже который год подряд со мной в конце августа этой компанией, вчетвером, ходят. Думаешь, что у них в рюкзаках? Тридцать бутылок водки! Три ящика водки на четверых! Они будут играть в преферанс все две недели и даже ни разу не выйдут в город – ни в Казани, ни в Куйбышеве, ни в Астрахани. Они две недели будут пить водку и играть в преферанс.

Первый раз я их заметил четыре года назад: за две недели только один из них в Казани сошел на берег: постоял, пошатался около трапа минут с десять и снова на борт. Так две недели в каюте и сидели – в карты играли и водку свою пили. А в прошлом году их не смогли выгнать в Астрахани с судна, даже когда мы пошли в затон на бункеровку. И последнюю бутылку водки они выпили, когда на траверсе показался Горький, прямо напротив трамплина, стоя на палубе, на корме и выпили. Такой отдых!

Поднялись на мостик братья двоюродные Николая Алексеевича, было им лет по сорок с небольшим, и видно было, что они братья, а вот кто из них старше, а кто младше – не поймешь, хотя видно, что не близнецы. Капитан-наставник представил их капитану Горохову и племянника своего Алика тоже представил.

– Иван, надеюсь, что моя родня не доставит тебе много хлопот. А про Алика отдельно: покажи ему, что такое фарватер и как по створам ходить, и вообще – дай штурвал в руки, чтобы почувствовал корабль.

– Коля, по-моему, тебе уже пора! Что ты учишь меня? «Прощание славянки» сейчас заиграют, а ты ещё на мостике.

– Учю – так на то я и капитан-наставник. И пока я на судне, никто швартовы не отдаст. Мне ещё сегодня на Горьковское море ехать, на базу в Троцу – Ростислав Евгеньевич Алексеев там проводит первые испытания боевого экраноплана «Орленок», я там член комиссии. К «Ракетам» и «Метеорам» мы уже привыкли, а то, что он сейчас делает, это же просто чудеса: это – боевые корабли будущего. Ты ведь знаешь Алексеева?

– Да, конечно, я с ним ещё до войны пацаном под парусом ходил.

2

Алику было тринадцать лет, он перешел в седьмой класс, и кроме рыбалки у него было дополнительно такое количество увлечений или интересов, что лучше не тратить время на перечисление – его интересовало буквально всё. С первых минут, оказавшись на борту «Дмитрия Донского», Алик задружился с боцманом дядей Борей, который сунул ему в руки половинку батона хлеба сразу после отпального гудка теплохода и на недоуменный взгляд мальчика сказал:

– Иди на корму и покорми чаек. Бросай маленькими кусочками в воздух – они хватать на лету будут. Иди, покорми, – чайки с нами до конца, до самой Астрахани полетят.

Из рупора разносился старинный русский марш, теплоход с небольшим креном развернулся на плёсе Стрелки и пошёл вниз.

Не только два капитана и старпом обратили внимание на хорошенькую дамочку, оказавшуюся на борту «Дмитрия Донского», – мальчик

Алик тоже успел бросить взгляд на неё, и лёгкий интерес занозой застрял в памяти подростка.

Теперь он стоял на корме верхней капитанской палубы и бросал в воздух небольшие кусочки мякоти батона, чайки в драку, с криками, кувыряясь в воздухе, бросались за хлебом, хватали, взмывали в небо и снова, старательно ворочая крылья, догоняли судно и тянулись за ним.

— А дай мне кусочек, я тоже хочу попробовать, — произнес за спиной очень вкрадчиво и тихо высокий женский голос.

Алик повернулся и увидел её, ту самую дамочку, которую замечал ещё при посадке. Его как будто окатило жаром.

— Меня зовут Мальвина, а ты можешь звать Лина. А тебя?

— Я — Алик, — ответил Алик и покраснел почему-то, протянув батон дамочке. А ещё — ему почему-то захотелось убежать.

— Тебе сколько лет?

— Тринадцать, — ответил Алик и ещё глубже покраснел, хотя глубже уже было некуда.

— О-о, ты скоро уже станешь мужчиной, — улыбнулась дамочка, отщипнула какую-то крошку от батона и потрепала Алика по голове.

Алик был небольшого роста, но дамочка эта Мальвина была уж совсем миниатюрная, и потому издали они были похожи на ровесников. Он поднял голову и неожиданно увидел её глаза почти напротив: в них застыл почему-то испуг, губы улыбались, а в глазах испуг. Светло-зелёные испуганные глаза.

Поклонников у интересной дамочки оказалось на борту больше чем достаточно, и она сразу стала одним из центров внимания и притяжения с утра до вечера: молодые люди играли ей на гитаре и на фортепиано, собравшись в кают-компании, учили играть в карты, наперебой приглашали её на тур, участвуя в ежедневных вечерних танцах на палубе.

Как ни странно, но среди такого большого количества пассажиров были ровесники Алика, но не сдружился он почему-то ни с одним, не срослось что-то. Однако и без друзей было ему чем заняться.

Во-первых, машинное отделение с огромными металлическими валами, шатунами, штангами, грохотом, запахами горелого машинного масла, горячего металла и ощущением всего этого огромного подпалубного пространства, заполненного мощью работающих дизелей. Там всё надо было изучить и запомнить.

Во-вторых, капитанская рубка, тоже много интересного и важного. Как и по какому принципу выставляются красные и белые бакена? Как не свалиться с фарватера, когда идёшь по створам? Как учитывать парусность ветра и силу течения? Как разглядеть новые перекаты и оттели? В общем, вопросов много.

И если завтрак, обед и ужин по расписанию, как в пионерском лагере, и даже столы закреплены за всеми пассажирами постоянные, то на берегу — каждый себе хозяин. Хочешь — с экскурсией по городу, хочешь — в книжный магазин, а нравится, так в зоопарк иди. Каждый день — новый город: Казань, Ульяновск, Куйбышев, Саратов. На все экскурсии Алик с папкой и дядькой ходили втроём, а в Волгограде так ещё как повезло: в местном магазине «Охотник» были куплены для Алика настоящие рыбацкие японские сапоги с высокими голенищами и ремнями для крепления к поясу, тонкие, на рифлёной подошве, тридцать седьмого размера.

На борту каждый вечер музыка и танцы — тоже неплохо! А вот мас-совик, который в кают-компании по вечерам анекдоты и истории рассказывает, — чистый идиот. И те, кто его ходит слушать, — тоже идиоты,

потому что ничего смешного в его историях нет, а он смеётся — и все за ним смеются.

На танцы Алик не ходил, но всё же один раз попался. Пролезал он с внешней стороны переборки палубной, да и вылез на ту самую импровизированную танцплощадку, на которую не ходил. А тут — Мальвина, Лина в смысле, подхватила его, обняла крепко и шепчет, касаясь губами уха:

— Выручай, потанцуй со мной, а то этот старпом просто запреследовал меня, проходу не даёт.

Прижала она к себе Алика плотно и повела в центр танцующей палубы. Алик чуть не задохнулся.

— Лина, да отпусти ты немножко меня — я же задыхаюсь. И пахнет от тебя.

— А чем же пахнет? Женщиной, наверное, пахнет? От тебя мальчишечком, а от меня женщиной. От твоей мамы разве не так же пахнет?

— Нет — от мамы пахнет «Красной Москвой», а от тебя по-другому.

— Ах, в этом смысле? Так мои духи называются «Шанель», они французские. А «Красная Москва» твоей мамы, они тоже когда-то были французские, и до революции назывались они «Сады императрицы» — их для нашей русской царицы французский парфюмер Брокар придумал. А теперь ты что-нибудь мне рассказывай — ты же мой кавалер, а то я снова тебя к себе прижму. Тебе нравится эта музыка?

— Нравится, я её умею играть на пианино, хотя правильно надо её играть на саксофоне или кларнете. Это «Маленький цветок», её написал Беше, джазовый композитор. Маленький Цветок — такая кличка была у известного чикагского бандита, для которого написана эта песня.

— Да? Вот уж интересно! Не знала такого! Вообще интересный ты мальчик, хочешь, я тебя усыновлю?

— Ты что, с ума сошла? У меня ведь и мама есть.

— Да, глупость сморозила.

— Ты сама должна себе нарожать.

— Нет, у меня детей никогда не будет.

— Что это?

— Болею я немножко.

— Так когда вылечишься — родишь.

— Ну, если так только. Да ведь у меня сердце слабое — клапана плохо закрываются, и я могу в любой момент... того... остановится оно...

Музыка кончилась.

— Пойдём, я тебя до каюты провожу, чтобы старпом к тебе не приставал!

Ещё с полчаса они стояли у палубных перил на корме, любуясь красным закатом.

Что должно было случиться — случилось, и из песни слова не выкинешь. На другой день случилось.

Тогда Алик срочно решил проинспектировать спасательные шлюпки на борту. Он выяснил, что в них должно находиться, — оставалось проверить. Быстро съев в ресторане холодный свекольник и смолотив рис с жареной соевятиной, которые были на обед, Алик сунул в карман кусок хлеба и помчался на палубу.

Шлюпка была задраена брезентом, и как её открыть, было непонятно. Мало того, брезентовый чехол, затянутый талрепами, крепился к палубным специальным крючьям. Алик сумел пробраться под чехол, но разглядеть там в полумраке ничего мог, пока не нашел зазор, создаваемый двумя его крыльями. Он раздвинул их с трудом, так, что образовался небольшой

вертикальный просвет, – радостная и одновременно удивленная, на него смотрела Лина с капитанской палубы, чуть наклоняясь вперед и вниз.

Она ритмично покачивалась взад-вперед, а, увидев, а может, даже угадав, что там, из-за брезента выглядывает Алик, вдруг сильно и смешно выпучила глаза и медленно свела их в кучу, став косой, а потом высунула язык, как бы дразнясь, и достала им до носа. Это длилось где-то с минуту, и Алик ничего не понимал. Потом Лина начала постанывать, причём так же ритмично, в такт своим покачиваниям. Только тогда сквозь свою щёлку разглядел он, что сзади Лины стоял старпом Свиридов – это он и раскачивал интересную дамочку Мальвину.

Вдруг Лина, глядя прямо на Алика, прикусила язык, закрыла глаза и помотала головой из стороны в сторону. Алик понял этот сигнал как просьбу молчать, хотя он и так замер от неожиданного вида занятой своим делом пары в пяти метрах от него. Но он всё же отпустил створки брезента, образующие щель, и бросился в каюту.

Алик понял всё. И если с бабочками, курами и собаками ему было понятно, как и что, и видел он не раз и такие, и другие соития, то тут...

Позднее, к вечеру, у Алика поднялась температура до тридцати восьми, и по всему телу пошли красные шелушащиеся пятна. И папа Алика, и его дядя Лёша заволновались и вдвоём отправились к капитану. Тот, несмотря на поздний час, стоял в рубке. Выслушав гостей и совсем не смутившись, он поковырял пальцем в ухе и сказал:

– Найдите боцмана Борю и скажите ему. Он пришлёт к вам профессора Мурашко – не помню, в какой он каюте, и Мурашко всё решит. Кроме того что он профессор, он ещё и хороший детский врач. А пока не волнуйтесь. Знаете, чем удобны такие круизы? Тем, что всегда на борту есть три-четыре хороших врача. Надо только с самого начала их определить и зафиксировать. На всякий случай!

Всё оказалось проще простого.

– Это крапивница, – объявил детский врач Мурашко, – пусть завтра съест арбуз, из каюты никуда не выходит, послезавтра он будет здоров. Кто же тебя так напугал, мой юный друг?

Утром пришла Лина и принесла большую грушу.

– Прости меня, Алик. Это я так тебя напугала? Я исправлюсь, вот увидишь.

3

Мумра – посёлок в дельте Волги, значительно ниже Астрахани, почти на море. Тут гостей уже ждали. Реки Волги как таковой в дельте нет: она распалась на старицы, рукава, ерики, а самая большая протока, по которой суда шли в море, называлась даже не Волгой, а Бахтемиром.

Директор заповедника когда-то защищал кандидатскую диссертацию у Алексея Александровича, дядьки Алика, потому с радостью встретил в Астрахани своего бывшего научного руководителя с друзьями и на своем директорском канадском катере с восьмидесятисильным подвесным мотором доставил их до поселка. Там он устроил их на постой и дал своим подчиненным указания: во всем ублажать рыбаков и помогать им.

Посёлок был маленький, серый, пыльный, запущенный, и только вдоль берега под огромными раскидистыми ивами стояли несколько лодок да, к мосткам притороченные, болтались большие деревянные ящики рыбных садков. Сомы на куканах возились под мостками отдельно каждый.

Первый день полностью ушел на инструкции и подготовку. Выяснили, что и где ловить, как спастись от комаров и чего опасаться на воде. Лодка с небольшим моторчиком была гостям выделена сразу же, и уже на второй день поехали со спиннингами ловить жерехов в промысловой яме, что была напротив песчаного островка в километре от посёлка.

Течение было сильным, и на поверхности воды не было видно всплесков от гуляющей крупной рыбы, лишь в осоке и камышах, что высились вдоль протоки, было видно редкое оживление, но это окуни гуляли.

То, что произошло в следующий час, запомнил Алик навсегда, да и его отец и дядька тоже: каждый третий заброс блесны был с уловом! Жереха были мерные: от двух до трёх килограммов. Вскоре за спинами рыбаков на песке лежало пятьдесят дохлых рыбин – центнер рыбы, которую ни продать, ни заготовить, ни скормить кому-либо. В Мумре даже свиньи рыбу не едят!

Шашлыки из севрюги – она попостнее, пельмени из белуги, икра чёрная – осетровая – каждый день на столе!

Хотя дохлой рыбой в дельте Волги трудно кого-то удивить. Уже возвращаясь в поселок после рыбалки, увидели заезжие гости двух больших осетров со вспоротыми животами, сносимых вниз течением, – икру местные браконьеры из брюха выпотрошили в ведра, а туши рыбы выкинули.

Решено было составить программу на две недели, чтобы был чёткий план мероприятий на весь отпуск, а назад – на том же «Дмитрии Донском», только следующим его рейсом.

Три дня потратили на поиск и ловлю сазанов. После повсеместного замора этой царской рыбы, стал золотой сазан редкостью даже в астраханском заповеднике. Нашли – поймали три штуки.

Сома, ловля которого была включена в обязательную программу, Алик тоже поймал немаленького – на восемь килограммов.

Ездили на поля лотоса, чтобы полюбоваться древнейшим символом красоты и мудрости, понюхать его и немножко поднабраться ума. Из созревших коробочек отцветших лилий выковыривали орешки величиной с лесной фундук – они были съедобны и специфического вкуса. Алик научился и орехи чилима есть, который рос здесь просто в изобилии.

Умопомрачительной была экскурсия на рыболовецкую тоню «Огневая-10», которую сотрудники научно-исследовательской лаборатории, расположенной на кордоне, регулярно навещали со своими научными целями, а тут для знакомства захватили и наших рыбаков. Повезло: перед самым приездом гостей была неводом поймана белуга на триста пятьдесят килограммов – она лежала на берегу. Голая, жирная, круглая, как бочка! Никаких шипов ни сверху, ни по бокам – прямо как большая-пребольшая свинья-свиноматка. Алик сел на неё верхом – его ноги не достали до земли, такой толстой она была. Хотя и потеря от этой экскурсии случилась: длинная и вся колючая севрюга килограммов на пять, которую Алик держал рукой за длинный шершавый нос, фотографируя, махнула хвостом и распорол новый тонкий японский сапог своими бритвенными шипами, которые торчали у неё не только на спине, но и по бокам брюха. Обидно!

Возвращались назад на ставшем родным «Дмитрии Донском» – две недели пролетели, билеты были забронированы заранее, и Горохов

Иван Тихонович, капитан теплохода, ждал их. Он снова предоставил рыбакам свою каюту.

— Сразу говорю: икру, осетрину и воблу без моего ведома не покупать, — строго выговаривал капитан гостям, — придет мой человек, и мы с вами сделаем заказ. У меня тут всё проверено и схвачено. Арбузы и дыни возмём в Ахтубе. Там у нас зелёная стоянка будет — надо же людям покупаться и на песочке поваляться. Туда и привезут местные колхозники нам арбузы прямо с бахчей, и всё самого лучшего качества.

Инженер и профессор только губы поджали.

— Дорогой Иван Тихонович, нас икрой и балыками так затарили в Мумре этой, в заповеднике, что мы не знаем, как до дому все подарки ихние дотащить.

— Понял. Больше этого вопроса не касаемся. Насчет арбузов — я всё доходчиво объяснил? Даже больше скажу: дадите мне заявку, кому и сколько арбузов, они все на бахчах Ахтубы одного веса — от двенадцати до пятнадцати килограммов. Таскать ничего не придётся — адрес мне запишите, и мой матрос всё вам сам подвезёт прямо домой.

— Это просто чудесно. По паре арбузов да паре дынь нам хватит. И хотелось бы ещё по паре килограммов воблы астраханской.

— Всё будет. Воблу сейчас привезут. Так что идите в каюту и отдыхайте.

Старшие улеглись в каюте, вытянув ноги, и сразу уснули. Алик же пошел проведать своего друга и наставника боцмана, дядю Борю. Тот был на месте и обнял своего старого знакомого. Договорились поговорить обо всем, что нового узнал и увидел необычного в астраханском заповеднике Алик, встретившись после отхода в рейс.

Теплоход был полупустой — все туристы гуляли в городе, закупали местные деликатесные рыбопродукты, арбузы, дыни, помидоры — как-никак конец августа. Пробежит какой-нибудь с парой дынь-торпед под мышками по трапу, а через минуту уже назад, вниз, снова в город, за новой добычей. Внизу, в третьем классе, в горячем железном чреве теплохода, куда Алик тоже успел заскочить, все коридоры и всё кормовое пространство уже завалены арбузами, и только хозяева сумеют тут разобраться, где чьё. Правда, некоторые фрукты были подписаны: кто-то по зелёной корке чем-то острым, может, гвоздём, буквы или цифры процарапывал.

Алик, облокотившись на перила, стоял на второй палубе, поглядывая на пустынную раскаленную набережную, когда почти к самым довольно шатким сходням дебаркадера, а трапом это устройство нельзя было бы назвать, подкатила черная «волга» с армейскими номерами. Водитель в форме с лычками старшины выскочил и поспешил, открыв переднюю дверь, помочь выйти даме. Потом, достав из багажника два объемистых саквояжа, перетянутых ремнями, подошел к ней и остановился рядом в ожидании. Дама медлила, будто была в чём-то не очень уверена, будто ждала кого-то.

Алик узнал её: это была та самая интересная дамочка Мальвина Леонидовна, или Лина. Он хотел броситься, чтобы поздороваться, чтобы помочь, но не успел — по сходням уже торопился, уже почти бежал к прибывшей гостье старпом Свиридов, весь такой элегантный и в то же время по-мальчишески услужливый. «Ну и чёрт с ними», — подумал Алик и плюнул сквозь зубы, красиво, как он это умел, длинной струйкой слюны за борт.

Что-то кардинально поменялось в Мальвине Леонидовне, появилось в ней что-то непраздничное — это было заметно Алику даже на рассто-

янии. Хотя одета она была снова изящно, модно и безупречно: черная шляпка с белой каёмкой, черная с крупным белым горохом гипюровая блузка с укороченными рукавами и черная плиссированная юбка также с белой широкой нижней подшивкой. Несмотря на жаркую погоду, на даме были черные колготки с черными лакированными туфельками на коротком каблучке с белым ремешком. Набрасывает всегда, даже на хорошеньких женщин, некую печаль или траур такой наряд.

В первый день ни в ресторане, ни на палубе интересную дамочку Алик не разглядел. А интерес-то, любопытство изнутри молча свербе-ли. Боцман дядя Боря поделился с Аликом: в Астрахани Мальвина Леонидовна десять дней пролежала в больнице с тяжелейшим сердечным приступом, а может, с гипертоническим кризом. Подробностей никто не знает, ушла она из больницы самостоятельно, на свой страх и риск, без разрешения врачей, чтобы побыстрее уехать домой.

На второй день дама выходила только на завтрак: выпила чашку кофе и потрепала Алика по плечу, печально улыбнувшись.

— Ну, мы с тобой ещё поболтаем, — тихо произнесла она.

— Хорошо, поболтаем, — так же тихо ответил Алик.

Несмотря на то что каюты Алика и интересной дамочки располагались совсем рядом, почти напротив, его уже не так волновало существование Мальвины Леонидовны: повезло, на борту случился мальчик Кирилл, ровесник Алика, и надо было теперь ему подробно показать и всё устройство теплохода, и объяснить принципы прохождения судна по реке. А потом, в этот раз проходили волгоградские шлюзы на подъём — это тоже интересно.

Хотя Алик по три раза на дню интересовался у дяди Бори, который постоянно шастал к интересной дамочке, её состоянием, и спрашивал разрешения посетить Лину, боцман дядя Боря сурово отнекивался:

— Алик, Мальвину Леонидовну пока что в каюте навещать нельзя. Выйдет она на палубу — поболтаете. Женщины не любят, когда их видят больными. Женщина для желанного мужчины должна быть всегда здоровой и красивой или, по крайней мере, выглядеть таковой. А вот если больная женщина приглашает мужчину себя, больную, навестить, она либо кокетничает, либо хитрит, преследуя свои цели. Я ей уже говорил про тебя. Успокойся — она тебя позовёт не сегодня, так завтра.

— А как же ты?

— А я для неё — не мужчина. Я слуга и помощник!

— А старпом тоже к ней заходил — я видел.

— Старпом — тоже слуга.

Потом два дня Алик не видел Лину в ресторане.

И тогда он решился — гуляя по палубе, Алик подошёл к окошку каюты, полузакрытому деревянными жалюзи, прислушался и, поняв, что больная дамочка не спит, после приветственных пары слов решительно и даже настойчиво пригласил её покормить чаек. Удивительно, но она согласилась:

— Буду через двадцать минут. Иди, попроси у боцмана Бори кусочек хлеба.

Стояли на кормовой палубе. Вечерние чайки, уставшие за день, сидели на поручнях фальшборта, дремали и неохотно уже срывались за брошенным кусочком батона. Красное солнце сулило на завтра ветреную погоду. Алик притащил из вестибюля большое и удобное соломенное плетёное кресло для своей дамы. Она уселась и, как-то ужавшись, сказала:

– Садись рядом, пока ещё нам с тобой вдвоём хватит места в этом уютном кресле.

Алик уселся, и Лина обняла его за плечи. Кожа у неё на руках была тонкая-претонкая и прозрачная, даже все голубенькие жилки пульсирующие были видны. А ладонь Алика, которую Лина накрыла своей, была и больше и загорелой.

– Зря я согласилась на этот тур до Астрахани и назад. Только хуже всё получилось. Лечиться надо было! А для кого лечиться, скажи мне? Если нет никого на свете, кому я нужна даже здоровая. У меня же никого-никого нет!

– Почему? Неправильно это: если ты здоровая будешь – детишек нарожаешь или открытие какое-нибудь сделаешь, а вот больная... Тут твоя правда.

– Так, значит, ты думаешь, что сначала надо вылечиться, а потом придумать – кому я нужна?

– Конечно!

Прошли уже Казань.

Ночью Алик проснулся от тишины. Дизеля были застопорены. Слышался только редкий плеск воды о борт, легкое противное постукивание чего-то металлического о корпус и неразборчиво два мужских голоса. Алик прислушался, но ничего не понял, хотя что-то тревожное ему почудилось в этих тихих голосах и в самой тишине. Он открыл дверь и в трусах босиком на цыпочках вышел в коридор. В полумраке коридор вытянулся кишкой, и чуть моргали лампочки полусонного дежурного света. На дебаркадере освещение было поярче, и Алик разглядел вывеску – Космодемьянск.

– Капитан приказал освободить одну холодильную камеру для неё, в такую жару оставлять её в каюте нельзя, – услышал он откуда-то из трюма голос боцмана.

– Слово какое противное – «труп», – это уже старпом.

– Так другое слово придумайте, Герман Григорьевич.

– Я бы вообще безо всяких слов оставил бы её тут, в Космодемьянске, и все дела.

– Так капитан тоже так хотел, а местные сказали – везите к себе домой. Мол, медицинское заключение есть, милицееское есть, и все дела. Надо же – чуть-чуть недотянула до дома.

– Ты, дядя Боря, не откладывая в долгий ящик, прямо сейчас собери все её шмотки в те два больших баула и спусти тоже в трюм. Если что – отнекиваться будем, говорить будем всем, что в Космодемьянске сошла.

Утром снова светило солнце, играла весь день музыка. Никто вроде бы даже и не заметил потери одного пассажира.

А ещё через сутки пришли домой. Снова играла музыка. Целовались, прощаясь с новыми знакомыми, целовались с родными, встречающимися, заполнившими причальную площадку. Матросы с раздутыми мышцами в разноцветных майках и одинаковых пепельно-застиранных штанах таскали на берег мешками и авоськами арбузы и дыни – их тоже встречали. Алик с отцом и дядькой спустились по трапу на берег.

И только в трюме, в холодильной камере, лежала и никого не интересовала интересная дамочка.

Роман РЕДИСОВ

Родился во Владимире в 1975 году. Окончил Санкт-Петербургский государственный университет по специальности «географ-океанолог». Кандидат географических наук. Работает в Арктическом и Антарктическом научно-исследовательском институте. Публиковался в журнале «Нева», сетевом издании «Топос». Живет в Санкт-Петербурге

ПРОШЛОЙ НОЧЬЮ

– Алё... Слушаю вас...

– Почему ты мне никогда не звонишь?

– Что?..

– Почему ты никогда не звонишь?

– Но... у меня нет твоего номера...

– Посмотри – он высветился у тебя на дисплее...

– Точно...

– Позвони мне...

Вселенная волею Создателя или же согласно физическим законам мироздания занимала отведённое ей пространство, и пространство это было бескрайним. Часть её с характерным набором небесных тел, для простоты именуемых звёздами, привычно созерцалась сквозь прозрачную атмосферу с поверхности планета Земля. Различные по яркости светила составляли разнообразные по форме и численности скопления, устилающая собою весь небосвод. Но в этот раз небо вдобавок ко всему бушевало грандиозными зелёными всполохами, вызванными некими магнитными возмущениями и известными как «северное сияние». Явление это, обычно наблюдаемое в полярных районах в ясную морозную ночь, случалось здесь регулярно. Белые, зелёные, а иногда и фиолетовые «небесные пожары» вспыхивали и гасли десятки раз за ночь, что мало кого удивляло, хотя бы потому, что здесь вообще было немного разумных существ. К тому же и ночи здесь длились по несколько месяцев.

Простиравшаяся внизу бело-серая пустыня, отражавшая своей снежно-ледяной бугристой поверхностью буйное цветение небосвода, на первый взгляд казалась незыблемой и застывшей. На деле же

даже при полном безветрии пребывала она в постоянном движении и непрестанной трансформации. И оглядев её с достаточной высоты, можно было увидеть, как крупные и мелкие льдины, слагавшие этот псевдомонотонный ландшафт, где-то сходятся, налезая друг на друга, крошась и образуя подобные швам гряды торосов, а где-то расходятся, открывая через трещины и разводя чёрные участки несущей их океанской бездны.

Здесь была Арктика, полная пустоты, безразличия и тайны.

Продолжая созерцать в процессе ночного полета десятки обширных ледовых полей, сотни крупных льдин и тысячи льдин поменьше, каково было бы вдруг обнаружить, что на одной из них, вовлеченной среди прочих в эту сложную северно-ледовитую круговорот, навстречу звёздам испускают нездешний электрический свет фонари научной дрейфующей станции? Но ведь так всё и было! Около полутора десятков жилых и служебных строений, слагавших лагерь русской полярной станции «Северный полюс-42», возвышались посреди снежных застругов и ледяных хребтов, на год привнеся в этот край новые формы, краски и звуки. Домик, снабжённый флажштоком с государственным флагом, совмещал в себе функции камбуза и кают-компания, оправдывая таким образом наиболее крупные размеры и центральное положение в лагере. Вход в кают-компанию освещал самый мощный стационарный фонарь, а из окон её лился яркий многообещающий свет. Внутри сидели лохматые и большей частью бородатые мужики. Ели, пили, звенели посудой да почёсывали языки. Был ужин, и за столом находился почти весь стационарный состав. До полного комплекта не хватало только дежурного механика да вечно опаздывающего гидрохимика. Из-за постоянных опозданий к приему пищи двадцатитрехлетнего гидрохимика Галкина на станции звали Герман (в миру его имя было Андрей). «Уж полночь близится...» — традиционно начиналось обсуждение его отсутствия за обеденным столом. Вот и теперь ужин уверенно клонился к чаепитию, когда за дверью послышался громкий топот отряхиваемых унтов. Через секунду-другую дверь распахнулась — на красном с мороза, поросшем щетиной широком лице возникшего в дверном проеме детины значилась довольная ухмылка. Он обвел жизнерадостным взглядом сидевших за столом бывалых полярников и, отдавшись клокотавшему в груди радостному возбуждению, не то спросил, не то констатировал:

— Жрёте, мать вашу!

Один из сидевших за столом сухой мужичок с острой татарской бородкой резко выпрямил спину, выгнул бровь и, метнув из глаз пару молний в направлении Германа, уже успел открыть рот, чтоб сказать пару ласковых, как рядом с ним вдруг кто-то хмыкнул, напротив, переглянувшись, приснули ещё два бородача, и вот уже вся трапезная комната огласилась заразительным хохотом.

Дежуривший по лагерю механик Володя Меньжуев сидел в дизельной и наблюдал сквозь окно за первыми признаками зачинающейся пурги — по улице всюю мел поземок. Бродить по лагерю в такую погоду совсем не хотелось. Здесь же, в тепле, из окон открывался неплохой вид на кают-компанию, домик радио-метео, палатку океанологов, стоящий на постаменте деревянный туалет и домик начальника; на дальнем плане сквозь снежную пелену виднелось еще несколько палаток и эстакад с бочками.

Дверь сортира отворилась, и красная лампа над ним, оповещавшая всех о присутствии внутри посетителя, погасла. Меньжуев видел, как покинувший туалет начальник станции Валентин Кабалёв спустился по ступенькам с постаментов, совершил несколько бодрых шагов в направлении своего домика, затем пару-тройку шагов не столь бодрых, потом остановился, развернулся и опять в бодром темпе проделал тот же путь в обратном направлении, вновь оказавшись за дверью уборной.

Механик Меньжуев, потратив несколько секунд на осмысление ситуации, встал, надел шапку и куртку и вышел из дизельной. Но через несколько секунд вернулся, снял со стены карабин и вышел опять.

Одна пара рук окунала грязную тарелку поочередно в один за другим три таза с различной по температуре и мутности жидкостью, рожденной растопленным снегом с добавлением горчичного порошка. А вторая пара рук принимала у первой уже вымытую таким образом тарелку и обтирала ее большим полотенцем. Первая пара рук служила бывалому полярнику океанологу Лёхе. Сегодня он нес дежурство по камбузу. Помогал припозднившийся Герман.

— Ну, ты, старик, молодец!.. Как, ты сказал там? Что, етит вашу, жрёте?! — зашелся в гомерическом уханье Лёха, едва не выронив только что вымытую тарелку.

— Да ладно, — подхватывая посуду улыбался смущенно Герман. — Ты понимаешь, я пробы свежие посмотрел — глазам не поверил, таких вод здесь быть просто не может. А если может, тогда я не знаю... Написал академику Кузьмину. Чуть ужин в итоге не проморгал. Захожу — все сидят, уплетают, и никому никакого дела, что там, может быть... В общем, как-то вырвалось само. Ну ты ж не в обиде?

— О-хо-хо, я-то нет, но смотрю — начальник как будто подавился. А Катараев так взвился уже... Хорошо Петрович заржал, и другие потом... Так что Петровичу спасибо скажи. А то бы Юра... у него и так, похоже, зуб на тебя.

В камбузном отсеке зазвонил телефон внутрисканционной связи.

— Ответь, — попросил Лёха, и Герман пошел снимать трубку.

— Галкин слушает, — отпартовал он. — Да, Валерий Петрович. Ого! Понял. Хорошо. Да, он здесь. Передам.

— Ну что там? — Лёха сразу отметил появившуюся после звонка серьезность на детском лице гидрохимика. — Льдина треснула где-то?

— Медведь на станции.

— Где конкретно? — подобрался Лёха.

— Был у туалета, сейчас у продуктового склада вроде бы. Петрович сказал — никуда не выходить.

— А в дизельной в курсе?

— Да, Меньжуев его и увидел.

— Тогда ладно. Ты чего так напрягся? — усмехнулся Лёха, оглядев все еще пребывающего в некотором оцепенении Германа. — Медведей, что ли, не видел?

— С борта видел. А так — нет, — признался тот. — А что же Рыжий? Черныш? Хоть бы гавкнули, что ль...

— Зассали, видать. Но вообще это дело такое, — снова посерьезнел Лёха. — Я бы с ним не шутил. Хозяин Арктики. Мы у него здесь в гости. Убивать нельзя — в Красной книге, гемора потом не оберешься, до семи годков могут дать. А тут уж как карта ляжет, — заключил философски он, всматриваясь сквозь окно в привычный узор теней.

Серьезная вдумчивая тишина растеклась по кают-компании в почтительном ожидании звука. И тут за окном грянул выстрел.

– Ну, где он? – сквозь одышку спросил подбежавший Петрович.

Меньжуев молча ткнул дулом карабина в направлении стоящей метрах в пятидесяти продуктовой палатки. Медвежья морда смотрела на них прямо из свежепродранной прорехи с выражением явного неудовольствия появлением здесь двуногих в этот самый момент.

– Не боится, гад, – с обидой поделился Меньжуев.

– А где начальник?

– Там все ещё, – кивнул вправо Меньжуев в направлении сортира.

Дверь туалета слегка приоткрылась, явив голову начальника станции.

– Давай, Петрович, гони его на хрен, – приглушенно приказал Кабалёв. – Попортит же всё...

Дверь туалета опять затворилась, не сумев тем не менее заглушить характерные звуки.

– Скрутило, – с сочувствием вполголоса заметил Петрович. – Бывает.

Меньжуев криво улыбнулся.

– Давай-ка, – продолжил Петрович, – заводи-ка «Буран». Погоним «Бураном» его.

– Да что ты, погоним! – отмахнулся Меньжуев. – Не видишь – не боится он ничего. Мочить его надо...

– Сказано – заводи, значит заводи, – так же спокойно повторил Петрович. – Ты слышал, что начальник сказал?

– Не поеду я, Петрович, – твердо ответил механик. – Порвет же. Видишь – по хрену ему всё.

– Послушай, Володька, – взялся за карабин Петрович и, резко рванув на себя, вырвал его из рук Меньжуева. – Я как зам начальника приказываю тебе: иди – заводи «Буран». Вместе поедem, ты не боись.

– Не боись, – с горькой иронией повторил Меньжуев.

– Иди и не трюнди. И давай только быстро.

Меньжуев, часто оглядываясь и тихо ругаясь, посеменил к стоявшему у дизельной снегоходу. Медведь, чуя тревогу, вылез целиком из палатки и шагнул в направлении застывшего на месте Петровича. Петрович щелкнул затвором. Сортир отозвался тревожной дробью. Ветер беспечно присвистнул.

Послышался шум мотора, и вдруг опять грянул выстрел.

– Вон он, – показал Лёха в окно и рванул прямо без куртки на улицу.

Следом выбежал Герман. Медведь, развернувшись к полярникам задом, большими скачками удалялся от лагеря. Из-за угла показался «Буран» и устремился в погоню. За рулем был Меньжуев, он что-то пел (а скорее орал) про нелёгкую жизнь комбайнёров. Позади него, левой рукой ухватившись за сиденье, а правой за карабин, восседал Петрович. Воинственно рыча, снегоход нес их прочь, в снежную мглу.

– Отогнать его подальше хотят, – пояснил увиденное молодому коллеге Алексей, когда «Буран» скрылся из видимости. – Давай, завари-ка чайку...

– Вот так вот, Герман. Вот так, – усталым тоном наставника, преподавшего только что наглядный урок, приговаривал Алексей, в ожидании чая выискивая в вазочке среди цветного разнообразия любимые конфеты «Весёлый мишка». – А ты вот думал, скажи, – наконец обнаружил он «мишку с орехом», – думал ли ты, – повеселев-

шим голосом повторил он, – почему Кобылин у нас хмурый такой всегда ходит?

– Не знаю, – пожал плечами Герман. – Характер такой. Все ведь разные же.

– Ах, так ты ж его до зимовки не знал! – махнул Лёха рукой. – Видел бы ты, какой весёлый мужик раньше был. Заводила! Всё время с шутками-прибаутками, анекдотами, подкалывал всех...

– Да ладно, – с сомнением посмотрел на старшего товарища Герман, – Кобылин – с прибаутками? Дима?

Угрюмый нелюдимый ледоисследователь Кобылин, который даже на приветствие в лучшем случае молча кивал, а чаще, погруженный в глубокие думы, вообще не удостоивал ответом, встал перед мысленным взором Германа:

– Да из него же и слова не вытянешь...

– Так то сейчас. А раньше, знаешь, какой был балагур? Весельчак, каких мало!.. Полгода назад ещё, – Лёха вдруг нахмурился и вместе с дымящейся кружкой отвернулся к окну. – Немногие знают... Он мало кому и рассказывал.

– Лично я – никому, будь уверен, клянусь, – поспешил заверить товарища обомлевший Галкин.

– Ладно, не подведи уж, – метнул строгий оценивающий взгляд в направлении взволнованного Германа Лёха и, видно, удовлетворившись увиденным, бесстрастным голосом продолжил:

– Весной этой Дима был в экспедиции. В Карском море на атомном ледоколе «Ямал». «Росойл» заказала исследования льда в районе своей будущей добычи, и ребята целый месяц ползали по нему, бурили, давили, выпиливали всё, что для этих исследований нужно. Их было там 26 человек поначалу. Дима в той экспедиции давил образцы, изучал прочность льда. А друг его, старый товарищ со школьной, можно сказать, скамьи Серёга Сундуков бурил горячей водой лед в торосах, изучая их толщину и структуру. Да. Так вот. Утром выходят мужики с ледокола на лед, вечером – обратно, весь день на льду. Брали с собой пожрать немного и термосы с чаем. Термосы наполняли на камбузе ледокола. Вот Дима с Серёгой как раз эти термосы на всех оттуда с утра забирали, а вечером пустые обратно приносили. Дело нехитрое, в общем-то. Работалось ребятам нормально, сильных морозов не было. Все бы хорошо, но в мае в Карском море медведей полно. Поэтому, пока на льду работы идут, штурмана на мостике за медведями наблюдают. Медвежью вахту несут. И если что – дают три гудка, чтоб народ понимал – пора сваливать на борт. А кроме гудка, против мишек и не было ничего. Были цветные ракеты, конечно, знаешь такие?.. У нас их полно... Ну а что с них ему? Как слону дробина, только интерес будят. Их и не брал на лед никто – бесполезно потому что. Оружие на борт атомного ледокола брать нельзя. Вообще никакого. Раньше у капитана всегда пистолет был. Теперь и его запретили.. Работали месяц, и где-то из них дней пятнадцать, наверное, приходили медведи. Любопытные твари. Несколько раз ошивались вдали. Несколько раз приходили до или после работы, когда на льду людей не было. А раза три приходилось спасаться: пароход гудит, народ оставляет на льду всё оборудование и ломится на борт, ждёт пока медведь подальше не сдристнет. Медведи обычно боялись – тифон громко гудит. Ну а пару раз прозевали. Поздно заметили на мосту. Понятно, пока стоит ледокол – что на мосту делать-то?.. вокруг лед да снег,

только учёные что-то там ковыряют, смотреть на одно и то же целый день скучно. Ну и, сам понимаешь, чайку погонять, потрындеть, байки потравить... А тут вдруг раз! И вроде бы только что не было поблизости никого... У медведя ж прыжки по семь метров. От него хрен уйдешь... Когда увидели, загудели, он – раз-раз и у трапа уже. А народ на торосе отрезан! Ну, загудели, конечно, на полную. Напугали его. Хорошо, он от трапа к торосу не дернул, в другую сторону поскакал – народ успел на борт забраться. А в другой раз, когда проморгали, не повезло. Торос был высокий, он и скрылся за ним. Да и видимость хреноватая, туман напал... Серёга Сундуков как бурильщик оказался всех ближе. Он-то увидел, когда медведь метрах в двадцати уже был. А до ледокола бежать метров двести. Бесполезно – догонит тебя как два пальца. Серёга крикнул, чтоб народ предупредить. Успел достать из штанов фальшфейер, рванул за верёвку, зажёл. Над головою поднял его, заорал: ««Зенит» – чемпион!» (болельщик был тот ещё – на работу всегда в зенитовском шарфе выходил). Тут и на мосту, конечно, заметили, загудели... Но медведь уже в режиме охоты был. А если он начал охоту – его уже ничем не собьёшь. Несколькими прыжками, и на глазах коллег и товарищей...

– Так что же все – просто стояли?..

– «Стояли»... так быстро же всё: лапой в голову раз – и привет. Дима неподалеку был, а что сделаешь? Схватил пешню, кинул... Да там труп уже был – секундное дело. Да и пешня не долетела. Люди видят: медведь тело зубами схватил, оттащил чуть подальше в торос и там треплет... Дима, а с ним ещё два смельчака подобрались поближе – нужно же тело хотя бы отбить. Один с пешней, другой с бензопилой, Дима с лопатой. Шумят, наступают. Медведь на время Серёгу бросил, повернулся к ним. Те смотрят: на месте живота у Серёги – здоровая красная дырка, и ляжки одной уже нет... Медведь повернулся-то к ним и ка-а-ак встанет на задние лапы!.. «Ладно, – кричат мужики, – доедай, хрен с тобой!.. Чтобы ты подавился, скотина». Отступили... Вдруг видят: к ним от парохода бежит человек в чёрных брюках и белой рубашке. А с трапа тётка, буфетчица, орёт ему вслед: «Стас! Стас! Ты куда?..» По снегу бежит в обычных ботинках, ноги вязнут, падает, снова встаёт... А в руках – не то ракетница, не то пистолет. Бежит, матерится. Глядят: так это же капитан! Поравнялся с мужиками, красный как рак, прицелился в медведя и выстрелил. Настоящий боевой пистолет оказался! Хотя и нельзя официально, а все равно нужен ведь – вдруг бунт или там паникера прижучить... Выстрелил он – не попал. И опять побежал. Дальше к медведю! Бежит, орет, руку с пистолетом вперёд выставил и палит на бегу. Попал, не попал – не известно, но медведь только вдруг пересрался, бросил Серёгу (хотя там мало уж что на него похожего осталось) и давай удирать. А капитан всё равно – так за ним и бежит!.. Остановился, когда только пули закончились... Мужики Серёгины останки в волокушу сложили и на пароход отвезли. В тот же вечер вызвали с Диксона вертолёт, чтобы тело к родным в Питер доставить, а пока положили его в рефрижератор на камбузе. А на Диксоне задуло. Погода нелётная. Так и лежит в холодильнике день, второй, третий... А работать же надо. Дима теперь один по утрам на камбуз за термосами приходит, а там за дверью Серёга... Смотрю, говорит, на рефкамеру каждое утро и думаю: «Ну как ты там, друг?» Вот так. На пятый день прилетел вертолёт, вывез Серёгу. Ну а Дима с тех пор... ну сам видишь.

Дверь отворилась, и в кают-компанию вошёл Петрович.

– Да-а, – протянул впечатлённый Галкин. – А Сундуков, он тоже у нас в институте... работал?

Алексей промолчал. Герман, увидев Петровича, сразу осёкся. Тот сел за стол, усмехнулся и покачал головой.

– Прогнали медведя, Петрович? – обратился к вошедшему Алексей.

– Прогнали, – махнул рукой тот. – А тебе вот не стыдно, Борисыч? Опять про Кобылина звездунца заправлял?..

– А у тебя вот, Петрович, язык прямо чешется это... покровы срывать! – осканился в улыбке Лёха.

– Ладно, Андрюха, – обратился Петрович к ошарашенному Герману. – Зато теперь знаешь: Борисыч – свистун еще тот. И не было никогда полярника Сундукова. Уж я б его знал.

Меньжуев опять сидел в дизельной. Его четырехчасовая вахта едва перешла свой экватор, а уж столько, казалось, вместила. Он сжимал обеими руками кружку с горячим кипятком, стремительно вбиравшим в себя содержимое чайного пакетика, и думал над тем, что вот как ни крути, а жизнь-то для подвига всегда найдет место...

В окне показался начальник, и вот он уже стоял здесь, в ДЭС, в механическом сердце, разгоняющем энергию по всем станционным объектам.

– Ну, замерз? Далеко отогнали? Молодцы, мужики, – как пулемет застрочил Кабалёв, словно и не нуждавшийся в ответах. – Кружка есть пустая? Бутылка? Куда налить можно, – он вынул из кармана 250-граммовую металлическую флягу, обтянутую крокодиловой кожей.

– Сейчас, я это, – схватил кружку с чаем Меньжуев и сделал шаг к умывальнику.

– Не надо, – прочитал его намерения Кабалёв, поставив флягу на стол. – Занесешь после вахты. Аккуратней только, на вкус-то он мягкий, но градусов семьдесят есть. На травах. И это... на вот, домой позвони, – извлек он из-за пазухи спутниковый телефон. – Петровичу тоже скажу, чтоб к тебе заглянул через час – телефон ему передашь.

– Спасибо, Семёныч.

– Спокойной вахты.

– Алё! – Меньжуев держал одной рукой телефон, а ногтем большого пальца второй продавливал новый узор в крокодильем декоре начальничьей фляги. – Алё! «Ночь любви»? Надю можно мне?.. Плохо слышно вас... Надя? Здравствуй, Наденька! Это Володя с Северного полюса. Да! Правда? Да, я! Да, хорошо, спасибо, как ты? Ну ладно. Да не, все нормально! Только времени вот мало у меня... Ага, как обычно. Давай, давай, радость моя, – пустая фляжка, на миг оставленная без внимания, качнулась и звучно плюхнулась на пол...

– Ты скажи мне, родной, что сейчас на тебе?.. Поняла... Я расстегиваю твои меховые штаны... И быстро снимаю...

Михаил СТРИГИН

Родился в 1969 году в Сарапуле. Окончил Южно-Уральский государственный университет. Кандидат физико-математических наук, автор семи научных публикаций, в том числе в зарубежных журналах. В 1990-е годы отошел от науки и занялся предпринимательством.

Автор поэтических сборников. Учредитель ряда литературных проектов, в том числе детского поэтического конкурса «Как слово наше отзовется». Член жюри Южно-Уральской литературной премии. Живет в Челябинске.

СХИЗИС

Солнце трепетно, стесняясь, осветило кухню хрущёвки. Несмотря на его свет, внутри холодильника было темно. Он стоял боком к окну, отгороженный от него шторой, которая прикрывала трещину на стекле. Темно было уже неделю, перегорела лампочка. Она закоксувалась в патроне, и её невозможно было открутить. Хоронить лампочку будут вместе с холодильником. Оказывается, к темноте в холодильнике можно привыкнуть. Наверное, можно привыкнуть к темноте вообще. Как-то живут кроты. Анастасия, не обнаружив контейнера с пирожным на нижней полке, начала раздвигать банки. Она проворно переставляла их, будто играла в напёрстки, будто надеялась обнаружить под ними желанный шарик, но и здесь её ждало разочарование. Тогда она встала на цыпочки, всмотрелась в завалы на верхней полке, подняла руки и уже хотела отодвинуть пакет с просроченным кефиром, как халат распахнулся, оголив фиолетовый лифчик. Анастасия проворно опустила руки и, запахнув халат, с досадой посмотрела через плечо направо, туда, где доедали рисовую кашу девочка лет семи и пожилая женщина. Она крепче подвязала халат, под которым остался незамеченным новый лифчик, и снова углубилась на верхнюю полку.

«Снова этот кефир. Уже неделю мать обещала постряпать оладьи, он наверняка приобрёл нотки зелёного оттенка. Ага, вот и контейнер» — досада сменилась разочарованием. Даже скорее чувством предательства. На дне контейнера нищенски лежал остаток бисквита. Свидетельство заботы о ближнем. Издёвка.

— Наташка, ты опять съела мою пирожку, я накажу тебя, — хлопком закрыла холодильник Анастасия.

«Убила бы. Сколько можно. Я тоже люблю пирожное. Откуда это? Это я подумала? Она же моя дочь. Я должна её любить. Я люблю её», —

пронеслось в голове Анастасии, пока она несла чайник от плиты к столу.

«Вот раньше были чайники. А это пластиковый бочонок с открывающейся крышкой. Везде одинаковые чайники, одинаковые жизни».

— Настя, тебе тридцать, Наташе семь. Ну о чём ты говоришь, — мягко сказала баба Лиза, пододвинув свою чашку к чайнику. Пожилая женщина с большим родимым пятном на правой щеке перехватила чайник у Анастасии и начала разливать его по чашкам.

— Я тоже люблю пирожные, — насупленно не унималась Анастасия. — А тебе скоро шестьдесят, могла бы позаботиться о дочери и прибрать половину, — обида волнами подступала к горлу, пережимая доводы рассудка. Она очень хотела выплеснуться потоком брани, но мысль:

«Это же мои мать и дочь», — удержала поток ругательств крепкой запрудой. Она вернулась к холодильнику, достала варенье и начала жирно мазать его на кусок белого хлеба. Может быть, целая банка и заглушила бы обиду.

«Я должна быть сильной. Я должна уметь держать удары», — эхом катилось внутри.

«Странная мысль», — откатом привалило в затылок.

Наташа в это время сидела на стуле, махая ногами, будто куда-то бежала. Она постоянно бежала, бежала либо от, либо к. Вот и сейчас она могла бы говорить, смеяться или плакать, а ноги совершали свой уже десятый круг по только ей ведомому стадиону.

— Мам, не надо агриться. Я больше так не буду, — на мгновение замерла Наташа и тут же побежала дальше.

Тишина непонимания повисла на кухне.

— Что?!

— В смысле не злись.

— Мам, по-моему, она издевается, с сегодняшнего дня я пирожные больше не покупаю, — выдавила из себя Анастасия.

«Ну почему именно я должна идти в магазин, стоять в очереди и доедать крошки? Одна плохо ходит, другая хорошо ест», — давилась параллельно мысль.

— Настя, любовь всё преодолеет, — ответила бабушка Лиза.

— Где она, эта любовь? — взвизгнула Анастасия. — Я уже три года одна, как будто прокажённая! Я хочу любви, я даже, может, хочу ещё детей. Я хочу материнский капитал! Даже у этой бестолковой соседки Аньки и то есть материнский капитал.

— Ты одна? А как же дочь? Я, в конце концов? Вон, наша мышка Клара, она одна! Настя, она всю жизнь одна. Ты обращала внимание, как она смотрит, она иногда так смотрит, что, кажется, будто это кто-то из моих предков судит меня... Иногда думаю: может, поцеловать её... Кстати, чудеса случаются и с мышами. Соседская подруга Наташи вчера попросила приютить их мышонка, они с семьёй полетели на юг. Так что у нас гости. Надеюсь, у Клары наступил период материнской любви. Наташ, а ты кормила их сегодня?

Наташа перестала мучить рисовую кашу, выскочила из-за стола и, обретя почву под ногами, продолжила свой бег, теперь уже в соседнюю комнату, прихватив корм. Спустя минуту оттуда донёсся зашкаливающий визг девочки. Он был нечеловеческой тональности, будто она увидела змею. Анастасия и баба Лиза, опрокинув стол, наперегонки выскочили в зал. Наташа стояла над клеткой и с перекошенным ртом показывала на неё. Женщины со страхом заглянули внутрь, будто в бездонную

пропасть, и обнаружили там Клару, которая своей челюстью обхватила шею мышонка и сжала её, как тигр сжимает свою добычу. Несколько капель крови стекали по её подбородку. Мышонок обречённо дёргал задними лапками, с уже закрытыми глазами. Темнота природной силы сгустилась над клеткой. Клара косила глазом на женщин со зловещей ухмылкой, будто говорила:

«Шаг от жизни к смерти очень маленький. К смерти даже не нужно шагать, нужно только подумать о ней, и она сама подойдёт».

Первой пришла в себя Анастасия:

– Нет ничего страшнее материнской любви, она и лечит, и убивает. Всё зависит от силы сжатия челюстей. Хотя здесь что-то другое – может, конкуренция семей. Наташка, быстро одеваться, выходим в школу, – ослабила своё сжатие Анастасия.

* * *

Лифт опять не работал. По-видимому, он запил вместе со слесарем Николаем. Вчера Николая пытались дозваться поменять лампочку на нижнем этаже, но только голодный пёс слесаря кружил по двору в поисках сочувствия и любви.

«Лифт не работает, а я что, обязана?» – посмотрела на тёмную кнопку лифта Анастасия.

Опомнившись, она прихватила Наташу, и они, опаздывая, слетели с пятого этажа и выскочили во двор, разогнав стаю воробьёв, которые до этого нищенски сидели в весенних лужах, пытаясь найти прошлогодний корм. Солнце ещё робко выглядывало из-за соседнего дома, только догадываясь о том, что скоро начнёт здесь хозяйничать. Двор был почти пуст. Пятнадцать минут назад все уже разошлись по школам и работам. Только местная юродивая Клара, в честь которой была названа мышь, сгоняла с ветки грача. Когда грач внял усилиям Клары и недовольно перелетел выше, юродивая повернулась к проходящей мимо паре и прошептала:

– Что, Настя, мамку свою вспоминаешь? Все хотят быть первыми. Кровищи было много, когда твой папка её саданул.

– Ты что, чокнутая, несёшь. Тебе грач голову замутил. Иди лучше с воробьями почирай, они ещё чего тебе расскажут.

– А ты в детдом местный сходи. Много чего узнаешь.

Ошарашенная Анастасия отпрянула в сторону, прихватив за руку Наташу. Дочь почти в полёте показала Кларе язык. Анастасия прибавила насколько возможно шаг, и они вышли через арку на улицу. Движение автомобилей запустило ход мыслей и сняло первоначальный шок от услышанного.

«Дать бы ей. Так нет же. У нас свобода слова. Может нести всё, что ей захочется. Может, её insult сгрёб остатки разума? Но ведь что-то ей привиделось? Ладно, вечером мамку спрошу».

Анастасия с Наташей традиционно опоздали. На десять минут младшая и на двадцать старшая. И в школе, и на работе к этому давно привыкли. Учительница, не отрываясь от доски, блеснула своими очками и сказала:

– Кто поздно встаёт, тому чёрт подаёт.

Начальник Анастасии, главбух, сухопарый, как вся экономика, сказал:

– Системность – признак мастерства, – и презрительно прошёл мимо.

Анастасия работала экономистом в строительной компании. Её задача была сводить концы с концами. А концов было много – то прорабы закажут лишний материал, то заказчик изменит проект, вследствие чего произойдёт пересортица. Она всегда говорила, что без неё предприятие вмиг задохнётся в собственных испражнениях. На её место было не особенно много желающих, и поэтому её опоздания терпели.

Анастасия села за компьютер и углубилась в таблицы. Цифры, цифры, цифры проносились мимо. Как будто компьютерные мысли. Они собирались в предложения, затем в тексты, потом всё это рассыпалось очередным бредом квартального отчёта.

«А как выглядит компьютерная кровь?» – воспоминания о крови, упомянутой юродивой Кларой, не выходили из головы. Анастасия представила компьютерные роды, небольшой калькулятор, вырастающий затем в суперкомпьютер, который может контролировать сведение баланса целой страны. У Анастасии захватило дух. Но компьютерную кровь она так и не смогла представить. Компьютерная семья, дом, детдом... Слово «детдом» резануло по её памяти:

«Что это значит? Клара хотела сказать, что моя мама мне неродная? А что же тогда могло случиться? Бред, бред, бред! Я её помню всю жизнь. Но странные всплески ненависти? Будто мы чужие. Но и на дочь я часто злюсь», – вспомнилась утренняя перепалка.

«Дочь... Она причина моего одиночества», – эмоции желваками ходили по лицу девушки. Но вдруг остановились... Вечерний свет фонарей рябил от нехватки напряжения в электросети. Запах сирени отдавал сладковатыми азиатскими нотками, так же как окрас цветов в жёлтом освещении был романтически пурпурным. Её проводили до дома, и Анастасия предложила ему посидеть на скамейке перед тем, как разойтись по своим заурядным квартирам. Она знала каждый дюйм этой скамейки – Анастасия всё детство просидела на ней, играя с подружками в резинку. Но чтобы с юношей. Это было впервые... Он наклонился, чтобы поднять что-то, светящееся во мраке, и, наверно, случайно задел её по голени – искра пронеслась до самого её затылка. Почувствовал ли он это? Губы налились такой же тяжестью, какой был наполнен воздух вокруг. Дыхание стало более глубоким, пытающимся не потерять ни единой нотки аромата этого вечера. Его ладонь легла поверх её руки, которая стала более отчётливо ощущать вырезанную ножом на скамье фигурку пирамиды – фигуру гармонии и откровения...

– Лен, пойдём покурим. – обратилась она к бухгалтеру Елене, сидящей напротив. Из-за компьютера показалось ехидноподобное лицо.

– Ты же не куришь? – ухмыльнулось оно.

– Закуришь тут, – бросила Анастасия и первой пошла на улицу.

«Первый поцелуй – размазанная помада, первый ребёнок – размазанная фигура, первая сигарета – размазанная жизнь. Что будет следующим? Что такое размазанная смерть?» – посмотрелась Анастасия в зеркало в коридоре. Там отобразилась симпатичная высокая блондинка с несколько взбалмошным каре. Она даже успела вчера погладить юбку и сделать маникюр. Рука не удержалась и сфотографировала эту красоту на смартфон, автоматически направив её в клоаку инстаграма.

«Шило на мыло. Всё равно везде одни девчонки. В конторе все приличные мальчишки заняты, как хорошие места на парковке. А инстаграм пока не научился переводить редкий мужской виртуал в реал».

– Лен, ты как борешься с одиночеством? – прикурив, спросила Анастасия. Анастасия закашлялась, перебив Елену, выронила сигарету, слюни полетели во все стороны. Она начала бить ладонью по груди, как выбивала на выходных ковёр во дворе. И забыв про свой первый вопрос, выпалила:

– Зачем? Зачем люди делают это? Чтоб на фоне этого не замечать всего остального? Если всё исплёвано, так можно ещё раз плюнуть? Что там грязь под ногами, когда всё в лёгких перепачкано! – Анастасия ногой оттолкнула окурок, лежащий на крыльце. Вчера она посмотрела фильм про тёмное Средневековье, вспомнила помой, выливающиеся с балкона прямо на улицу.

«Человеку понадобилось нескольких столетий, чтобы очиститься снаружи, но он тут же начал гадить внутри. Миллиарды маленьких клеток в лёгких, выедаемые никотином. Все клетки – это потомки тех организмов, которые когда-то вышли из моря, прошли эволюцию от инфузории до той, которую я только что увидела в зеркале. Боже, откуда я всё это знаю?» – отвращение сменилось удивлением.

– Не знаю, Настя. Мужикам нравится. В курении есть какая-то таинственная сексуальная притягательность. Помогает бороться с одиночеством или, по крайней мере, забыть про него.

Анастасия вернулась на своё рабочее место. Прибрала бумаги, поставила карандаши и ручки, протёрла экран монитора, поставила ровно фоторамку с фотографией дочери и мамы.

«И что? Что-то изменилось? Порядка больше? Но порядок тосклив и скучен. А хочется жизни. Природа не терпит пустоты. Если нет жизни, приходит смерть. А она такая фантазёрка», – Анастасия вспомнила капельки крови на мышинной челюсти.

Клетка с мышью, кровь, детдом, одиночество, квартальный отчёт, в котором был дисбаланс на полтора миллиона, – эти раздумья вымотали Анастасию. Вдобавок схлынуло возбуждение от неудачного опыта с курением, и она задремала. Пальцы по-прежнему набивали числа в отчётной таблице. Анастасия через силу пыталась сосредоточиться на чёрных маленьких таракашках, которые расплозились, тускнели и, в конце концов, пропали...

* * *

Анастасия провалилась сквозь кристалл монитора, протекла по проводам и, наконец, оказалась в огромном пространстве – клокоцущем, красном и алчном. Она пыталась всмотреться и разглядеть что-либо, но картина менялась с поразительной скоростью.

«Может, это и есть компьютерная кровь?» – возникло ощущение из прошлого, но ещё через мгновение Анастасия почувствовала, что она находится не внутри машины, а внутри себя, в собственном сердце. Ощущение было такое, как будто она находится внутри звезды, внутри термоядерного взрыва. Жар палил. Анастасия, оцепенев, пыталась что-нибудь разобрать. Но только картина сложилась во что-то определённое – какие-то огромные пещеры, внутри которых двигались облака красной субстанции, – как нечто, будто огромной губкой, стёрло картину, превратив её в бесформенную массу. Анастасия пыталась понять, что же в ней оцепенело, но не находила себя. Она ощущала себя всеми фибрами, но не могла обнаружить. Зрение здесь представляло собой нечто иное.

«Вот где настоящая жизнь! Откуда эта мысль, если меня нет?..» – не успела она додумать, как тёмная тень упала на колыхающуюся фигуру, похожую на огромный язык.

– Настя, я призвал тебя, чтобы объяснить: зачем ты.

– Что зачем? И кто ты? – Анастасия пыталась всмотреться в тень, но та распадалась на множество монад и тут же собиралась вновь.

– У меня нет имени. Мне уже несколько миллиардов лет. Вы называете меня геном. Но я гораздо больше, чем ваши учёные себе представляют. Я присматриваю за всем живущим на этой планете. Мне важна каждая живая единица. Каждый живой экземпляр – это мой маленький шаг вперёд. Ты шагаешь по земле, я шагаю по времени. Поэтому, чем больше каждый произведёт непохожих на себя, тем больше крупных шагов я сделаю. Но иногда люди капризничают, и тогда я их наказываю. Благодаря мне появились мифы о Содоме и Гоморре. Однополые браки – это остановка моего движения. Я не допущу этого! А ты остановилась! Каждый шаг – это шаг на пути к сверхчеловеку. А каждая остановка – это неопределённость, которая опасна! – тень объяла Анастасию, стянув её в капсулу. – Мне нужно, чтобы ты рожала детей! Вот зачем ты мне нужна. А для этого освободись от дочери. Она тебе мешает! – голос громыхал внутри того, что было Анастасией.

Вдруг тень разжалась и перескочила на другую, колыхающуюся рядом фигуру, напоминающую собой вазу.

– Какими широкими отрезками я шагал в Средневековье. По десять детей в каждой семье. А как я радовался, когда Колумб привёз из Америки сифилис. Мутации в Европе просто зашкаливали. А сколько гениев появилось благодаря этому: Блез Паскаль, Сёрен Кьеркегор, Михаил Врубель, Фридрих Ницше, Шарль Бодлер... А в последнее время мне идти стало сложнее. Вы, люди, очистились от паразитов, которые помогали мне мутировать. Тогда я придумал аллергии. Да, да, аллергия – это борьба с пустотой, борьба с тенью. Иммуитет набрасывается на любую пылинку и поедает собственный организм. Но это было полбеды. Вы захотели долго жить – это мешает новым поколениям. В вас заложено бессознательное потребление смерти. Пришлось придумать курение. Но вы пошли дальше. Вы перестали рожать! Я подсказал вам ЭКО. И я уже раздумываю о восстановлении гермафродитизма у человека. Но это очень медленный путь. И я приказываю тебе освободиться от дочери и рожать, рожать, рожать...

Слово «рожать» эхом неслось по кабинету. Анастасия очнулась в испуге, осмотрелась, удивилась тому, какие поразительные сны демонстрирует подсознание, выдохнув, улыбнулась, посмотрела на Елену, которая что-то усердно набивала в своём смартфоне, вернулась к собственному экрану и остолбенела. На экране, крупным шрифтом, светилась надпись:

«Освободись от дочери»

Анастасию замутило, сердце застучало, и её стошнило прямо под собственный стол. Она виновато посмотрела на Елену и выскочила в уборную. Спустя десять минут Анастасия шла по улице, то ускоряясь, то замедляясь, борясь с подступающей тошнотой.

«Может, это единственная затяжка сигареты так на меня повлияла? Но надпись на экране – это же не пара случайно набитых букв. Это целое предложение. Если предположить, что какой-то геном руководит всем человечеством, то чего он ко мне привязался? Я жила без него

и дальше хочу жить без него. И как он хочет, чтобы я избавилась от дочери? Я что, просто матка?! А дочь мне мешает найти мужчину?»

Изображение двоилось. Мысли распадалась на отдельные квадраты. Люди, попадающиеся по пути, превратились в наборы конструктора Лего, множество пирамид, параллелограммов и шаров.

«Вся эта многотысячная толпа вокруг – шаги генома? Его конструктор? И нужно просто нарожать детей, чтобы разнообразить его путь? Но это солнце, эти ручьи, текущие свободно и отражающие серебро воздуха. Эти набухшие почки. Это тоже его шаги? Да, видимо, так и есть».

Вдруг её мысли прервал воробей, слетевший с ветки тополя, нырнул Анастасии под ноги, выхватил коричневое зёрнышко и так же быстро улетел на другую сторону улицы.

«А ведь городские птицы теперь целиком зависят от человека. Если что-то случится с нами, погибнут и они. Как всё сложно».

* * *

– Мама! – с порога крикнула Анастасия. – Это правда, что мы с тобой не родные?

– Ты о чём? – сверкнула глазами мама и как-то обмякла.

– Мне соседи рассказали, – решила идти ва-банк Анастасия. Елизавета прислонилась к косяку двери и медленно сползла вдоль него, сев на корточки. Она медленно перевела взгляд с Анастасии на собственную ладонь и внимательно всмотрелась в неё, как будто там скрывалась разгадка. Её линия жизни в определённый момент раздвоилась.

Анастасия поняла, что юродивая была права. Обида снесла дверь с петель и плотно встала в дверном проёме, крепко обняв Анастасию за плечи.

– Мне скоро тридцать, неужели я не имею права знать правду? Как – ты – могла? Как я не поняла этого раньше? Я же чувствовала.

– Настя, у вас в роду странная история, женщины несут в себе отпечаток чего-то тёмного. И это передаётся из поколения в поколение. Твоя мать, не сильно трезвая, пыталась тебя задушить, а твой отец, в таком же состоянии, сильно толкнул её, да не рассчитал, она, ударившись головой о батарею, рассекла голову и по дороге в больницу скончалась, – баба Лиза оторвалась от своей руки и осмелилась посмотреть на дочь.

Обида внутри Анастасии сменилась страхом. Призыв «освободиться от дочери и рожать, рожать, рожать» срезонировал с только что сказанным и гремел как из мегаваттной колонки прошлого. Анастасия стояла, согнувшись, сясь выдержать этот накал, но не удержалась и закричала во всё горло. Наташа прибежала на крик, бросилась в объятия бабушки и, косясь на собственную мать, пыталась понять происходящее. Анастасия огляделась, сясь осознать, где она и что она, и всмотрелась в собственную руку – как то, что помещается на острие булавы, может управлять людьми и миром? Читает ли он сейчас её мысли? Анастасия слышала, что геном находится в каждой клетке, и получается, что он не один, что их миллиарды. Ей представилось, как невероятно огромное количество маленьких червячков говорят внутри неё, перебивают друг друга, но в определённый момент их голоса начинают складываться и спустя мгновение они собираются в общий глас:

– Освободись от дочери и рожай, рожай, рожай!

Анастасия уже не понимала, чудится ей этот голос или он присутствует наяву. Голос судорогой отозвался на лице, и уголок рта Анастасии начал подёргиваться. Она перевела свой взгляд с руки на Наташу. Взгляд, в котором отсутствовали смысл и любовь. Баба Лиза почувствовала это и сильнее обняла внучку.

– Настя, я всегда любила тебя как родную, может быть, даже больше, даже тогда, когда узнала о твоей истории. Вначале это от меня скрыли. Настя, ты помнишь, как мы ездили в Анапу, тебе было шесть лет. Там на пляж приходил дед с большим коробом, в котором было мороженое. Ты всегда выбирала пломбир с клубникой, и эта клубника мазалась по губам, по подбородку.

– Как кровь! – перебила Анастасия.

– Нет, не как кровь, скорее как счастье. Ты тогда ещё потерялась. Как же я напугалась. Вы с соседским мальчишкой играли в песке. А когда мы с его мамой хотели вас позвать, вас не оказалось. Мы обежали весь пляж, но вас нигде не было. Мы зашли в воду, но и там вас не обнаружили. А когда мы вернулись к лежакам, вы уже снова сидели со своими игрушками и смеялись. Так вы нам и не объяснили, где вы были. Но те ощущения я не забуду, и тогда я поняла, что ты моя дочь! Пока человек рядом, мы не можем ощутить всей глубины своих чувств к нему. Это можно понять, только лишившись его. Мир делится на две части: с ним и без него. И это деление, когда любишь, очень болезненно.

«Что такое любовь? Мой геном, наверно, тоже любит меня, ведь он – это я. Он старается, чтобы у меня было больше детей, и он говорит о том, что в этом мне мешает конкретный ребёнок. Может, он знает, что во мне много любви и что мне надо раздать её?» – думы желваками ходили по лицу Анастасии, пока баба Лиза разглаживала помявшееся платье на приподнявшейся Наташе.

– А что с моим отцом? – отозвалась Анастасия.

– Ему дали семь лет. А спустя три года после отсидки он умер от алкоголизма, я была на его похоронах, он умер практически один, у него никого не осталось. Он очень тяжело пережил ту трагедию.

– Мне надо побыть одной, – Анастасия оторвалась от дверного косяка и пошла в спальню. Обида с трудом разлепила свои объятия.

– Мама, ты пойдёшь хоронить соседского мышонка? – спросила ничего не понимающая Наташа.

– Я пошла хоронить себя, – закрыла Анастасия за собой дверь.

– Пойдём вдвоём, пусть отдохнёт, – сказала, вставая, бабушка.

Анастасия с лёту бухнулась в кровать, не расправляя её, и задержала руками и ногами, пытаясь снять напряжение. Остановившись, она всмотрелась в потолок, в сетку трещин, бегущих от угла, где виднелась паутина. Анастасии почудилось, что вся эта сеть – паутина и что она спускается с потолка и обволакивает собой её. Вся жизнь – это дробление и стягивание спирали в точку: неудачное детство, неудачный брак, сокративший возможности и оставивший груз. Финансовое образование ещё уменьшило широту обзора Анастасии, а карьерная лестница упёрлась в бронированную дверь главного бухгалтера. Паутина мыслей продолжала стягивать рассудок Анастасии. Личная жизнь напоминала стробоскоп – редкие вспышки общения с главным инженером, а потом опять темнота. Он женат. Она с грузом, не дающим ей развернуться. Где здесь её мысли, а где то, что навевает геном?

«Дочь. А могу ли я представить себя без неё? Конечно, мешает. Конечно, таскает моё пирожное. Но я скучаю без неё. Как мы готовили ей платье на первое сентября!» – Анастасия не выдержала потока сознания и включила телевизор, попав на французский фильм «Графиня де Монсоро». Битвы на шпагах, романтические сцены, поцелуи отвлекли её, она забылась и от усталости задремала.

Ей снова приснилась красная колыхающаяся масса. Но в этот раз Анастасия уже шла навстречу ей без особого страха, и снова тень скользнула по одному из языков, развевающихся внутри этой массы.

– Мы подружимся с тобой! Я расскажу тебе, что пить, что есть и с кем дружить. Я чувствую все нюансы. Например, мне очень не хватает калия, ты должна есть бананы. Тебе нужно записаться на плавание, у тебя уже начались проблемы с позвоночником. Нужно чаще выезжать за город, здесь очень нехороший состав воздуха. И, главное, не забывай, кто тебе мешает. Тебе надо уйти от своей жизни, теперь тебя здесь ничто не держит. Ты приблизишься к сверхчеловеку! Все попытки ваших генетиков создать такого смехотворны. Они напоминают хирурга, который пришивает кролику хобот слона, добавляя сзади хвост павлина. Они даже близко не представляют себе всю сложность генома, как один ген влияет на другой. Ведь это цельный паттерн. Меняя один ген, как им кажется, вредный, они ставят запруды в ручейках судеб...

– Настя! – резкий, как выстрел, голос мамы вывел Анастасию из сна. – Что здесь происходит? – баба Лиза показывала на руки дочери, которые где-то раздобыли ножницы и вырезали из простыни геометрические фигуры. Телевизор надрывался, передавая погоню, и всячески старался, чтобы его тоже услышали. Анастасия бросила ножницы и разрыдалась.

– Пойдём ужинать, – обняла свою дочь баба Лиза. – А потом сразу спать. Всё пройдёт. Бог нам поможет. Я верю. Я тебя очень люблю. Это всё нервы. Мы можем куда-нибудь съездить, проветримся. Наташе тоже будет очень полезно. Она после утренней истории очень переживает.

– Мама, мне нельзя спать. Со мной что-то происходит во сне. Со мной кто-то говорит.

– Это у тебя нервная перегрузка. Пойдём ужинать. Мы похоронили мышку, – последнюю реплику баба Лиза уже договаривала на кухне.

Ужин прошёл молча, каждый думал о своём. Наташа капризничала, отказалась есть салат, ограничившись макаронами и сосиской. Анастасия накручивала спагетти на вилку и думала о водовороте жизни, в который засасывает каждого. Но что туда влечёт: каждый сам себя, геном, Бог?

«Отец и мать алкоголики. Родительские гены. Взять бы их и почистить. От алкоголизма, от ожирения, от злости, от тупости. И получилась бы такая стройная, умная, образованная красавица. И стала бы президентом. И что? Всяко лучше, чем жить в хрущёвке с двумя лицами женского пола. А ведь я считалась в семнадцать красавицей. Может, геном вернёт мою красоту, может, он действительно поможет? Возможно, нужно довериться ему, он, наверное, лучше знает?» – бросила странный взгляд на дочь Анастасия.

– Настя, всё обзавелся. Как тогда на пляже. Я уже позже узнала, что местный мороженщик привёл вас с улицы на пляж. Обычно чудеса разрешаются просто. Пойдёмте спать. Я когда-нибудь тебе всё расскажу про тебя подробнее, но не сегодня. Слишком тяжело, – попросила баба Лиза, домывая посуду. Она спала в большой комнате, а Анастасия

с Наташей – в спальне. Семья укладывалась спать. Наташа продолжала капризничать и отказалась убирать игрушки, потом чистить зубы. Ей было сказано лечь с грязными зубами и в бардаке. Клара елозила по клетке и беспокойно что-то вынюхивала. Еды у неё была целая кормушка. Спустя полчаса в квартире стало тихо, только часы-ходики, прабабушкино наследство, мерно растворяли тишину. Анастасия погружалась в сон. Спагетти медленно растворялись внутри, притормаживая мыслительную деятельность, пока совсем не остановили её...

* * *

Углеводы, аминокислоты, растворяясь, разбегались по всему организму Анастасии, компенсируя дневные затраты. Они подпитывали её яичники, где потенциально готовилась выплеснуться новая жизнь, но эта готовность оставалась только потенциальной. Они подпитывали и её сны, в которых потенциальность сменялась эротизмом, который позволял ощутить всю глубину жизни хотя бы во сне. Анастасии снилась романтическая картинка, в которой она была графиней, а молодой принц добивался её руки. Её родители были против. Пройдя множество перипетий, они соединились в законном браке и начали совместный путь. Но спустя некоторое время выяснилось, что Анастасия бесплодна. Её горе не знало границ, Анастасия рыдала во сне, и эти рыдания разбудили её. Она очнулась, поняла, что это был сон, посмотрела в окно, где одинокая луна холодно и насуплено обозревала землю и почувствовала неизъяснимую тоску.

Анастасия встала, взяла подушку, подошла к кровати дочери и всмотрелась в темноту. Её сердце отдавалось глухим тоном по всей комнате, но внешне она была спокойна.

«Опустить подушку на неё, две-три минуты подержать, и она перестанет дышать. И я свободна. Хочешь – направо, хочешь – налево. А дальше геном подскажет, что делать». Белое пятно лица дочери просачивалось сквозь мрак. Оно отражало свет одиночества луны. Анастасия склонилась ближе и ощутила дыхание дочери. Дыхание горячим гейзером пробивалось сквозь лёд их отношений. Это дыхание обожгло Анастасию. Лёд, намороженный луной, треснул. Анастасия отпрянула, утирая лицо свободной от подушки рукой. Всмотрелась в темноту ещё раз, и белая картина сперва рассыпалась, а затем, подобно пазлу, начала собираться вновь, но уже в цветной паттерн.

«Кто я? Как я могу решать за Бога?» – Анастасии представилась картинка, где Наташе восемнадцать, её выпускной бал, одноклассники, приглашающие её на танец. И себя, стоящую среди родителей и улыбающуюся своей дочери. Дочери!

«Неужели я могла разделить мир на два, где есть такая картина и где её нет. Неужели я могла встать на место Бога. Нет я не имею права менять будущее!» – картина продолжала собираться. В этом новом мире она не ответила на ухаживания своего будущего мужа, не согласилась с отцом и не пошла в экономический. И все судьбоносные дробления, которые были совершены в её жизни, пропали, все возможности, которые она упустила, соединились в общую сложную многоцветную картину, в которой нет места геному, в которой темнота сверхчеловека осветилась всем разнообразием жизни. Время остановилось. Анастасия могла наблюдать все свои образы одновременно, и один из них был – графиня де Монсоро...

* * *

– Настя! – знакомый голос назвал знакомое имя. Девушка в белом силилась понять, откуда она знает это имя.

«Кажется, она обращается ко мне», – отозвалось в глубине. Женщина, небольшая и щуплая, как мартышка, тоже в белом, заглянула в дверь и позвала к себе, помахав рукой. Судя по низкому солнцу, было либо утро, либо наступал вечер. Комната была небольшой, напоминающей монастырскую келью. Скучность обстановки говорила о том, что монастырь был небогатым. Девушка в белом с надетыми бумажными кружевами привстала и спросила:

– Что вам?

– К вам пришли, пройдите со мной.

«Наверно, это принц. Он уже давно не показывался. Возможно, начал забывать меня», – девушка соскочила с кровати и выбежала вслед за мартышкой в коридор. Они прошли по длинному коридору, в конце которого стоял стол, за которым сидел мужчина средних лет, и тоже в белом. Напротив него сидела женщина пожилого возраста с большим родимым пятном. Девушка откуда-то знала её. Но принца не было.

«Опять он не пришёл. Сколько же можно ждать?»

Александр БАБИН

Родился в 1985 году в городе Александровске Пермского края. Учился в Соликамском педагогическом колледже. Работал охранником, лесником, разнорабочим на укладке газопровода, журналистом. Сейчас – завлит в одном из театров.

Публиковался в журналах «Молоко», «СТОЛ», «День литературы». Живет в Березниках.

РАСПАД

1

В траве мелькнуло что-то бурое.

«Есть!» – подумал Саня и нагнулся.

Но это был берёзовый лист, а вовсе не красноголовик. Саня разочарованно хрустнул коленками и побрёл дальше. В корзине болтались две сыроежки да полужидкий обабок, густо приправленные осенней трухой.

Паршиво. В начале сентября опять должны быть на каждом втором пне, верно? Целыми семьями! И моря лисичек под ногами. Ну и где всё это?

В густом, как собачья шерсть, березняке тоже ничего не нашлось – как и в осиннике за Михайловским покосом, и мрачном бору ближе к железной дороге. Не было даже поганок. Проболтавшись в лесу ещё с полчаса, Саня вытряхнул из корзины свою жалкую добычу («Всё равно даже супа не сварить») и повернул к Телефонке в надежде найти хотя бы кусок чугунины или обрывок троса. Лишь бы не ложиться снова на голодный желудок.

Телефонкой назывался небольшой, но основательно загаженный холм по дороге в Малую Вильву. В начале девяностых там столкнулись «буханка» и «москвич». Водитель последнего погиб на месте, машины с грехом пополам эвакуировали, но битое стекло, обломки приборной панели, отлетевшее от «Москвича» колесо и прочий автохлам остались на месте. Потом на Телефонке пообедала бригада лесорубов, оставив после себя яичную скорлупу и пустую бутылку, случайно порезавшийся грибник выбросил там окровавленный платок, и пошло-поехало – к двухтысячному году мусор на Телефонку везли целенаправленно.

Саня побродил немного среди обломков фаянса и полиэтиленовой шелухи, но так и не нашёл ничего мало-мальски ценного – разве что мясорубку с отлитым на ней ценником в 4 рубля 76 копеек. Примерно за ту же цену её примут и сегодня, так что пусть и дальше валяется

под лопухом, подумал Саня и поспешил уйти. Ещё не хватало, чтобы его – хорошего, в общем-то, электрика – увидели ползающим на помойке.

Оставалась последняя надежда: найти на останках молочной фермы какой-нибудь богом забытый швеллер, уголок или редуктор. А то и медный кабель. Вот это была бы удача.

Впрочем, Александр был реалистом и потому прекрасно понимал, что найти на развалинах хоть что-нибудь едва ли удастся: ферму, некогда дававшую работу половине женского населения Ольховки, давным-давно разобрали на кирпичи, не говоря уже о металле – уж его-то подчистили в первую очередь.

Глаза у него затуманились. Посёлок всё ближе, мысли – чернее и все вертелись вокруг куляка, в котором рожков осталось на самом доньшке. А ведь когда-то мечталось совсем не о сардельках и уж тем более не о железе, да и о пунктах приёма металлов он толком ничего не знал.

Продавленная грунтовка вывела его к поваленному забору. Ферму от посёлка отделяла только полоса леса шириной в триста метров. Запахло дымком. Взгляд Александра приобрёл остроту и осмысленность. Похоже, кто-то решил затопить баню среди недели. Потом, наверное, пивка жажнет. Да под селёдочку... А картошечка будет? Будет.

Саня вздохнул: «Гаси печаль, решай задачи».

Он углубился в недра заваленных бутром коровников и долго бродил там, вглядываясь в бетонно-кирпичное крошево. Однако на ферме не нашлось ничего, кроме дохлого кота, и магнитик, с которым Саня не расставался последние пять месяцев, так и пролежал в кармане, прицепившись к складному ножу – бесполезны и тот и другой.

И Саня пошёл домой. В сознании гремел голос из телевизора, обещающая библейские кары:

«...Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие: от всего, что видите здесь, не останется камня на камне, всё будет разрушено. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, нечестивы и недружелюбны... И покажу им знамения на небе и на земле: кровь и огонь, и столпы дыма, и солнце превратится во тьму, а луна – в кровь, и наступит день Господень, великий и страшный, когда не будет ни грибов, ни мотор-редукторов, ни дорогого медного кабеля».

Можно, конечно, попытаться счастья в «Ромашке», взять что-нибудь в долг, но он и так уже задолжал три с чем-то тысячи – больше точно не дадут.

Вот и голос того же мнения:

«И стесню я людей, и будут они ходить, как слепые, и будут просить взаймы до понедельника, но никто не даст, и в “Ромашке” в долг не отоварят, потому что они согрешили против Господа, и размётана будет кровь их, как прах, и плоть их – как помёт».

В этот момент с небес пророчески затрубило, и Саню продрали до печёнок. Он знал, конечно, что это орёт бывший ВЗОДИСМ – Волчанский завод обработки древесины и сборки мебели – и гудок всего-навсего зовёт рабочих на обед, но эффект был велик.

Есть захотелось ещё сильнее. Саня вспомнил, какие вкусные котлеты делают по средам и пятницам в тамошней столовке... Или делали, хрен их теперь разберёт. Саня потерял работу, когда закрылись оба сборочных цеха, – не помогли ни стаж, ни четвёртый разряд. В отделе кадров, кстати, под сокращением не попавшем, сказали, что это не собственник схватил его за шкварник и выкинул на улицу, а невидимая рука рынка – мол, ничего личного, ты ж понимаешь.

Как бы то ни было, завод с тех пор из всей своей по-маяковски звуочной аббревиатуры выбросил несколько букв и стал убогим ВЗОДом, превратившись, по сути, в обыкновенную лесопилку, которую ещё и китайцам продали.

Саня вернулся к своим мыслям. Можно сунуться в город на обанкротившийся хлебозавод – вроде бы его ещё не растащили. Другое дело, что идти далековато, да и своих охотников там хватает. Церемониться не станут – огреют ломом по башке и прикроют тельце фанерой.

Голос не унимался:

«В те дни люди будут искать смерти, но не найдут её; пожелают умереть, но смерть убежит от них; кинутся в развалины искать пищевой алюминий, но и тому давно приделали ноги».

Саня перешагнул упавшую берёзу... и замер. Что-то падало с небес. Причём падало с таким, знаете, характерным свистом, от которого мутнеет сознание и хочется только одного – червём зарыться в землю.

Саня выпустил корзину из пальцев, обхватил голову руками и зажмурился. Нечто большое и тяжёлое с треском рухнуло на землю, ободрав ближайшую ель и зацепив рябину.

Крики разлетающихся птиц. Тишина.

Саня подождал немного и открыл глаза.

Еловый ствол блестел как обнажённая кость – половину ветвей несло вместе с корой. Влажная щепка тянулась к зарослям шиповника. Александр прошёл по ней взглядом и увидел, что из кустов торчит зелёный угол.

Немного помедлив, мужик подошёл поближе и услышал негромкое жужжание какого-то механизма.

«Да что за дела, Господи?» – ошарашено подумал Саня.

Он прищурился, сделал ещё несколько робких шагов вперёд...

И увидел.

Угол оказался частью хвостового оперения здоровенной бомбы. Она вошла в землю наискосок, но не полностью, и на её боковине виднелся кружок с тремя жёлтыми лопастями. Знак радиации.

«Так», – подумал Саня.

Он снял с себя правый сапог, вытряхнул из него нападавший сор и снова надел. Затем сорвал со штанины комок репейника – старый, уже крошится – и посмотрел в небо. Облака обещали долгий, неторопливый дождь. Пахло свежей хвоей. Крохотный паучок спускался с рябины на атомную бомбу.

Он старался напустить на себя скучающий вид – пробовал даже искать грибы и насвистывать, – но корзина осталась далеко позади, а ноги не гнулись. Бледный и неестественно прямой, Саня вышел к посёлку, окинул взглядом низенькие крыши и направился к дому. В спину ему дышала атомная бомба.

Его двор давно уже зарос лопухом и одуванчиком, разительно контрастируя с огородом соседей, где и яблоня, и груша, и вишня с иргой... Хомутовы как раз выкапывали картошку. Саня, который мог выкопать разве что своего пса – могилка как раз на бывшей картофельной гряде, хлопнул калиткой и прошёл в дом.

Там он выпил стакан кипячёной воды, сел на старый дедушкин диван и принялся ждать. Как оно будет – быстро или придётся пожариться?

Саня поёжился.

Сначала, само собой, будет вспышка. Потом ударная волна, перед которой ничто не устоит. Учитывая расстояние до эпицентра, на Ольховку обрушится всё сразу – и свет, и жар, и взрывная волна. Мгновенная смерть.

Он просидел так полчаса, а взрыва всё не было.

Хотелось курить.

Саня вернулся в кухню, вытащил из специальной банки несколько старых окурков и принялся вытряхивать из них табак на полоску газетной бумаги. Наконец, он закурил, и мысли, парализованные постоянным ожиданием вспышки, понемногу оживились, забегали.

«Почему бомба ещё не взорвалась? Она же работает. По крайней мере, что-то в ней деловито жужжит, причём ровно, без сбоев. И чья это бомба? Наша? Американская? Чья?»

Саня прищурился.

«Странно. Атомные вроде взрывают в воздухе на порядочной высоте. Всё-таки не сработала?»

Догадка не принесла ему никакого облегчения.

«Новую пришлют, если надо. А может, бомба вполне рабочая, просто замедленного действия, с таймером. Может, это он и жужжит. Но тогда чего ждут те, кто её сбросил? К нам вроде президент не собирался».

Саня прикинул, какие причины могли бы заставить противника сбросить атомную бомбу именно на Ольховку, но не придумал ни одной. Не бомбить же людей за то, что запомоили половину леса и Телефонку. А может, бомбу хотели сбросить на Волчанск, но промахнулись? До него всего-то шесть километров. Но, опять же, что там уничтожать? И так уже ничего не осталось – никаких бомб не понадобилось.

Вопросов было много, но с ответами не ладилось. И главное, что теперь делать?

А вот на этот вопрос был вполне очевидный ответ.

«Позвонить в полицию и рассказать про бомбу. И всё, дальше уже не твои проблемы».

Саня представил, что начнётся, когда обо всём узнают власти: район оцепят, всех эвакуируют куда-нибудь за тысячу километров, до кучи возьмут расписку о неразглашении, и это ещё если бомба не взорвётся. А она, сука, жужжит...

На телефоне у Сани было минус 12 копеек, поэтому он вышел из дома и твёрдо направился к забору. Шёл по-прежнему с аршином внутри, словно спина сопротивлялась всей тяжести навалившейся на него ответственности. И жгла его одна мыслишка: «Надо было сразу всем рассказать, а не рассиживаться...»

Соседи всё ещё барахтались на грядках: пожилой Андрей Ильич и оба его сына-переростка с жёнами. Вдоль их гаража выстроилась целая батарея под горло набитых мешков. Картошка в этом году хорошая – её много и почти вся крупная.

– Всем здравствуйте, – сказал Александр, и сразу обратился к главе семьи. – Андрей Ильич, одолжи телефон на минуту. Надо в полицию позвонить.

Хомутов-старший прислонил лопату к забору и посмотрел на Саню с неприязнью.

– Чего?

– Полицию надо вызвать. Срочно.

– А что за дела?

– Тут, в общем... Это... В лесу ядерная бомба валяется. На меня чуть не упала.

– Да ты что? – Андрей Ильич округлил глаза. – Большая, наверное?

Саня сжал зубы.

– Немаленькая.

Сыновья-Хомутовы засмеялись, а жёны как-то притихли, с опаской глядя на мужика: псих или нет? Что он задумал?

– Ну, если «немаленькая», то менты скоро сами приедут, – сказал Андрей Ильич. – И военные тоже, так что не беспокойся.

– Если не веришь, пошли со мной, покажу.

– Да не хочу я с тобой по лесам шастать. Денежки-то когда будешь возвращать?

– Обязательно верну, а сейчас мне нужен телефон! Это не шутки. Или сам позвони, если боишься, что я с ним убегу.

– Ага, чтобы меня потом таскали за твои бредни? Вали-ка ты обратно в свой барак.

– Из-за тебя все в округе сгорят к чёртовой матери! И здесь, и в городе!

– Ты уже и мощность рассчитал? – улыбнулся Хомутов.

Саня махнул рукой и направился к живущей через дорогу Зое Васильевне Петрошкиной – одинокой пенсионерке и бывшей самогонщице. Постучал в дверь.

Тишина.

Саня постучал сильнее, нервно переминаясь с ноги на ногу. В его сознании настойчиво поднимался ядерный гриб, и с каждой упущенной секундой он расцветал всё ярче.

За дверью слышались шаги. Глухой, заспанный голос:

– Кто?

– Сашка.

– Денег нет!

– Я не за деньгами. Мне позвонить нужно!

– Что?

– Позвонить, говорю, нужно. Зоя Васильевна, это срочно.

– Не получится, денег нет.

– Так у вас же стационар!

– Отключили, волки, за два месяца... А что случилось-то?

– Да ядерная бомба в лесу. Лежит. Если вам есть, куда податься, лучше уезжайте подальше прямо сейчас.

Зоя Васильевна усмехнулась:

– Ты, Санька, решил мой дом обнести?

Александр упёрся лбом в дверь и вздохнул:

– Да не нужно мне ваше барахло... В лесу бомба, понимаете? Атомная. Без шуток.

– Грабь кого-нибудь другого. А если будешь барабанить и дальше, я возьму Пашино ружьё. Иди отсюда, не работь.

Времени на споры не было – Саня чувствовал это каждой клеткой своего существа, поэтому он молча развернулся и двинул дальше по улице.

С каждым его шагом сопротивление только возрастало. Со всех сторон звенели цепи – хозяева отпускали собак. Похоже, Хомутов всё-таки позвонил, и явно не в полицию. Саня даже понял примерно, что он говорил: «Этот придурок совсем поехал кукушкой – ходит по домам и требует у всех телефон. Предлог идиотский. Лучше сидите дома от греха подальше».

Спору нет, про бомбу он ляпнул напрасно. Надо было соврать что-нибудь про кражу или пожар в бывшей котельной – да про что угодно.

Александр остановился. Надо решить, что делать дальше.

В метре от него злющий парамоновский Пират надсадно лаял, поставив на ограду передние лапы.

Перед глазами возник образ Промокашки: «Собака лаяла... На дядю-фраера...»

– Хочешь перегрызть мне горло? – спросил Саня и чуть наклонился вперёд, к мокрой лапающей пасти. Ему вдруг стало весело. Какая-то удивительная метаморфоза происходила с ним в эти минуты: несмотря на ощущение абсолютной опасности, нависшей, без преувеличения, над целым краем, у него словно камень с души упал – он как будто стал собраннее, энергичнее, злее. Наконец-то жизнь приобрела отчётливый смысл. Появилась цель.

Саня понял, что есть только один способ убедить всех в существовании бомбы: её нужно приволочь в посёлок.

3

В дверь постучали. Серёга положил паяльник на подставку, вышел в сени и открыл. На пороге стоял Саня. Сразу было видно, что настроен он решительно. Особенно Серёгу удивили его глаза: они уже не бегали по углам, как раньше, а смотрели в душу, прямо и твёрдо.

Саня даже не поздоровался:

– Деньги на телефоне есть?

– У меня и телефона-то нет. С тобой же сдавали. Забыл уже?

– А, ладно, – махнул рукой Саня. – Давай тогда свою тачку. Только быстро.

– За каким хреном?

– Долго рассказывать. Если хочешь посмотреть сам, пошли со мной.

Серёга дёрнул щекой, молча прошёл мимо Сани и спустился с расшатанного крыльца. Саня пошёл следом.

– А что это канифолью прёт? – спросил он.

– «Таурус» паяю, – ответил Серёга, направляясь к сараю. – Может, получится загнать кому-нибудь. Антиквариат всё-таки. Ты, случаем, на Телефонке вчера-сегодня не был?

– Да нет, а что? – соврал Саня, но щёки под рыжеватой щетиной слегка покраснели.

– Может, кинескоп какой видел... Родной не фурычит.

– А ты в курсе, что сейчас везде уже цифра? Никому твой телек не понадобится.

– Дурак ты. Антикварными вещами и так никто не пользуется. Главное, чтобы в принципе работал.

Они вошли в сарай. На балке под потолком висела задубевшая коровья шкура, а в углу стояли баллоны с пропаном и кислородом. Газовый резак лежал на монструозной трёхколёсной тачке. Серёга соорудил её из четырёх тяжёлых решёток, сваренных, в свою очередь, из арматурин. А колёса раньше стояли на мотоблоке.

– Куда пойдём-то? – спросил он.

– В лес. Это минут десять ходу. И верёвку найди, пригодится.

Пять минут спустя Ольховку накрыл лязгающий грохот: понимая, что тащить такого динозавра через поле совсем не вариант, напарники решили сделать крюк по объездной дороге. Иногда через гром и дрыз-

ги пробивалось бурчание Серёгина живота. Держался он, впрочем, с достоинством – с вопросами не лез и вообще делал вид, что всё это ему не очень интересно.

Когда они съехали с дороги и покатили в лес, тачка, и без того не подарок, окончательно превратилась в орудие пыток. Проклятая то и дело застревала своим широченным тазом между двух осин, вязла в подлеске, толкалась и буксовала, брыкалась на каждой кочке и в каждой впадине, била по ногам, обдирала кожу. Мужики возились с ней, как грешники в аду.

– Как ты ещё баллоны свои не продал, антиквар? – спросил Саня, с трудом переводя дыхание. – Жрать-то, поди, тоже нечего?

– Держусь пока. Ладно ещё, если б с газом были – там уже на доньшке.

– Слушай, у тебя сигареты есть?

– Три штуки осталось.

– Угостишь?

– А мы долго ещё корячиться будем?

– Да уже всё. Вон она.

– Кто «она»?

Серёга посмотрел туда же, куда и Саня.

Из шиповника торчала бомба. По ней ползали сонные муравьи.

– Ого.

Безо всякого намёка на страх Серёга подошёл к бомбе, хозяйски осмотрел её и постучал кулаком по корпусу.

– Атомная?

Саня кивнул и прошёлся пальцем по хвостовому оперению. Несмотря на зыбкие тринадцать градусов и налетающий ветер, бомба была тёплой.

Серёга вытащил из кармана мятую пачку, сунул в рот сигарету и протянул одну Сане.

– И что ты собираешься с нею делать? – спросил он.

– Выкурю.

– Я про бомбу.

– Думаю в посёлок отвезти, – ответил Саня, подставляя сигарету под огонёк. – А то ведь не верят, собаки. Так хоть полицию вызовут.

– Тоже вариант, – кивнул Серёга.

– «Тоже»? А ты что предлагаешь?

– Да ничего пока. Смотри-ка, жужжит. Рабочая.

Он любовно погладил бомбу, а Саня нахмурился.

«Приехали, – подумал он. – Кажись, ревную её к чужим рукам».

– Тебе, кстати, деньги-то не вернули? – спросил Серёга.

– Не-а, – Саня стряхнул пепел.

Речь шла о весенней вахте на газопроводе, где Саня отрубил три месяца стропальщиком и разнорабочим. Его там попросту кинули – ни обещанной униформы, ни зарплаты.

– А есть-то хочется, – сказал Серёга, взглянул на знак радиации и вздохнул.

– Ты всё-таки на что-то намекаешь. Продать её, что ли, вздумал?

Саня аж рассмеялся. Барыжить атомной бомбой там, где самая крупная сделка – урвать колесо от КамАЗа по цене велосипедного? Это сильно.

– А за сколько бы ты её продал? – поинтересовался он.

– Это смотря кому.

– Ну, допустим, военным ты её просто так отдашь, за спасибо. А потом ещё посидишь немного. Но там хотя бы кормят. А вот Семёнову, например?

– Ему?

Серёга, у которого с фантазией было туговато, бухнул банальное:

– Миллион.

– Да он её на выстрел к себе не подпустит. Это же срок.

– Тогда не знаю.

– Короче, давай грузить. А то рванёт, пока мы тут языками чешем.

Саня дважды пропустил верёвку через лопасти оперения, дал один конец Серёге и взялся сам. Пятки упёрлись в хвойный ковёр и начали погружаться в почву – бомба шла с большой натугой. Саня прикусил губу. Верёвка больно впилась в ладони.

– Бомба, – сказал он. – Я тебя очень люблю и уважаю. Но я увезу тебя в посёлок прежде, чем настанет вечер.

– Чего ты там бормочешь? – не понял Серёга.

– Да так... «Старик и море».

– Тяжёлая, зараза, – пропыхтел Серёга. – Сколько в ней, интересно?

– Килотонн двести.

Они едва не сорвали себе спины, но с помощью берёзы и самых крепких слов уложили-таки бомбу в тачку.

– Ну, ещё перекур и двинем.

И они закурили на двоих последнюю сигарету.

4

День уже клонился к вечеру, когда мужики вернулись в посёлок – грязные, измочаленные, смертельно уставшие. Животы к спине прилипли.

– Куда первым делом? – спросил Серёга.

– Хорошо бы к Хомутовым, но сил уже нет. Давай вон к Петрову.

– Давай.

Мужики вошли в небольшой аккуратный дворик с выложенной из плитняка дорожкой и постучали к Петрову. Тот открыл и вопросительно поднял брови.

– Сеня, дай нам телефон и что-нибудь поесть.

Семён Иванович несколько опешил от такой наглости.

– С какой это радости?

– А вон с какой, – Саня показал на тачку.

– И что это там?

– Глаза-то разуй. Бомба. Атомная. Надо полицию звать.

– Атомная?

– Вполне, – ответил Серёга.

– Чем докажете? Я такую же могу слепить, если неделю голодом посижу.

– Так иди и посмотри. Можешь даже облапать, если хочется. Настоящая.

Петров сделал было шаг на улицу, но сразу передумал: перед ним стояли два грязных мужика, готовых, судя по виду, на что угодно, а дома жена и неплохой холодильник.

– Лучше бы вам, парни, зайти к кому-нибудь другому.

– Да ты издеваешься, дед. Она же в любую секунду рва...

Дверь захлопнулась перед самым носом.

– Это уже не смешно, – сказал Саня. – Что-то мне подсказывает, зря мы горбатились.

– погоди, – остановил его Серёга. – Нам же полиция нужна, так?

– Ну.

– Будет.

Серёга поднял с обочины камень и швырнул его Петровым в окно. Оно лопнуло с оглушительным звоном. Заголосили собаки.

– Вы чего творите, скоты? – заорал Семён Иванович из проёма.

Серёга облокотился о бомбу.

– Вызывай полицию, старый баран. Просили же.

– Щас вызову, твари.

Саня обеспокоенно взглянул на товарища. Тот ухмылялся.

– Не бойсь. Если сдадим бомбу, нам всё простят и даже нагр...

Серёга не договорил: он вдруг перестал улыбаться, и глаза его распахнулись.

– ЛОЖИСЬ!

Саня упал, и как раз вовремя – раздался выстрел. Что-то звонко чиркнуло совсем рядом.

Тут же прозвучал второй выстрел, и бомба дёрнулась. Серёга знал, что у Петрова двустволка и на перезарядку уйдёт какое-то время, поэтому вскочил на ноги. Усталость как рукой сняло.

– Ты в своём уме, придурок?! По атомной бомбе стрелять?!

– По вам не попал, – донеслось из разбитого окна. – Но сейчас, гады, получите...

– Двигаем, – коротко приказал Серёга и первым нажал на телегу. – Быстрее, блин, пока этот дятел в спину не засадил.

Саня, едва не раскroивший лоб о щебёнку, встал рядом и тоже поднажал. Сообща они сдвинули тачку с места и пошли вдоль дороги, прикрываясь бомбой, как вагонеткой – мало ли, дед снова начнёт стрелять.

– У кого тут нет ружья? – спросил Саня. – Мне уже второй раз за день угрожают.

– Да чёрт его знает. Жрать охота... Может, к Боговой заглянем?

– Ружья у неё, может, и не будет, но вилы найдутся. Вилы, а не борщ.

– Ну, денег попросим. Нам поесть надо, на святое дело идём. Она женщина слабая и набожная, а у нас атомная бомба.

План Серёги был настолько прост, что свободно бы уложился в одну-единственную газетную строчку: «Угрожая атомной бомбой, злоумышленник похитил у потерпевшей серёжки, обручальное кольцо и денежные средства на сумму 670 рублей».

– На грабёж не пойду, – заявил Саня.

– Смотри-ка, это не Володька чешет?

Саня прищурился. Впереди шла ещё одна фигура с тачкой – только в ней, судя по всему, бугрилась картошка.

– Вроде он.

– Эй, Вова! погоди! Шевели булками, Саня.

– Вам чего? – спросил Володя и с недоверием посмотрел на Александра, про которого в посёлке уже несколько часов ходили странные слухи.

– Ты жить хочешь? – спросил Серёга.

– Нет.

Ответ сразил Серёгу наповал.

– Почему?

– Какая тебе разница?

– Он с женой разошёлся, – пробормотал Саня.
Серёга кивнул.
– Дай-ка на минуту свой телефон, а не то я взорву бомбу, – неуверенно приказал он. – Ядерную. Вот она, полюбуйся.
– Взрывай, – спокойно ответил Владимир.
– И взорву.
– Взрывай.
– Не веришь, что ли?
– Верю. Давай.

Серёга поднял с земли булыжник («Кажется, сегодня мы перешуруем все камни в деревне», – с горечью подумал Саня) и ударил им по бомбе. Она звякнула. Серёга игранул желваками и снова ударил.

Володя ждал.

Серёга нанёс очередной удар. В темнеющем воздухе сверкнула и погасла крохотная искра. Тогда мужик зарычал и принялся дубасить бомбу безостановочно.

– Да хорош уже, пойдём, – Саня попытался оттащить друга от неё, но тот отбил его руку в сторону – совсем остервенел.

Володя спокойно смотрел на это представление и жевал травинку.

– Что-то не взрывается, – отметил он. – Бракованная, наверное. Вы её в костёр бросьте, парни. Как шифер.

И добавил:

– Если нужен телефон, так бы и попросили. Безо всей этой клоунады.

С этими словами он протянул героям свой старый кнопочник, и Саня от неожиданности онемел.

– Ну чего встал, – сказал Серёга, дую на распухшие пальцы. – Набирай давай.

Саня набрал 02 и нажал вызов.

– Неправильно набран номер, – сообщил женский голос.

– Чёрт. Как им с сотового звонить?

– Не знаю, – ответил Серёга. – Вов, ты не в курсе?

– Нет. Даже как-то не задумывался. А бомба настоящая, что ли?

– Да нет, конечно! Что ты? Кукла. Год собирали, потом шлифовали месяц – только чтобы тебя разыграть.

– Если настоящая, что ж ты лупил по ней со всей дури? А если взорвётся?

– Ой, лучше заткнись, гений, – глаза Серёги сузились. – У нас и так был тяжёлый день.

– Оно и видно. Это из-за вас была стрельба только что?

– Да, – ответил Саня. – Как набрать-то, ёлки зелёные?

– Попробуй, не знаю, 002, – посоветовал Серёга.

Тык-тык-тык.

– Набранный вами номер не существует, – ответил женский голос.

– Пробуй другие варианты, – нетерпеливо сказал Серёга. – Вова, у тебя пожарить ничего нету? Ноги подкашиваются.

– Картошка вот. Могу дать ведёрко. Просто так.

– Спасибо. Слушай, если есть, куда уехать, лучше езжай. Сам понимаешь – хрен его знает, чем тут всё кончится.

– Неправильно набран номер, – донеслось со стороны Сани.

– Да мне особо некуда ехать. К Катке я точно не вернусь.

– Ну, смотри сам. У тебя мотоцикл не на ходу?

– Да какой там... – Вова махнул рукой.

– Ладно.

Тут подошёл Саня и молча протянул Володе телефон.

– Что такое? – спросил Серёга.

– Сдох, – ответил Саня, и вся усталость этого невыносимо долгого абсурдного дня навалилась на него с утроенной силой. Но хуже всего было ощущение бессилия – примерно как во сне, когда пытаешься догнать своё счастье, и не можешь.

– Приплыли, – сказал Серёга. – Всё, короче. Хватит. Пошли хоть картошку сварим.

5

Они дотолкали бомбу до Серёгина дома, сварили картошку, наскоро поели, а потом Саня ушёл к себе и проспал до трёх часов дня.

Пробуждение было тяжёлым – болело всё тело. За окном накрапывал дождь. Всё как обычно: соседи рассыпались по огородам, коровы мычали, Пират облаивал обнаглевшую ворону.

«Надо же, мир ещё на месте», – подумал Александр, натянул сапоги и пошёл к Серёге.

Полицейских не было. Саня усмехнулся – подумал, что Петров тоже не смог набрать номер правильно.

Через минуту он поднялся на Серёгино крыльцо и уже хотел постучать, как услышал за домом характерные звуки: это работала газовая горелка. Почуввав недоброе, Саня метнулся к сараю – дверь была открыта, – ворвался внутрь и замер. Сердце обрушилось куда-то в кишки.

Она по-прежнему покоилась в телеге, внушительно-большая и тяжёлая, вот только часть её круглого зелёного корпуса теперь лежала возле колёс, и над распахнутым медно-серебристым нутром склонился Серёга – в одной руке он держал резак, а свободной вытягивал из бомбы провода. Рукава его куртки были измазаны каким-то белым порошком.

– Отойди от неё, идиот, – прошептал Саня. У него закружилась голова.

Серёга повернулся к нему и приподнял сварочную маску. Лицо было покрыто загаром, которого не было ещё вчера, а правый глаз кровоточил.

– Чего? – спросил он. Голос был, как у пьяного.

– Отойди от неё, – повторил Саня и вдруг осознал, что бомба уже не жужжит.

– Ментов ещё нету? Если нагрянут, мы её пытаемся разминировать. Ферштейн?

– Ты умираешь.

– Плутоний, или что там внутри, я особо не трогал, его нам всё равно не сбавить, но вот это... – Серёга кивнул на отрезок обшивки. – Это дюралька, 75 рублей кило. И проводов чёрт-те сколько. Так что сегодня пи... пируем...

Он чихнул, и в воздухе повисло облачко красного тумана.

– Лучше б ты и дальше паял свой «Таурис», – проворчал Саня, устало бухнулся на чурбак и прошёлся пятернёй по волосам. Они посыпались, как осенние листья.

Алексей УЛИТИН

Родился в 1981 году в городе Горьком. Окончил физико-технический факультета Нижегородского технического университета им Р.Е. Алексеева. В настоящее время – преподаватель кафедры «Прикладная математика» НГТУ.

Поэт, прозаик. Участник Всероссийских слетов молодых литераторов в Большом Болдине (2017, 2018, 2019). В 2018 в соавторстве с Вероникой Светлойровой выпустил первый сборник рассказов «Через 2000 лет». Живет в Нижнем Новгороде.

НЕЖДАННЫЙ ГОСТЬ

Звонок в дверь заставляет меня вспомнить о том, кто я такой. И о своих обязанностях по дому. Обилие немецкой крови в венах и чисто английские вышколенность и исполнительность проявляют себя при любых обстоятельствах и в любой стране мира, куда бы ни занесла судьба того, кому я служу. Вот почему я степенно иду к входной двери и замираю перед ней, как часовой на своём боевом посту. Открывать дверь я не буду. Круг моих обязанностей несколько иной.

Интересно, кто на этот раз стоит за дверью, кто осмелился потревожить наш покой: Гость или проситель? Многих видели мои глаза как из первой, так и из второй категории. Ах, да, могут быть ещё журналисты...

За всё своё время службы я уяснил одно: первый вариант всегда предпочтительнее. Гость вежлив, дружелюбен, держится с достоинством, обстановка в доме царит самая благоприятная. И моя задача – сопроводить того, кому я служу, и его гостя в гостиную, и оставить их там обсуждать за кофе и сигарами прошедшие и предстоящие гастроли, новые творческие идеи, светоосвещение, парики и киноленты. Настоящая богемная жизнь актёра с мировым именем, чьё имя не сходит с афиш крупнейших городов мира и кого будут рады видеть не только сцены, но и аристократические ложи самых именитых театров, состоит порой вот из таких посиделок, в ходе которых рождаются самые настоящие шедевры. Выпровождать таких людей на улицу не приходится, а лишь вновь сопровождать. Никаких особых хлопот. Да и внимание мне уделяется ровно столько, сколько надо. Ни больше ни меньше, чему я только рад.

Журналисты. Вот тут как повезёт. Если журналист является ещё и гостем – всё прекрасно. И даже если нет, не факт, что будет плохо. Просто порядки здесь, в Советской России, несколько иные, чем в Европе.

Не все меня воспринимают адекватно. Ну и ладно. Моя задача даже в таких случаях максимум – тряхнуть головой, сохраняя невозмутимость. Что мне с того, что они скажут про меня ерунду, вроде «Какой славный мальчуган!», «О, какая черная ливрея на нём, совсем вы, Василий Иванович, обуржуазились...» Всё равно через пару минут будут сидеть и беседовать в гостинной, мигом забыв про меня.

А вот просители... кошмар! Нервные, готовые то заискивать даже передо мной, то шикнуть. Причём второй вариант лучше первого. Почему? Да потому, что они зачастую приходят пьяные и норовят то щёки потрепать, то в лоб или нос поцеловать. И ладно бы женщины, а то – мужчины! Нет ничего хуже! Фу...

Итак, дверь отворили без моего участия, и через порог переступает... Гость... Ой, нет! Кажется, на этот раз – проситель. Или... я запутался! Просто в прошлый раз этот посетитель пришёл как гость, ну или почти как гость. Веселый, но тактичный, экстравагантный, но не эксцентричный, солнечный, причём абсолютно трезвый. И по речи, и по поведению. И только я на самом-самом дне голубоводных глаз гостя видел сгустки отступившей черноты. Не так-то легко он вжился в новый для себя образ, но эту попытку можно смело зачесть.

Браво! Именно так и сказал ему Василий Иванович, обменявшись крепким рукопожатием, неделю назад. Прекрасно помню, что приём ему был оказан на самом высоком уровне, хотя статус того, кому я служу, значительно выше.

А вот сейчас – даже не знаю. Странное есть свойство у человеческой природы – маски менять от случая к случаю. Впрочем, это касается лишь взрослых.

– Какими судьбами, мой друг? Проходи в дом, в ногах правды нет...

– Да вот, решил зайти. Я же человек чести. Раз имел неосторожность обещать – значит должен исполнить. И вот я здесь.

Я напрягся. Подобную развязность себе позволяли лишь просители. Каково будет решение: сопроводить или выпроводить? Вошедший посетитель переключил своё внимание на меня и присел на корточки. Всё же мой рост ещё мал.

– И ты здесь, будущий, судя по имени, морской волк? Давай я и с тобой поздороваюсь по русскому обычаю. Пусть в «Европах» так не принято, но у нас иные правила. Тем более что сегодня я снова здесь только благодаря тебе.

Его искреннее рукопожатие так трогает меня, что я даже не знаю, что мне делать. Радоваться? Смущаться? Огорчиться? Ведь по нему видно, что пусть не сейчас, но буквально дня два назад он «гостил у Бахуса», как обычно говорят о подобных просителях в гостинной дома. Что будет дальше?

– В таком случае пройдем в гостиную. Не у дверей же о высоком беседе вести. Не будем оскорблять непочтением наших муз, – соглашается впустить посетителя тот, кому я служу.

– Прекрасно! – восклицает гость и, уже оборачиваясь ко мне, спрашивает: – А ты нас, литературный герой, проводишь?

Я коротко киваю в знак согласия своей головой и уже через минуту иду рядом с гостем к гостинной. Всё верно! Меня и правда называли в честь героя Стивенсона, ты прав, о солнечный блондин с такими глубокими голубыми глазами. Наш добродушный Сергей Александрович. Есенин.

Из будущих книг

Захар ПРИЛЕПИН

Родился в 1975 году в деревне Ильинке Рязанской области. Окончил Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, филологический факультет. Работал разнорабочим, охранником, служил командиром отделения в ОМОНе, принимал участие в боевых действиях в Чечне, работал журналистом. Занимал пост советника главы Донецкой Народной Республики Александра Захарченко, служил заместителем командира батальона спецназа по работе с личным составом армии ДНР.

Автор романов «Патологии», «Санька», «Грех», «Чёрная обезьяна», «Обитель», «Некоторые не попадут в ад», сборников прозы и публицистики. Лауреат многочисленных премий, в том числе премии «Ясная Поляна», «Супернабест», «Книга года» и «Большая книга», премии правительства России в области культуры.

Член Центрального штаба ОНФ. Живет в Нижнем Новгороде.

ЕСЕНИН. ОБЕЩАЯ ВСТРЕЧУ ВПЕРЕДИ

Фрагменты книги*

* * *

...сложная и порой болезненная тема: Есенин и церковь, Есенин и христианство.

Тема неприятия официальной церкви как института – вовсе не является приметой Есенина «советского», но заявлена несколько ранее.

Достаточно взглянуть на поразительные стихи Есенина 1916 года «Закружилась пряжа снежистого льна...»:

Пойти и рыдайте, ветры, на тропу,
Нечем нам на помин заплатить попу.
Слушай моё сердце, бедный человек,
Нам за гробом грусти не слышать вовек.
Как помрём – без пенья, под ветряный звон
Понесут нас в церковь на мирской канон.
Некому поплакать, некому кадить
Есть ли им охота даром приходить.

Когда, в 19-м, в пору имажинистских хулиганств, Есенин сотоварищи отправились расписывать стены Страстного монастыря – это было

* Книга готовится к выходу в издательстве «Молодая гвардия» осенью нынешнего года.

вовсе не предательство по отношению к целому циклу христианских поэм, созданных в минувшие два года, – а личный, давний, хотя и не без влияния Клюева, сложившийся скепсис по отношению к церкви «казённой».

Оказавшись в 22-м году за границей и узнав об аресте патриарха Тихона и начавшейся акции экспроприации церковных ценностей, Есенин отреагировал, по иным меркам, почти кощунственно.

А именно – и публично, в разговорах, и письменно объявляет: «Очень не люблю патриарха Тихона и жалею, что активно не мог принять участие в отображении церковных ценностей».

(Клюев, напомним, принимал.)

Свои объяснения есенинской позиции имеются и здесь.

Только в 1917–1918 гг. поместным собором и патриархом Тихоном было обнародовано 16 антисоветских посланий.

Зададимся вопросом: на чьей стороне тогда был Есенин – патриарха или советской власти? Ответ очевиден. Раздражение его на церковных иерархов родилось не вчера.

В период нахождения Есенина за границей в Советской России случился неурожай и начался голод. Советская власть обратилась к Русской православной церкви с просьбой дать – здесь внимание: взаймы – государству предметы из золота, серебра и драгоценных камней. Драгоценности были необходимы для закупки продовольствия за рубежом. Патриарх Тихон отказался участвовать в этих договорённостях, назвав саму просьбу святотатством.

Когда ясен контекст – позиция Есенина становится если не просительной, то как минимум объяснимой.

Свой контекст и у злых строк маленькой поэмы «Русь бесприютная» (1924):

Ирония судьбы!
Мы все острожены.
Над старым твёрдо
Вставлен крепкий кол.
Но всё ж у нас
Монашеские общины
С «аминем» ставят
Каждый протокол.

И говорят,
Забыв о днях опасных:
«Уж как мы их...
Не в пух, а прямо в прах...
Пятнадцать штук
Я сам зарезал красных,
Да столько ж каждый,
Всякий наш монах».

Россия-мать!
Прости меня,
Прости.
Но эту дикость, подлую и злую,
Я на своём недлительном пути
Не приголублю
И не поцелую.

Позже забылся и этот контекст, но в 1924 году ни для кого секретом не была массовая поддержка духовенством Белого движения. Поддержка имела вполне понятные причины, и тем не менее: Есенин был в другом лагере. И там, где был Есенин, отлично знали, что многие монастыри служили пристанищем белогвардейцам, у Колчака воевали сформированные при помощи духовенства «Полк Иисуса», «Полк Богородицы», «Полк Ильи Пророка», а под Царицыном – «Полк Христа-Спасителя», состоявший исключительно из лиц духовного звания.

Если попытаться взять шире, Есенин выступал не столько против церкви и уж точно не против православия – но против того, что Христа несут на знамёнах те, кто по мнению поэта, права на это не имел.

Он себя – себя! – видел пророком правды Христовой.

* * *

По количеству наименований (но не по объёму) Есенин имажинистский, Есенин лирический, обращённый к женщине и даже, наконец, Есенин советский, – проигрывает Есенину – как христианскому поэту.

Есенин – автор внушительного религиозного наследия: по меньшей мере, сорока пяти стихотворений и маленьких поэм (даже исключая несколько, безусловно религиозных, но вместе с тем – выходящих слишком далеко за пределы канона, революционных поэм 17–18 гг.).

Странно, что до сих пор нет отдельного издания христианской лирики Есенина.

В русской литературе сочинителей, внесших такой огромный вклад в христианскую поэзию, – по пальцам сосчитать. А сочинителей уровня Есенина – и того меньше.

В 1924 году готовя первый том собрания сочинений, Есенин перечитал написанное им – и сам удивился, что он – религиозный поэт.

Пришлось в предисловии объясняться: «Отрицать я в себе этого этапа не могу так же, как и всё человечество не может смыть периоды двух тысяч лет христианской культуры...» – и предлагал воспринимать написанное тогда, как «сказочное в поэзии».

Есенин лукавил.

Самое замечательное, что это даже критика отлично понимала.

И советская, и эмигрантская.

Поэт Александр Туринцев в статье «Поэзия современной России» (журнал «Своими путями», Прага, 1925, № 6–7) писал: «Нет, сколько бы ни извинялся Есенин... за “самый щекотливый этап” свой – религиозность, сколько бы ни просил читателя “относиться ко всем моим Иисусам, Божьим матерям и Миколам, как к сказочному в поэзии”, для нас ясно: весь религиозный строй души его к куцему позитивизму сведён быть не может... По-прежнему взыскует он нездешних “неведомых пределов”. Неизменна его религиозная устремлённость, порыв к Божеству, меняется лишь внутреннее освещение...»

На свой лад ему вторил оголтелый советский критик Георгий Покровский в своей книге «Есенин – есенинщина – религия» (М.: Атеист, 1926): «...религиозные настроения красной (вернее, чёрной) нитью проходят через всё его творчество. Распустившись махровым цветком в питательной среде петербургского мистицизма, они видоизменяются применительно к условиям революционного момента, загоняются внутрь, приглушаются в период бурной реакции хулиганского периода и оживают в туманной, мистической форме последнего, упадочного пе-

риода. Прodelать такую эволюцию и сохраниться в условиях революционной ломки, когда очень и очень многие переоценили свои бывшие ценности и, в частности, религиозные, они могли только в том случае, если они были не привходящие, не наносные, а глубоко коренились во всей его психике, вскормленной древней народной религиозностью...»

Всё так, всё так. «Глубоко коренились в психике» и были вскормлены «народной религиозностью».

Религиозность начального этапа есенинского творчества словно бы гласит: русские – православные от природы и в природе.

На поля смотрят как богомольцы, причащаются у ручья.

Это не вполне пантеизм, как Леонид Каннегисер уверял Есенина.

Это обычная, органичная, спокойная уверенность, что Бог здесь, Бог везде.

Есенинское православие почти всегда бессюжетно и созерцательно.

Задымился вечер, дремлет кот на бруссе.

Кто-то помолился: «Господи Иисусе».

.....

Закадили дымом под росую роши...

В сердце почивают тишина и мощи.

(«Задымился вечер...», 1912)

Православное сознание для него в то время – обыденно как дыхание.

Проникновенная, тёплая, сердечная религиозность.

Пахнущая простором, полем, дрожанием огня, хлебом.

Трудом и богомольной дорогой русского человека, наконец.

По тебе ль, моей сторонке,

В половодье каждый год

С подожочка и котомки

Богомольный льётся пот.

Лица пыльны, загорелы,

Веки выглодала даль,

И впилась в худое тело

Спаса кроткого печаль.

(«Сторона ль моя, сторонка...», 1914)

В том, что если случится пришествие Спаса, русский человек Его опознает, – Есенин нисколько не сомневался.

Вспомним стихи «Шёл Господь пытаться людей в любви...» (1914) – где даже нищий, встретившийся Ему на пути, делится с ним краюхой.

Более того, Господа опознаёт и жалеет даже русская природа:

Схимник-ветер шагом осторожным

Мнёт листву по выступам дорожным

И целует на рябиновом кусту

Язвы красные незримому Христу.

(«Осень», 1914)

И разглядев Его, наша природа ликует:

Прошлогодний лист в овраге
Средь кустов, как ворох меди.
Кто-то в солнечной сермяге
На ослёнке рыжем едет.

Прядь волос нежней кудели,
Но лицо его туманно.
Никнут сосны, никнут ели
И кричат ему: «Осанна!»

(«Сохнет стаявшая глина...», 1914)

Если когда-то и был Есенин счастлив по-настоящему, то в те дни, когда открылся его дар – а он ещё не придумал, что с ним делать. Дар ещё не висел на слабом человеке страшным грузом – а только обещал полёт и радость.

Чую радуницу Божью –
Не напрасно я живу,
Поклоняюсь придорожью,
Припадаю на траву.

Между сосен, между ёлок,
Меж берёз кудрявых бус,
Под венком, в кольце иголок,
Мне мерещится Иисус.

Он зовёт меня в дубровы,
Как во царствие небес,
И горит в парче лиловой
Облаками крытый лес.

Голубиный дух от Бога,
Словно огненный язык,
Завладел моей дорогой,
Заглушил мой слабый крик.

Льётся пламя в бездну зренья,
В сердце радость детских снов.
Я поверил от рожденья
В Богородицын покров.

(«Чую радуницу Божью...», 1914)

Он знал, Кому обязан даром.
Он только боялся, что не сумеет отблагодарить.

И в каждом страннике убогом
Я визнавать пойду с тоской,
Не Помазуемый ли Богом
Стучит берестяной клюкой.

И может быть, пройду я мимо
И не замечу в тайный час,
Что в елях – крылья херувима,
А под пеньком – голодный Спас.

(«Не ветры осыпают пущи...», 1914)

Так заявляется тема страшнейшей его богооставленности: «...может быть, пройду я мимо».

С какого-то момента в стихи Есенина приходит тема монашества: там хотя бы не так страшит вероятность пропустить «тайный час».

В стремлении к монашеству есть много «поэтического», в какой-то степени, быть может, игрового – но есть, безусловно, не только это.

Да, внешние есенинские ставки были на удачу, на «оригинальность», но мы должны видеть глубже – в конце концов, мы знаем итог этого пути, огромность вложений и необъятность душевных растрат.

Кажется, можно себе вообразить Есенина – монахом: равно как и, скажем, Гоголя, Лермонтова, Достоевского, Гаршина, даже Льва Толстого. В этом есть какой-то важный признак русской литературы: её внутренней сдержанности, обращённости к потустороннему, способности к преодолению человеческого, молитвенной собранности.

Уже давно мне стала сниться
Полей малиновая ширь,
Тебе – высокая светлица,
А мне – далёкий монастырь.

(«Опять раскинулся узорно...», 1916)

Пойду в скуфье смиренным иноком
Иль белобрысым босяком
Туда, где льётся по равнинам
Берёзовое молоко.

(«Пойду в скуфье смиренным иноком...», 1914)

Не за песни весны над равниною
Дорога мне зелёная ширь –
Полюбил я тоской журавлиною
На высокой горе монастырь.

(«За горами, за жёлтыми долами...», 1916)

Все три фрагменты объединяет одно – растворённость монастырского, богомольного труда – в природе: везде монастырь соседствует с ширью, равнинами, полем – он и сам будто часть природы. И даже стремление к нему: «журавлиное».

Но в том же 1916-м, зимой, Есенин вдруг – в самый разгар бесконечной уже войны, – вдруг пророчествует о скорых переменах:

Встань, пришло исцеленье,
Навестил тебя Спас.
Лебединое пенье
Нежит радугу глаз.

Дня закатного жертва
Искупила весь грех.
Новой свежестью ветра
Пахнет зреющий снег.

(«Покраснела рябина...», 1916)

Что же? Что случится?

Предчувствия его – почти музыкальные. Приходят к человеку в состоянии полузабытья – и звучат:

Колокольчик среброзвонный,
Ты поёшь? Иль сердцу снится?
Свет от розовой иконы
На золотых моих ресницах.

Пусть не тот я нежный отрок
В голубином крыльев плеске,
Сон мой радостен и кроток
О нездешнем перелеске.

(«Колокольчик среброзвонный...», 1917)

И вновь – русский перелесок – как синоним рая.

Казалось бы, написавший эти стихи уже много согрешил в сознании своём («не тот я нежный отрок») – а кроток только во сне: но что-то звучащее неотсюда – обещает иную радость.

И – радость грянула.

Тучи с ожерёба
Ржут, как сто кобыл,
Плещет надо мною
Пламя красных крыл.

Небо словно вымя,
Звёзды как сосцы.
Пухнет Божье имя
В животе овцы.

Верю: завтра рано,
Чуть забрезжит свет,
Новый над туманом
Вспыхнет Назарет.

(«Тучи с ожерёба...», 1917)

Одному своему товарищу Есенин как-то признавался: «Школу я кончал церковноприходскую, и там нас Библией, как кашей кормили. И какая прекрасная книжица, если её глазами поэта прочесть! Было мне лет 12, и я всё думал: вот бы стать пророком и говорить такие слова, чтобы... за душу брало. Я из Исаяи целые страницы наизусть знал...»

И мыслил и читал я
По Библии ветров,
И пас со мной Исаяя
Моих золотых коров.

(«О пашины, пашины, пашины...», 1917)

Книга пророка Исаяи воистину поэтична и яростна; это один из самых жёстких в обличениях пророков – но Есенин верил, что даже с ним он в состоянии был бы найти общий пророческий язык: по одному же лужку гуляем.

Цикл религиозных поэм о революции выказывает безусловную осведомлённость Есенина в молебных песнопениях, в жанрах гимнографической поэзии – таких как тропарь, канон, псалом, акафист.

Происходящее он воспринял как Божественное откровение.

О, я верю – знать, за муки
Над пропащим мужиком
Кто-то ласковые руки
Проливает молоком.

(«Гляну в поле, гляну в небо...», 1917)

Есенин пророчествовал и верил.
Кажется, его пытались остановить.
Он сам рассказывал в стихах:

Отвори мне, страж заоблачный,
Голубые двери дня.
Белый ангел этой полночью
Моего увёл коня.

(«Отвори мне, страж заоблачный...», 1917)

Пророку Сергею был нужен конь, чтоб участвовать в переустройстве мира, чтоб вывести землю на колею иную. Страж заоблачный коня спрятал – хотел приберечь его от жесточайших разочарований.

«Нет, дай».

«Ну, на».

Теперь иные могут сказать, что Есенин был запутан нечистым, а пророчества его обернулись кошмаром.

С коня упал, голову разбил... Оглянулся – а вокруг цирк, и все хохочут.

Так было? Нет?

Рискнём ответить: мы слишком малый срок прошли, чтоб оказаться столь убеждёнными.

Есенинская правота на новом повороте земной оси может высветиться и засиять.

Ничего не потеряно.

Другой вопрос – что, золотолосый юноша двадцати двух лет, груз он взял неприподъёмный на себя.

За такую вовлечённость и чистоту – неизбежно приходится платить.

Отворили ему не голубые двери дня – а жилы голубые на руке.

* * *

В том же 17-м – когда ветры сияли и льды трещали – когда сердце колотилось и глаза были распахнуты, откуда-то, подспудная, вновь явилась та же тема, о которой вроде бы высказался уже ранее:

Свищет ветер под крутым забором,
Прячется в траву.
Знаю я, что пьяницей и вором
Век свой доживу.

.....

Верю я, как ликам чудотворным,
В мой потайный час
Он придёт бродягой подзаборным
Нерушимый Спас.
Но, быть может, в синих клочьях дыма
Тайноводных рек
Я пройду его с улыбкой пьяной мимо
Не узнав вовек.
Не блеснёт слеза в моих ресницах,
Не вспугнёт мечту.
Только радость синей голубицей
Канет в темноту.
И опять, как раньше, с дикой злостью
Запоёт тоска...
Пусть хоть ветер на моём погосте
Пляшет трепака.

(«Свищет ветер под крутым забором...», 1917)

Перед нами не просто повторение сюжета стихотворения трёхлетней давности – 1914 года – о том, как он – автор этих стихов – однажды пройдёт мимо, не узнав Христа.

Это – расширенное и уточнённое пророчество, удивительным образом отражающее ещё не написанные, не прожитые, не задуманные стихи.

Здесь появляется тема «пьяницы и вора» – на которой построена будет вся «Москва кабацкая», до которой оставалось ещё пять лет.

Здесь уже «свищет ветер» – из классического стихотворения 1925 года, начинающегося с тех же слов: «Свищет ветер, серебряный ветер...»

Автор сообщает: разлуку с Христом, богооставленность – я не переживу.

Характерно, что в этих стихах Христа он проглядит – оттого, что пьяный: хотя в 1917-м Есенин вообще почти не пил, пристрастия к этому не имел, и до начала его пьянства оставалось тоже как минимум года четыре.

Это будто бы и не стихи – а форточка в будущее. Тот самый ветер распахнул: и дал всё увидеть, – тоска давит, ветер танцует на неизбежном погосте.

Всё себе предсказав, Есенин как заговорённый пошёл к этому состоянию и настиг его.

В предчувствии погоста, как о великой благодати, попросил только об одном:

Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.

(«Мне осталась одна забава...», 1923)

Ответа не услышал.

Наверняка ответ был – но не услышал.

Решил, что этой благодати ему не будет. Радость голубицей канула во тьму.

В одном из последних своих стихотворений – «Не гляди на меня с упрёком», – написанном в том самом декабре 25-го, в психбольнице, – Есенин признается:

Если б не было ада и рая
Их бы выдумал сам человек...

Мы понимаем, что означают слова «если б не было...».

Они означают: ад и рай – есть.

Есенин верил в Бога до последнего своего дня.

Ему не надо было ничего выдумывать про ад и рай. Он знал.

Может, действительно, лучше сложилось бы, когда б тогда, в 1916 году, ушёл в монастырь?

...Но кто бы тогда все эти стихи написал?

Кто бы нас спасал, оставленных без его слова?

Без рая, о котором он рассказал, – и ада, который показал?

Показал прямо на себе.

Стихи по кругу

Алексей АНТОНОВ

г. Спас-Клепики, Рязанская область

* * *

Сам себя на своей же ладони
Положу перед ликом Творца.
И, склонившись в глубоком поклоне,
Никогда не покину Отца.

Но, наверно, безумная гордость
Эти звуки исторгла из уст.
Обрету ли духовную твёрдость
Непрестанно мятущихся чувств.

И услышу ли Божие Слово,
Пропитавшее истиной мир.
И созижду ли сердце Христово,
Над которым не властен кумир.

* * *

Мое проклятье – слово.
Всё сказанное – ложь.
Ведь в символах живого
Живого не найдёшь.

Но символ – это чудо,
Связующей межи,
Прорвавшее запруду
Очнувшейся души.

Ниспосланное свыше,
Дарованное нам.
Прошу вас – тише, тише.
Прислушайтесь к словам.

* * *

На осеннем ветру,
На открытом юру
Посредине судьбы
Я от счастья умру.
От тоски оживу
И отправлюсь в полет,

И дневная звезда
За собой позовет.
На осеннем ветру –
Тишины сквозняки.
На осеннем ветру –
Темноты светляки.
На осеннем ветру –
Мы кому-то нужны.
На осеннем ветру
Посреди тишины...

* * *

Блаженны нищие духом.

Изящных образов тщета
Лишь удаляет от Христа.
А их изысканная сложность
Являет полную ничтожность.
И только Истины ключи
Просты, чисты и горячи.

* * *

Оранжевой коры не греющий пожар.
И больше ничего не надо для картины.
И просто небеса – как молнии удар!
И просто белый снег, укутавший низину.

Вселенная проста по замыслу Творца.
Но кто же простоту познает до конца?

Пётр РОДИН

Воскресенское, Нижегородская область

У реки

Я к реке пошагал.
Знаю, солнце в лицо улыбнётся.
Гребни сосен в воде
Отраженье светила несут.
Хоть бы кто подсказал, сколь рассветов ещё остаётся
Мне апрелями мерить
Расплетённую речки косу.

Как же вспомнить я рад
Те залитые счастьем рассветы –
В них, как в вербной пурге,
Как недолго плутали же мы...
Две пичуги твердят, будто дразнятся: «Где ты?!»
Будто двое друг друга
Безнадёжно зовут из зимы...

На Ветлугу уйду,
И весна мне в лицо рассмеётся.
Льдины, льдины плывут,
Как степенные бабы в толпе.
Я рассвет украду, и ещё, может быть, доведётся
Жизни миг сторожить
На бегущей к Ветлуге тропе.

Валерий РУМЯНЦЕВ

Сочи

ХОККУ

* * *

Осень стучится
Дождиком робким в окно.
Дверь открываю.

* * *

Лунную тропку
Ветер сминает волной
В мире иллюзий.

* * *

Бледнеет небо.
Стая уток пронеслась
Вслед за надеждой.

* * *

Солнце уходит.
Полон шорохом воздух
От крыльев стрекоз.

* * *

Камень горячий.
Бабочка села на миг.
Тень подарила.

* * *

Тает снежинка.
Ладони берёт тепло,
Чтобы исчезнуть.

* * *

Залита солнцем
Лавка в саду городском.
Спят под ней тени.

Наталья ДВОРЯНКИНА

Нижний Новгород

Встреча

Облако. Дорога
Птица над холмом.
Поле, поле, поле...
Белый ветхий дом.
Тёплое окошко.
Ровные следы.
Ива. Речка. Лодка.
Жёлтые цветы.
Поезд. Рельсы. Портник.
Голубая даль.
Шляпка. Шарфик. Зонтик.
Лёгкая вуаль.
Станция. Тревога.
Фонари. Мосты.
Небо, небо, небо...
Перекрёсток –
Ты!

Татьяна КЛОКОВА

Владимир

Правда

утро вечера мудренее
было когда-то,
что-то случилось
с датами,
именами,
числами.

что-то случилось
с нами.

кто теперь здесь мудрее?
кто теперь виноватый?
если ночь так безжалостно
режет правду
внутренностей больных,
потрошит алкоголем душу.

я вставляю рулоны ваты в уши.
не хочу слышать правду.

мы и так её знаем.

Таисия ДЕМИДАНОВА*Нижний Новгород*

* * *

Силуэты людей едва вижу перед собой,
 Значит, ночь, значит, нет солнца и, конечно же, не грибной
 Пусть так.
 Все равно люблю это касание
 По моим векам, многое спрятавшим,
 По моим губам, вечно сильно искусанным.
 После этой нашей связи всегда обновление,
 словно не своими, но все же проплачусь.
 Наверное, в прошлой жизни я была рыбкой
 Или плантацией, или конфеткой, обязательно мятной.
 А еще эстетически темный асфальт гораздо приятнее.

* * *

Ах ты мой человек,
 Вместо сердца у тебя глаз.
 У тебя по руке начинает стекать
 То ли нефть, то ли кровь, то ли газ.
 Не разобрать.

Ах ты мой человек,
 мне до слез тебя жаль.
 Поскорее рисую тебе родник,
 Курагу и солнечную вертикаль.

Вот. И ты не один (я ведь есть?)
 Значит, я – не один, а Два.
 Слезы и смех, сила и боль, жаворонок-сова.

Олег ЗАХАРОВ*Кстово***Слова-паразиты**

*Всегда встречайте Новый год,
 Как в детстве, веря в чудо.
 И берегите сказку!.. Вот!..
 Без сказки в жизни худо!..*

Александр Ивушкин, Волоколамск

По ходу весть-то не нова,
 И истина избита,
 Что в речи как бы есть слова,
 Ну, типа – паразиты.

Как говорится, слов таких
 Буквально что есть мочи
 Вам надо это... в общем, их
 Ну... избегать, короче.

Они... ну, как бы вам сказать...
 Звучат, в натуре, скверно.
 Их лучше это... ну, не знать...
 ...Вот как-то так примерно.

А коль без них он не идёт –
 Рассказ или стихи там,
 Идите к Ивушкину. Вот!
 Он спец по паразитам.

Неподвластные деепричастия

*И заплачет ребёнком душа,
 Путь земной поутру заверша...*

Виктор Тихомиров-Тихвинский, г. Тихвин

Знал я школьником каждый предмет,
 А вот деепричастия – нет.
 Даже школу уже заверша,
 Я понять их не мог ни шиша.

Вроде деепричастья – пустяк,
 Только мне не даются никак.
 Даже в армии год отслужу,
 Жил я, с ними совсем не дружа.

Отработав в заводе года,
 Я не понял про них я и тогда.
 И с женой тридцать лет отмотав,
 Знал не больше о них, чем дитя.

Состарев и давно поседея,
 Над стихами годами сидя,
 Лишь сейчас, как поэт, удался,
 Как хоча, так стихи и пиися!

Весна в банковском секторе

*Снега набухли, но не почки.
 Не первый день весны. Сквозит.
 Ветров порывы ставят точку,
 Зимы закрылся депозит...*

Леонид Вересов, Череповец

Пришла весна! Явила милость!
 И для народов деловых

На ветках зелень появилась...
Под семь процентов годовых.

Ручьи монет порою вешней
Журчат, безудержно звеня.
Леса с полями всё бесснежней.
Вернулись с юга векселя.

Уж ипотекой птицы бредят.
Длиннее день, короче ночь.
И сальдо снизиться не прочь:
Вот-вот сойдутся дебит-кредит.

Влекут кредиты хлеборобов.
Им – хлеборобам – всё нужней
И девальвация сугробов,
И инвестиция дождей.

Хоть у поэта стих проснулся,
Не к месту сказанным словцом
Он к нам не сердцем повернулся,
А юридическим лицом!

А лодка где?

*Волга потеряла берега,
Мечется в своём морском просторе,
Мужичок на подвесном моторе
Правит прямо к чёрту на рога...*

Олег Рябов, Нижний Новгород

Одолеть стремнину и фарватер
Может он без лодки до сих пор.
Потому что очень даже кстати
Подвесной у Карлсона мотор.

Навстречу 800-летию Нижнего Новгорода: эпохи, судьбы, факты

Николай БЕНЕДИКТОВ

Российский политический деятель, философ, писатель. Родился в 1949 году в Горьком. Окончил историко-филологический факультет Горьковского государственного университета. Доктор философских наук, профессор. Избирался депутатом Государственной думы третьего и четвертого созывов.

Автор ряда книг, в том числе «Русские святыни» (Москва, 2003) – о системе ценностей русского народа. Член Союза писателей России. Живет в Нижнем Новгороде.

ЖИЛА БЫ СТРАНА РОДНАЯ...

Наброски к собирательному портрету нижегородца

Юбилей Нижнего Новгорода – великолепный повод поговорить о роли наших земляков в истории, подумать, кто таков нижегородец на огромном групповом портрете населения России, а также об особенностях нашего духа и и своих, нижегородских (а они, конечно, есть), чертах характера.

Наш город был просто обречен на появление на свет – слишком явно бросается в глаза уникальность местоположения на слиянии Волги и Оки. Князь Юрий, или Георгий Всеволодович (по-разному сегодня приводят его летописное имя – Гюрги), не мог не оценить все географические и стратегические выгоды и проявил государственную мудрость, основав город здесь, на рубеже тогдашней Руси. Пересказывать богатую событиями историю Нижнего нет необходимости, обратим внимание на некоторые ее ключевые точки.

В самом начале нижегородцы, конечно, каких-то особенностей не имели. Нужно было пройти какой-то временной путь, обжиться на земле, пустить корни, взаимодействуя с другими народами, выработать какие-то стереотипы поведения, привычки. На мой взгляд, к середине XIV века к эпохе Дмитрия Донского мы уже можем что-то обозначить: появились город, княжество, земля, наконец – нижегородец как особое образование. Мы говорим привычные слова «Русь», «Русская земля»,

подразумеваю некоторое единство, а коли так – и единое управление. Однако в то время единство еще не сложилось, и мало кто представляет, что тот же Дмитрий Донской вовсе не был единовластным правителем на Руси. Историки сегодня насчитывают 15 (!) независимых правителей на Руси – его современников. Страна объединялась языком, памятью об общем происхождении, родством правящих династий, торговыми связями, но... Например, Олег, великий князь Рязанский с 1350 года, никак не подчинялся Москве или Владимиру и не боялся вооруженного конфликта с Дмитрием Московским. Напомню, что войну Москвы и Рязани удалось предотвратить только великому Сергию Радонежскому. Его авторитет повлиял на Олега Рязанского сильнее военной угрозы.

Нижегородское княжество тоже было независимым государством. Правящий князь Дмитрий Константинович вовсе не был великим воином, остро реагирующим на всякое изменение окружающей действительности, могущей как-то уменьшить или ослабить его независимое положение. Подобная реакция скорее свойственна рязанскому князю Олегу, но не выдержанному нижегородскому князю. Дмитрий Константинович предпочитал мирное спокойное развитие. И когда на него давил буйный брат Борис из Городца, он находил возможность избавиться от угрозы без войны с помощью давления зятя Дмитрия московского, с помощью Сергия Радонежского. Однако это не означает, что его поведение было продиктовано слабостью характера, нежеланием думать об общерусских проблемах. Как известно, дочь князя суздальско-нижегородского Евдокия Дмитриевна была выдана замуж за Дмитрия Московского, тогда еще не Донского. На свадьбу полагается дарить подарки. Дмитрию-жениху был сделан царский подарок. По просьбе нижегородского князя Дмитрия и по поручению нижегородского епископа Дионисия монах Печерского монастыря Лаврентий написал летопись. Эта Лаврентьевская летопись, подаренная московскому князю, и сегодня справедливо считается главным и уникальным произведением, в котором дошла до нас знаменитая «Повесть временных лет». Конечно, сегодня мы знаем и об Ипатьевской летописи, и о Радзивилловской, и т. п., однако общероссийское значение нижегородского списка принципиально первостепенно.

И, конечно, стоит обратить внимание на то, кто и кому преподносит подобный дар. Нижегородский князь не претендует на главную роль на Руси и подчеркивает тем самым даром роль и значение московского князя как наследника и хранителя единства всей русской земли. Напомню, что будущий победитель в Донской битве не отличался книжностью, он был политик и воин, а его ближайший соратник Сергей Радонежский также делал дело, но не писал книги. Нижегородский же епископ Дионисий был другом Сергия и книжным человеком, любившим и развивавшим книжную ученость. Дмитрий Константинович, епископ Дионисий, монах Лаврентий как выразители нижегородского духа в своем даре подчеркивают свои надежды и печали о благополучии и единстве русской земли, свою готовность подчиниться этой идее, служить ей и передают эту главную задачу Дмитрию Московскому. Мысль видится предельно чистой и бескорыстной, поскольку нет никаких личных претензий на власть. Нижегородский подарок же поможет московскому правителю яснее понять задачи общерусские и московские. Ему указан этот путь нижегородской землей. Рядом будет всегда и его любимая жена, дочь суздальско-нижегородского князя Дуня, лаской и мягким характером облегчавшая жизнь и выполнение этой

задачи Дмитрию Донскому. Неслучайно ее причислили к лику святых раньше ее великого мужа. В этом событии, на мой взгляд, отчетливо проявилось главное нижегородское качество – забота об общерусских интересах без путаницы с личными выгодами и местными амбициями, готовность подчинить себя и свою жизнь общей, высшей идее – «жила бы страна родная, и нету других забот».

Сотни лет нижегородская земля была пограничной, и жителям приходилось отбиваться от воинственных пришельцев. Поэтому когда Русь окрепла, и в Москве был построен Московский кремль, то строитель Антонио Фрязин был направлен на созидание Нижегородского. Появилось это чудо и украшение города – Нижегородский кремль – в 1508–1511 годах. Он немногим меньше московского, очень удачно привязан к местности, в нем естественным образом сохраняется центр управления и культуры, он никогда не был взят неприятелем, однако стал грозой чужестранным воителям.

В том же XVI веке Нижний, подтверждая свое значение второго города и крепости земли русской послужил отправной точкой начала расширения страны. Именно отсюда были организованы удачные боевые походы на Казань, Астрахань и Сибирь. Казанское ханство очень долго было неудобным соседом Руси на Волге, многие годы продолжались боевые действия. Однако очень трудно было взять Казань и из-за мощных укреплений, и по причине большого расстояния. Трижды делались попытки взять Казань, и все неудачно. А ведь нижегородская земля граничила с Казанским ханством, все эти военные приготовления и войны сказывались на ней. После неудачных попыток к делу подошли обстоятельно и нешаблонно. На берегу Волги был выстроен разборный город, потом разобран на плоты, сплавлен по Волге, и в считанные дни под Казанью вырос собранный из своего рода щитов осадный город-лагерь Свияжск. Тем самым было как бы сказано: теперь не уйдем, пока не возьмем! Дух сопротивления был сломлен, Казань взята, ханство стало частью Руси. Затем последовала очередь Астрахани и Астраханского ханства. Волга вся стала русской, безопасной для торговли внутренней и мировой, стала питательной артерией для будущей Нижегородской ярмарки, место которой определилось по принципу – как можно дальше подняться по реке и успеть вернуться до ледостава.

А через четверть века настал черед Сибири и Сибирского ханства. Из Нижнего давно ходили караваны за солью по Чердынскому тракту на Пермь и богатые солью Пермские земли. Строгановы и другие богатые люди Нижнего осваивали соляные угодья (Сольвычегодск и др.). Но «пермяки – солены уши» вынуждены были оглядываться на Сибирское ханство. Урал, следовательно, был недостаточен сам по себе и не обеспечен спокойствием для работы и жизни. Нижегородские богатые люди Строгановы организовали поход Ермака. Он вышел из Нижнего в 1581 году. Итог известен – Урал и Сибирь стали русскими областями.

Россия размахнулась – Казанское ханство, Астраханское ханство, Пермские земли и Урал, Сибирское ханство резко увеличили силу и величие Руси. Громадные масштабы нового государства, его мощь пугали Европу, ляхи и католическая церковь не могли остаться спокойными. Зависть грызла души. Управленческие и династические неурядицы навлекли на Русь Смутное время. Вновь появились иностранные завоеватели на Руси – поляки. Именно они стояли за спиной афериста и самозванца Лжедмитрия I. Вохникла страшная опасность для смысла и духа, для самого существования Русской земли.

Вот тогда и проявилась отмеченная выше нижегородская особенность и готовность биться беззаветно за спасение Родины – Нижегородское ополчение 1612 года. Время – точнее и не скажешь! – Смутное, ясности «как жить» не было. От плохой жизни можно попытаться убежать, как водится, в другие страны и земли, можно пойти на поводу у очередного умника, обучающего глупых русских «правильным» иноземным порядкам, подчиниться «мудрому» внешнему управлению... В общем, похоже и на совсем близкие к нам времена, потому и описывать нет надобности. И до Нижегородского ополчения были «спасатели» Руси, только интересы у них были или польские, или свои собственные. Вспомним, что Марина Мнишек – польская претендентка на престол – в конце концов родила от казака Ивана Заруцкого «воренка», и этот казак из первого ополчения тоже претендовал на главную роль в государстве русском. Вот на таком фоне появляется и выступает со своим обращением Кузьма Минин. Торговый человек Минин говорит о необходимости спасти русский народ и свою землю, и в то же время ни у кого не возникает мысли о его претензии на власть. У него получилось стать спасителем земли русской, он получил звание думного дворянина, вот и вся награда.

Конечно, нам не обойтись без упоминания о Нижегородской ярмарке. Объединение Волги, Урала и Сибири в едином государстве, прекращение Смутного времени создало хорошие условия для спокойной торговли. В мире всегда были торжища, местные, региональные, континентальные и проч. Нижегородская ярмарка была самой большой в мире по товарообороту, следующая в Европе – Лейпцигская была в два раза меньше по сумме ценностей завозимого и по обороту товаров. «Все флаги в гости были к нам», и здесь устанавливались цены на многие мировые товары (на чай, мануфактуру, соль, рыбу, меха, хлеб, металл). Международные связи Нижнего Новгорода позволяли не только знать мировую политику, но и воздействовать на нее. Конечно, ярмарка могла влиять не только положительно, но и превратить иных в «околоярмарочных» людишек, давших повод для поговорки «нижегород – либо вор, либо пьяница, либо мот». От великого здания падает и немалая тень. Но не тень привлекала современников. И конечно, не о них писал Дюма-отец, рассказывая о своем посещении мирового торжища, описывая достойных нижегородцев в своих воспоминаниях и романах. Любовь бывшего декабриста и неоднократного предводителя губернского нижегородского дворянства И. Анненкова и француженки Полины Гебль долго будоражила души романтически настроенных читателей. В таком историческом виде сегодня подобные ярмарки невозможны, однако в свое время они были не только необходимы, но и желательны, интересны, впечатляющи.

В XVII веке Нижегородская земля во многом определила пути дальнейшего развития России. Нижегородская ярмарка, резко увеличившиеся масштабы государства, воссоединение Украины с Россией поставили задачу, говоря современным языком, выявления смысла новой России. В то время подобная задача могла проявляться только в религиозном виде. И решать ее выпало в первую очередь нижегородцам. Вокруг царя Алексея Михайловича сложился нижегородский духовный кружок. Его духовником был нижегородец Степан Вонифатьев, патриархом стал его земляк Никон, а главным оппонентом религиозного реформатора Никона стал нижегородец Аввакум. Воспитателем и по сути правителем при молодом царе Алексее был его дядя боярин Моро-

зов, имевший громадные владения на нижегородской земле и впоследствии убитый в народном восстании. А его жена боярыня Морозова, известная нам сегодня как персонаж картины Сурикова, была истовой поклонницей Аввакума. Были и другие нижегородцы участники тех событий, однако в краткой статье всех не помянешь.

Попытка религиозной и в значительной мере управленческой реформы, предпринятой Никоном, вызвала большие нестроения в государстве, расколола церковь и общество. Рубец от этой борьбы не зарос до сих пор. На нижегородской (да и не только) земле до сих пор слова «старообрядец», «старовер» и «кержак» (название от скитов последователей старой веры на реке Керженец) фактически синонимы, наша малая родина стала своего рода Меккой для людей, стоящих за традицию, таких, как протопоп Аввакум и боярыня Морозова.

Интересный штрих. Побывал я в Истре в Новом Иерусалиме, построенном Никоном как подобие Иерусалимских христовых святынь. В музее висит картина, изображающая Никона с посохом, а рядом в витрине сам этот посох. Я примерился: мне этот посох до подбородка при моем росте в 180 сантиметров, а на картине патриарх держит его на уровне пояса. Спросил музейную работницу о том, верно ли изображение. И она сказала: «Конечно, ведь Никон был ростом 207 сантиметров». Гигант! Я с интересом стал искать какие-нибудь известия о росте протопopa Аввакума. Его, как известно, сожгли, замерить нельзя. Однако, читая «Житие протопopa Аввакума», написанное им самим, мы можем узнать следующую историю.

Протопоп был неистовым ревнителем веры, скоморохи казались ему язычниками, несущими языческий разврат, он их всячески обличал и преследовал. Скоморохи однажды спустили на него двух медведей, одного из которых Аввакум убил кулаком в ухо, а с другим долго боролся, был помят, однако победил, удушив медведя. Представьте подобную фантастическую картину: руками в одном бою победить двух медведей! Видимо, протопоп был богатырем сказочным.

Особенно интересно вспомнить эту историю еще и потому, что Аввакум и Никон были земляками-соседями. Село Никона, откуда он родом, Вельдеманово всего в 12 километрах от Григорова – родного села Аввакума. Эти села практически на границе Большемурашкинского и Перевозского районов нашей области. Кстати, и вотчины боярина Морозова в Большемурашкинском районе. Весь замес этой религиозной реформы и культурного конфликта XVII века фактически родился на небольшом кусочке нижегородской земли! Невольно представляются предки-титаны с «космическими» духонастроениями об ответственности за себя, земляков-нижегородцев, Россию и всего мира.

По ассоциации – забавная литературная история, чтобы не ограничиваться сухими фактами. Рассказал эту историю А. Мельников-Печерский в своем романе «На горах». В 1812 году была война с французами. Пленных отправили в Сергачский уезд. «Французики из Бордо» не только вели себя спесиво, но, по их мнению, русским давно пора сдаться на милость императору, ведь выше Наполеона и Франции ничего нет. А тут какой-то заштатный Сергач, где из войск только небольшая инвалидная команда.

Спесивые французские речи вывели из себя капитана-исправника, который заявил, что в России будут сражаться везде и не будут сдаваться. Француз заявил, что в Сергаче и войск-то нет. На что исправник: у нас, мол, и медведи будут сражаться. «Послезавтра милости просим

ко мне на блины, медвежий баталион на смотр вам представлю». И в назначенный день через Сергач прошла с палками-ружьями на плече тысяча медведей. «Диву французы дались, домой отписали: сами-де своими глазами медвежий баталион видели». Дрожи, Европа, пока медвежья рать не добралась до тебя!

Смех смехом, но кто читал А. Мельникова-Печерского и К. Ушинского, тот знает, что на Руси «сергачами» звали поводырей ученых медведей. Мужики в Сергаче имели такой подсобный промысел: учили топтыгиных показывать разные штуки, например, как бабы белье полошут, дети горох воруют, а солдаты ружейные приемы делают. Так что фантастическая картина «баталиона» ученых медведей родилась не на пустом месте.

Обратимся к событиям более близким, память о которых наполняет гордостью сердце каждого нижегородца. Тут опираюсь на работы и рассказы историка, предметно исследовавшего тему. М.Н. Вдовин писал о подвиге нижегородцев-горьковчан в годы Великой Отечественной войны. К сожалению, в силу закрытости города и сплошной секретности многих тем, отнюдь не все знают о величайших свершениях наших земляков во время последней большой войны. В первый, самый драматический период, когда западные районы Советского Союза уже оказались под оккупацией или вынуждены были перестать давать военную продукцию, а эвакуируемые с запада на восток предприятия еще не добрались до новых мест и не приступили к работе, в это страшно тяжелое время Горький и его промышленность сыграли колоссальную роль. Как пишет английский писатель Александр Верт в своей книге «Россия в войне 1941–1945 гг.», в октябре 1941 года Гитлер дважды устраивал истерику в своей ставке, требовал разбомбить «чертову кузницу» – город Горький. Сталин лично звонил на заводы в этот тяжелый период с вопросами и поручениями, звонил начальнику инструментального цеха автозавода, звонил главному конструктору на артиллерийский завод. Этот тяжелейший трудовой штурм ощущали все в Горьком. Значение продукции автозавода трудно переоценить; знаменитые газовские полуторки составляли 70% грузового автотранспорта страны. Добавьте в список произведенного броневика, знаменитые «катыши», и станет ясно, ЧТО такое был наш автозавод во время войны! Один мой родственник 16-летним мальчишкой убежал с автозавода на фронт в 1941 году. Его задержали на фронте, под конвоем вернули на завод, и следующий раз он был отпущен за проходную повидаться с мамой через полгода!

Похожий случай описывает в своих воспоминаниях знаменитый А.И. Покрышкин. Он прилетел на наш авиазавод за самолетами, пошел на участок сборки, а там тишина. Пожилой бригадир сказал, что дал ребятам чуть отдохнуть. Летчик взорвался: идет война, а тут отдыхают, раскричался. Бригадир сказал, что сейчас позовет ребят, позвал. Начали выбираться на свет из укромных мест изможденные мальчишки-подростки. Покрышкину стало неудобно, он сказал, что пусть чуть отдохнут, однако работа уже началась. Самолетов было произведено в Горьком за время войны 18 тысяч, что от общего числа советских составляло четвертую часть.

Историки специально отмечают, что различные рода войск имели взлеты и падения в своей военной работе. Однако наиболее успешной была работа артиллерии, которая отработала всю войну без серьезных упущений. Ставкой главного конструктора артиллерийского вооруже-

ния был артиллерийский завод в Горьком, где работал главный конструктор артиллерийского вооружения В. Грабин. Его воспоминания «Тяжелое оружие победы» может прочитать каждый. Он упоминает случай, когда Сталин как Верховный главнокомандующий звонил директору Елянну с требованием помогать изо всех сил Грабину. Всего у нас артиллерийских орудий было произведено (танковых, противотанковых, дивизионных) 102 тысячи единиц. Для сравнения: вся гитлеровская Германия, что в то время означало почти всю Европу, произвела 104 тысячи единиц артиллерийских стволов. Весь остальной Советский Союз без Горького произвел 80 тысяч стволов!

В Горьком производились и танки. Знаменитый Т-34 был выпущен в количестве 35 тысяч. Следующим по числу выпущенных танков Т-34 был Нижний Тагил, он произвел 31 тысячу, а знаменитый Танкоград Челябинска сделал 30 тысяч. В самый же тяжелый период войны, когда запад страны уже отключился, а восток еще не включился, шла эвакуация и организация военного производства, Горький производил основную массу легких танков БТ – более 70%.

На выставке выпущенного в Горьком вооружения в Нижегородском кремле мы можем видеть и макет знаменитой подводной лодки, на которой воевал легендарный Маринеско. Как известно в одном походе он утопил два громадных немецко-фашистских транспорта, на которых плыли и соответственно утонули экипажи 70 гитлеровских подлодок. У нас произведено 27 подводных лодок, что составляет около 50% всех подлодок страны, ибо все остальные произвели 28!

Еще две впечатляющие цифры. Первая: почти все ракеты были произведены в Горьком. И вторая: всю войну 100% ленты холодного проката производилось на заводе «Красная Этна» в Горьком. А без этой ленты война явно бы затянулась на месяцы, если не на годы. Нельзя не отметить работу завода по производству боеприпасов в Дзержинске. Он сыграл гигантскую роль во время войны, особенно в начальный период! На фоне сказанного вспоминается поговорка: «Хула врага – лучшая похвала». И ругань Гитлера в адрес «чертовой кузницы» – города Горького лишний раз подчеркивает вклад наших земляков в общее дело Победы. Отнюдь не все сказано и не все рассказано.

В конце войны летчик Девятаев с десятью другими военнопленными угоняет самолет с гитлеровской базы в Пенемюнде. Самолет нес не только героев, но и массу сведений о ракетной базе и о ракетах. Резко облегчилась жизнь Британии после этого, так как стало ясно, где расположена пусковая установка Фау-2. Ее разбомбили, и ракетные атаки на Британию прекратились. Герои-беглецы передали секретные сведения о ракетах генеральному конструктору С.П. Королеву, и первая его ракета после войны напоминала Фау. Так вот, Девятаев на Пенемюнде связался с подпольной группой заключенных во главе с Кургановым, нашим земляком. И с их помощью они смогли совершить свой фантастический побег. И. Курганов похоронен на кладбище «Марьино роща».

Отдельного разговора заслуживает и атомный проект. Саров-Арзамас-16 с его научными и технологическими достижениями обезопасил страну от ядерного нападения и помог сохранить равновесие в мире.

Конечно, говоря о юбилее, стоит особо отметить культурное значение Нижнего Новгорода и всей нижегородской земли. С ней связаны не только такие национальные жемчужины, как Лаврентьевская летопись и «Житие протопопа Аввакума», но и труды И. Кулибина, и Болдинская осень

А.С. Пушкина, и нижегородский период В. Короленко, и творения А.М. Горького, и Б.А. Мокроусова, и нарышкинское нижегородское барокко. Наш земляк Милий Балакирев основал и затем руководил «Могучей кучкой» композиторов, с которой началась принципиально новая национальная музыка. А Ступинская школа живописи в Арзамасе открыла новую страницу живописи в России. До того в основном писали на заимствованные иноземные сюжеты вроде «Последнего дня Помпеи», не находя ничего особо интересного в русской жизни. Или представляли русских героев в обличье античных. Вспомните памятник Минину и Пожарскому И. Мартоса. Так вот, фигура живописца В. Перова объединяет и Ступинскую школу, и группу передвижников, а его «Тройку» невозможно перевести в античные одежды. Подобных примеров хватило бы на многие книги. Ведь в данном случае я называл только первостепенные, наиболее яркие фигуры и случаи, опуская множество других примечательных имен и событий.

«Что город, то норов», – говорит русская пословица. Каков же наш норов? Вот один штрих. Он очень домашний и очень нижегородский. Моего деда, последнего священника церкви Покрова на главной улице города Большой Покровской, расстреляли в 1937 году, в 1954-м реабилитировали, а в 2000-м причислили к лику святых Православной церкви. Все его предки с XVII века жили на нижегородской земле. Древнее трудно установить, так как наши архивы нижегородские до XVII века находятся в Москве. В 1937 году старшего сына призвали в армию, он попросился у руководства сборов попрощаться с отцом и был отпущен. Отец сказал, что его, видимо, возьмут и живьем не выпустят. Но сын не должен озлобиться, оружие в руки ему дают для защиты Родины. С этим напутствием четверо его сыновей, по возрасту попадавших в армию, прошли Великую Отечественную войну, выполнив отцовский завет. Мне кажется, что любовь к родной земле и умение не озлобиться есть один из признаков нижегородского норова.

А нижегородский дух узнается достаточно легко. Помню, ехал в Колпино под Ленинградом, и разговор соседей по электричке слышался очень родным. Стал узнавать, и оказалось все очень просто: после войны в Ленинград был специальный оргнабор, и на Ижорский и на Кировский завод набирали с нашей области. При этом люди, конечно же, сохраняли и говор, и привычки. Мне бросилось в глаза не только патриотическая струя, но и явное и даже демонстративное пренебрежение одеждой и другими материальными сторонами жизни. Подумалось: это одна из сторон нашей натуры – материальное на втором плане.

Закончить хотелось бы веселой картинкой. В Южной Корее наша российская парламентская делегация на встрече с корейской стороной по их просьбе должна была рассказать о том, кто откуда и как-то представить родные места. Дошла очередь до меня. В числе прочего «нижегородского» я упомянул, что мама Ленина уезжала из Нижнего Новгорода беременная Владимиром Ильичом. В Корее жизнь считается не от рождения, а от зачатия. Корейцы весьма возбудились и, хотя присутствовали только очень богатые люди, как позже оказалось, бурно обсуждали, кто больше любит Ленина, и сказали, что теперь будут знать его корни. Интересно, что на Востоке в отличие от Запада любят Ленина и лучше относятся к России.

Юбилей Нижнего Новгорода – это возможность подумать о себе, обсудить сильные и слабые стороны нашего мироощущения. Конечно, бросается в глаза то, что особой тяги к власти при любви к Родине у ни-

жегородцев не наблюдается. Однако и раньше, и теперь, как правило, через Нижний проходят в растущие будущие правители. Это и Жданов, и Каганович, и многие другие. Отмечены ли они нашим духом, это уже другой вопрос, но справишься здесь, значит, справишься и выше.

Когда-то И. Репин в своих воспоминаниях восторгался нижегородскими пейзажами и писал, что нижегородцы, про его мнению, «сильные люди хороших родов» и не могли селиться как-нибудь и где-нибудь. Это верно, конечно, однако главное в истории все же люди. Попытавшись выписать имена знаменитых нижегородцев, моментально убедился, что это само по себе трудная задача. Вспомнить хотя бы знаменитые семьи, например Боголюбовых – три академика, Добролюбовых – мыслители не только гуманитарные, ведь племянник Николая Александровича академик В. Стеклов был вице-президентом Академии наук СССР, Сеченовых – Крыловых – Филатовых, Дворжецких, Рукавишниковых, Блохиных, Свердловых, Ульяновых, Ляпуновых... И разве можно сказать, что эти нижегородские имена – предмет только нашей местной гордости? Н. Лобачевский – создатель неевклидовой геометрии! В. Докучаев – творец почвоведения! А радио А. Попова, а полупроводники О. Лосева, а атомные творения И. Курчатова, А. Сахарова, Ю. Харитона! А механические изобретения И. Кулибина, В. Калашникова, М. Бонч-Бруевича, В. Шухова, Р. Алексеева, И. Африкантова!

Я даже боюсь продолжать ряд потому, что после этого научного ряда придется аналогично вспоминать ряд певцов (Шалапина), философов (В. Розанова), композиторов (Б. Мокроусова), филологов (В. Даля), летчиков (Чкалова) и еще многих, многих...

Владимир ГОФМАН

Родился в 1953 году в городе Городце Горьковской области. Окончил Рыбинский авиационный техникум, историко-филологический факультет Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского и Московскую духовную семинарию. До рукоположения в сан священника работал литейщиком на производстве, журналистом. С 1993 года – священник Русской православной церкви.

Автор ряда поэтических сборников, книг прозы и множества публицистических статей. Лауреат ряда литературных премий, за книгу рассказов «Персиковый сад» в 2012 году удостоен диплома 3-й степени Патриарха Московского и всея Руси Кирилла.

Член Союза писателей России. Живет в Нижнем Новгороде.

СИЯ ПЕРВАЯ ЦЕРКОВЬ

Собор Архангела Михаила в Нижегородском кремле

В лето 6720 м году великий князь Юрий (Георгий) Всеволодович заложил град на устье реки Оки и нарече имя ему Нов град Нижний: и церковь постави в нем соборную архистратига Михаила деревянную.

Нижегородский летописец

Историки до сих пор не пришли к единому мнению, где стояла эта первая деревянная церковь, возведенная на площади Часовой горы святым великим князем Георгием в 1221 году. (Кстати, и год построения ее в разных источниках не совпадает. Переводчик Нижегородского летописца так и говорит – между 1012 и 1221 годами.) Есть предположение, что располагался первый храм неподалеку от мемориала с Вечным огнем. Собственно, и нынешний Михайло-Архангельский собор стоит вблизи мемориала. Но, где бы ни стоял тот первый храм, главное нам известно – от него ведет свое начало Нижний Новгород. Он – краеугольный камень нашего города, тот, что, говоря словами Священного Писания, «дивен во очесех наших».

Восемь столетий прошло с тех пор. Огромный пласт истории нашего Отечества. От той церкви, да и от более позднего (1227–1229 гг.) каменного храма осталось немного. Нынешний кремлевский собор стоит на древнем фундаменте, фрагмент которого (алтарная апсида) обустроен сейчас для обозрения многочисленным нижегородцам и гостям города.

Многое помнят стены этого храма...

В XIV столетии (1359 год) под сенью крыл ахистратига Божия Михаила появился третий храм на Часовой горе. «...Лета 6867-м... князь Андрей Константинович в Нижнем Новгороде построил церковь каменную, святого архистратига Михаила близ двора своего». Как полагают историки, это было сделано князем в благодарность Богу за свое спасение при волнениях в Орде, где он находился в то время.

Время безжалостно даже к храмовым постройкам. Писцовые книги за 1621–1622 годы рассказывают: «В Нижнем Новгороде соборная церковь Архангела Михаила каменная ветха развалилась и службы в ней нет давно».

Известно, что когда царю Михаилу Феодоровичу донесли о таком состоянии церкви, тот повелел перестроить собор. Неслучайно проявил внимание государь к древнему храму Нижнего Новгорода – Архангельский собор был обновлен в память о подвиге Нижегородского ополчения 1612 года, благодаря которому Михаил Федорович взшел на престол и стал родоначальником династии Романовых.

Вот тогда-то, в XXII веке, и появился видимый нами ныне шатер. До этого, как заметно на картине 1636 года, приложенной к «Путешествию» Адама Олеария, крыша храма была шпигеобразной, что характерно для архитектуры XIV столетия – времени перестройки церкви после разорения ее и других нижегородских храмов ордынским царевичем Арапшей.

В 1658 году на город обрушилась эпидемия чумы. Часовая гора становится кладбищем. Здесь близ Архангельского собора погребали мертвых, а в 1672 году над этим кладбищем к собору был пристроен придел во имя Иоанна Богослова. Уже в XX столетии во время реставрационных работ 1960–1962 гг. придел был разобран, и храм обрел первоначальную композицию.

Кремлевский Архангельский собор, будучи в свое время дворцовой великокняжеской церковью, был и усыпальницей великих князей, которых хоронили у его северной стены. Здесь погребены сын родоначальника князей Шуйских, последний великий князь Нижегородский Василий, известный в истории Отечества Василий Гребенка-Шуйский, князь Иоанн Васильевич Горбатый, отказавшийся в 1448 году от Нижнего Новгорода в пользу Московского князя, князя-иноки Зосима и Иона и другие, за кого и по сей день в храме возносятся молитвы ко Господу, а имена их увековечены в нишах внутри храма.

После революции новая власть закрыла храм для богослужений. В здании расположился архив, который оставался там до организации Горьковского музея-заповедника.

История кремлевского собора самым тесным образом связана и с историей города и Родины. Не случайно, а по промыслу Божию, именно здесь под скромной гранитной плитой покоится с 1962 года прах великого гражданина России Козьмы Минина, поклониться которому во все века приходили первые люди государства Российского – императоры, архиереи, военачальники, а в наше время и нынешний президент России В.В. Путин, а также ныне покойный Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий Второй, а в сентябре 2009 года – Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Он совершил на могиле Минина заупокойную литию и в память о посещении собора подарил храму Казанскую икону Божией Матери.

В конце 90-х собор открыли для богослужений, сначала праздничных, а потом и постоянных. Под древними сводами звучат те же молитвы,

что и много веков назад: о богохранимой стране нашей, о властях и воинстве, о народе православном, о спасении души каждого молящегося человека.

В 2004 году храм обновился. Были проведены серьезные реставрационные работы по кровле и стенам собора, устроен новый пятиярусный тябловый иконостас.

Стараниями клира и прихожан собор украсился многими иконами. Здесь можно поклониться пред образами со святыми мощами святого благоверного князя Георгия, основателя Нижнего Новгорода, преподобного Макария Желтоводского (Унженского), святых благоверных князя Петра и княгини Февронии, Муромских чудотворцев. В 2008 году собору в дар от депутатов Нижегородского законодательного собрания были переданы 9 колоколов. Самый большой из них – «Законник» весом 530 кг – был установлен на звоннице 26 марта.

Рядом с Архангельским собором установлен памятник святому основателю Нижнего Новгорода владимирскому князю Георгию Всеволодовичу и его духовнику, епископу Суздальскому Симону.

Публицистика

Владимир КУТЫРЁВ

Родился в 1943 году в деревне Высокая Горьковской области. После окончания Заволжского строительного техникума служил в Советской армии, учился на философском факультете МГУ, там же в аспирантуре. Профессор Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, доктор философских наук.

Автор 18 книг и многочисленных статей. Основатель научной школы «Философия антропоконсерватизма». Дважды лауреат премии Нижнего Новгорода (за книгу «Естественное и искусственное: борьба миров» в 1995 году и книгу «Бытие или Ничто» в 2010-м). Трижды лауреат Всероссийского конкурса научных публикаций по гуманитарным дисциплинам. Награжден серебряной медалью С.Н. Булгакова (2008). Живет в Нижнем Новгороде.

МИР И ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫХ МЫ ТЕРЯЕМ*

И если дальше техника так податливо пойдет, то люди от своих сомнительных успехов выроются в ржавчину, – тогда их останется передавать работоспособными паровозами и дать машине волю на свете.

А. Платонов. Чевенгур

Самая большая ложь нашей цивилизации

Какая? Вера, что для благополучной и счастливой жизни человечеству не хватает средств. Все наоборот. К началу XXI века на одного человека вещей и благ приходилось в 100 раз больше, чем он имел к началу века XX. Не говоря уже о тысячелетиях великой доиндустриальной истории. И все мало, мало, все думаем, что если окончательно отдадим труд машинам, а их число, также как домов, удобств и съедаемого мяса уд(тр...)воится, то станем счастливыми. Будет рай. Хотя материально и так живем в раю, все сказки стали былью. Кругом самодвижущиеся ступы и сапоги-скороходы (ставить уже негде); ковры-самолеты,

* Предыдущие публикации «эсфоризмов» (афористических эссе) из серии «Унесенные прогрессом» в журнале «Нижний Новгород»: «Философия всегда» № 1, 2016; «Прощание с природой» № 1, 2017; «Техника решает все(х)» № 2, 2018; «Традиционный человек: много лет и вечная память» № 6, 2018.

на которых можно спать и принимать душ; волшебные зеркал(ьц)а, позволяющие видеть все, что делается в любом конце Земли или даже в Космосе; чудесные коробочки, связывающие нас друг с другом в любое мгновение; на каждом углу развернуты скатерти самобранки, на каждом шагу непрерывно доставляющиеся из тридевятых царств золотые, они же молодильные, яблоки, называемые теперь апельсинами (недавно купил из Южной Африки, «от антиподов», так, ничего себе) и т. д. Не говоря уже о чудовищных перспективах управления мыслями человека и трансформации его тела, открываемых новейшими достижениями «биокапитализма». Безумные технологии, вплоть до «интимных», и избыток всего, пресыщение (не индивидов только, передовое человечество ожирело *in toto*^{*}, духовно его элита мельчает на глазах), а не потепление или похолодание (эти циклы были всегда) – вот что нам сейчас угрожает. Как все это изобилие правильно распределить и ограничить – вот проблема. Современная цивилизация – это глупая и вредная старуха из сказки Пушкина о Рыбаке и рыбке, которая хочет по(ис)требить весь мир, чтобы неожиданно остаться у разбитого корыта. Люди! Разводитеесь со своей старухой.

* * *

Раз и навсегда не хочу много знать, говорил Ф. Ницше. *Знал бы* он, что в современном, называющем себя «обществом знания» мире вся глупость существует в форме знания. С-Мысл-ь тонет в потоке слов. Долой информированное невежество! Об уме человека надо судить не по тому, сколько человек всего знает, а как он к этому относится. **Как понимает свои знания.** И (не) использует. В этом мудрость. В эпоху «расчеловечивания человека», о чем радостно галдят идейно уже расчеловечившиеся энтузиасты безоглядного прогресса, техноиды и мутанты, она может быть только противонаправленной – злой, жест(о)кой и трагической. Любая другая – тяжелое умственное легкомыслие. Узколобый технический оптимизм. Не для живого.

Конспект эволюции

Эволюция живого и начало человека: обезьяны → человекообразные → предлюди → человек. Эволюция человека: дикарь → варвар → личность → актер → фактор → агент сетей. Эволюция человеческого фактора-агента: зомби → техноид → киборг → робот.

Постчеловек, роботообразные. Конец человека и становление постчеловеческого (искусственного) интеллекта. Эволюция техники: орудие, машина, автомат, робот. Этот же процесс можно рассмотреть как эволюцию духа. Как историю его самоотрицания. От Духов природы (мифология) к Богу (религия), от бога к Человеку (гуманизм), от человека к Разуму (наука), от естественного разума к искусственному интеллекту. Эволюция информации...

* * *

Дух веет, где хочет, и его свободные мысли любят располагаться свободно. Долой безжизненный дикта(н)т всеобщей технологизации! И мертвящую власть универсальной цифровизации!

* В целом (лат.).

Реальность без человека – белый шум, хаос. Конечный результат ее абстрактного познания – черная бездна, космос. Живая человеческая мысль как про-изведение духа – «хаосмос». Когда она истинная – возникает синергия. **Образ(ование) мира.**

* * *

Сущность = природа человека определяется со-относительно. Когда человека сравнивали с ближайшим к нему состоянием мира – животными, то его сущностью было все, что от них отличает: труд, сознание, речь. Сейчас явственно видно машинное будущее разума, возможность замены его биологической основы на техническую. Поэтому специфику человека начали усматривать в том, что его отличает от машин: страсти, интуиция, любовь, иррациональное, актуализируется внимание к природной специфике, хотя она исчезает с катастрофической быстротой. Ее деградация в обществе: регламентация, рационализация, бюрократизация, а с другой стороны, возможность постепенной замены самого физического тела: «по частям» человек искусственный уже существует. Моделирование почти всех органов – ближайшая инженерная задача. Зрение давно полуйскусственное, следующее поколение практически будет очковым, или оперированные, с линзами, как японцы. О понижении слуха все слышали. 32 зубов у взрослых ни у кого нет. О прогрессивном облысении все знают, эректоры рекламируют. И прочее, и прочее. Перед лицом технологии значение половых различий между людьми резко падает. Материнство терпит поражение от пропаганды карьерного роста. В поступках мужчины специфически мужское начало не имеет поля развертывания. К нему предъявляются противоречивые требования: быть смелым и быть винтиком, быть самостоятельным и быть функциональным. **Одномерный человек реализуется в главном – как однополый. Бес / полый.** Остальное – мелочи.

* * *

Самое полезное для человека природное лекарство другой человек. В Средние века ослабленных больных, пока не было биодобавок, лечили «лежанием рядом со здоровым отроком». Теперь, когда общение превращается в коммуникацию, в бездушное отношение, стали толковать о пользе телесных касаний. Хотя бы случайных, эпизодических. Придумали даже такое лечение: «контактотерапию». В больших городах на столбах объявления о кружках по «обучению чувствам». Ужас! Только очевидный характер этого заставляет проходить мимо без таких восклицаний. Ну, объявление и объявление. Впрочем, ничего удивительного, раз дети играют с компьютерами, а не (друг) с другом. Воьмиклассники собираются на день рождения одного из себя. Берут смартфоны, чего-то поели и сидят за столом, в них уткнувшись. Играют. Праздник эпохи трансмодерна. Бурное веселье. Песни и пляски. Изначальное отчуждение человека от физической сути вещей. От телесности и тепла других существ. Скоро общение, да и просто «жизнь» начнут прописывать по рецепту: «Поезжайте, **поживите** недельки две». А диагнозом болезни будет: пережитки гуманизма. Не все еще превратились в роботообразных.

* * *

Когда-то в истории большую роль играли ритуалы. Обряды и церемонии. Особенно на Востоке. Чайная церемония, свадьбы, похороны. Придавая действию смысл, ритуал превращает его в Событие. Тогда чаепитие становится Встречей, еда – Общением, женитьба – Браком-сочетанием. Для души и духа важна прежде всего подготовка, предвкушение, ухаживание. Процесс. Иначе не чай, а пойло, не еда или трапеза, а жратва («Макдональдс»), не любовь, а секс. Поглощение мира, а не забота о нем. Поглощение миром, а не бытие в нем. Только присутствие. Не жизнь, а функционирование. Не культура, а цивилизация. Не мир, а Евроамерика. В прихожей, в предбаннике – Россия. Штурмуют теплые квартиры и баню – «беженцы». Хотят помы(ка)ться. Молодцы, правильно делают. И собственникам квартир помогут, продлят их существование, хотя в другом качестве. Не все коту Масленица.

* * *

Доброта людей индивидуальна, однако у ней есть общие природные корни. Доброта женщин развивается прежде всего в лоне материнства. Такова природа вещей. У женщины-матери она самоотверженнее мужской. Она почти слепая. Но сейчас материнство сведено к минимуму и сопутствующие ему качества остаются не востребуемыми, а если проявляются, то от «ума», который только очень умных женщин не кидает в «комплекс копирования» мужского, вернее машинного, не разбивающего полов, поведения. За редкими исключениями, не рожавшая женщина духовно, точнее, душевно неполноценна, как неполноценен не знавший женщин мужчина. Она слишком зрячая, а он слепой. Отцовство играет важную роль в индивидуальном развитии человека, но оно все-таки меньше роли материнства. Возникают новые социальные феномены: «женщина-не-мать» и «мужчина-не-мужик». «Не-родители». На грядках человечества все больше цветов без завязей. Пустоцветы. **Человек бесплодный.**

Такая будет и доброта. Вежливая...

* * *

Судья: Каковы причины вашего развода?

Муж: Она перестала бросать на меня ласковые взгляды.

Жена: В прошлое воскресенье он забыл купить мне цветы.

Судья: Признать брак расторгнутым из-за несовместимости характеров и невозможности дальнейшего совместного проживания.

Хвалят за скромность и тонкость натуры. Это значит, хвалят за неуверенность в себе и социальную трусость.

Признания времени

Реализм: Как я тебя люблю.

Модернизм: Ты бы мне нравишься.

Постмодернизм: Я тебя бы нравишься, ты как мне люблю.

Трансмодернизм: меня... мне... меню...

Позывные трансмодернизма: Виагра, виагра... я импаза, импаза, как слышите, прием... Прин(яли)имают. Половые наркотики. Как любые наркотики, сексуально-химическое протезирование провоцирует дальнейшую потребность в нем. На столах студенты пишат меланхолические признания:

За окошком осень

Отцвела капуста

У меня пропали половые чувства...

* * *

Уничтожение свободного времени – его организация и институализация. Свободное время – это время свободы. Институализация времени – борьба цивилизации с жизнью и индивидуальностью. Раньше подростки «убегали в Америку», взрослые этого опасались, потом стали опасаться влияния улицы, потом ругать двор, сейчас подъезд. Дети уже в квартире. И опять убегают в Америку, правда, не отрываясь от стула.

Люди все чаще ведут сидячий образ жизни. Формируется «культура сидящих». Или «сидячая культура». Это на XXI век. В следующем веке многие будут работать полулежа или вообще лежать. Также можно играть, «заниматься спортом» – «киберспорт» у компьютера, в виртуальной реальности – не вставая с дивана. Это «лежачая культура». Расхожая фраза «сидеть у телевизора», по-видимому, заменится на «лежать у телевизора», точнее, у компьютера, уже в следующем поколении. И, кстати, чего уж тогда говорить о любви и сексе, если все будут – «лежа(ч)щие». По прогнозам постмодернистов, через одно-два поколения перед экранами будут «люди без органов» в виде «шевеливающей протоплазмы».

Были действительными, становимся возможными. **Им/потенциализация бытия.**

* * *

Говорят о необходимости «человеческого измерения» всего и вся. Надо полагать, что и мышления. Одновременно призывают к «защите Разума». Но Разум **в человеческом измерении – Дух**. Дух – это ум человека вместе со способностью верить и любить, надеяться и опасаться, вместе с воображением и страстным отношением к миру. Это **человеческий** разум. Голова + сердце = живая голова. Чистая = трансцендентальная мысль = мертвая голова. Они – теоретики с мертвыми головами – против человека. **За** человека и **за человеком** – Дух. Его и надо защищать как условие дальнейшего бытия человека. Не только словом-мыслью, но Словом, которое «было у Бога». Верой и делом.

* * *

Обсуждается какая-то проблема. Явственно видны тревожные тенденции ее развития. Приводятся аргументы, факты. Оппоненты их не опровергают, но говорят: ведь это эмоции, пессимизм. После такой оценки они полагают, что вопрос закрыт. На самом деле он только снят. От него ушли. Вот если бы вы писали «без эмоций», т. е. без всякого отношения к делу, то мы бы вас послушали. Чего, собственно, не бывает, это просто нежелание слушать то, что неприятно, что тревожит

и заставляет думать. Духовная лень. Подобная психологическая защита наиболее часто применяется при обсуждении судьбы человеческой цивилизации в целом. Кризис? Трагические перспективы? Да ведь это пессимизм! А вы «сделайте нам красиво». И плодятся иллюзии, мифы, ничем не обоснованные утопии, подмена понятий и благонамеренная ложь. (Не)понятная ложь. Философия (официальная, «системная») – это идеологическая маскировка истины. Реального положения дел. Культивируют тьму в виде света. Однако когда-то надо быть трезвым, прямо глядеть в лицо опасности. Пытаться мыслить честно. Поэтому, как писал Достоевский, «мы останемся при факте».

Объявление: «Меняю жизнь на средства (к) жизни». Много людей откликаются. Все.

Я против идеологии страуса – Позы, (в) которую, зарыв голову в технический песок, встало и идет человечество по пути прогресса. Уносится им в Никуда.

Сексуальная (контр)революция

Все рассуждения о сексуальной революции – чистый пример превратности и ложности стандартного человеческого мышления. Образец самообмана. Ибо на самом деле это процессы, направленные против секса как «способности рождения и продолжения рода» (определение Всемирной организации здравоохранения). Их смысл в том, что репродуктивные функции пола вытесняются рекреационно-гедонистическими. Средство, «приманка» становится целью, отклонения и патологии возводятся в норму, а норма (размножение человека) реализуется изредка, в порядке исключения (патологии). Секс, говоря по-старому, превратился в блуд. Это антисексуальная революция. Контрсексуальная революция. Сексуальная контрреволюция. И, наконец, если говорить не в принципе, куда все идет, а фактуально, это – **парасексуальная** революция. Паразит убивает хозяина. Естественно, не сразу, постепенно.

* * *

Размножение у двуполох в форме спаривания – главная функция жизни, и следовательно долг человека как телесного существа. Кто его не выполняет – отступник, предатель жизни.

Каких только приспособлений для «отступничества» и манипуляции сексуальностью сейчас не используется. Однако надо отдать должное первому великому изобретению для борьбы с сутью и предназначением половых отношений – презервативу. Как его недооценивают! А ведь этим оружием людей убито больше, чем стрелами, порохом и динамитом вместе взятыми. Милли – оны, а может быть – арды. Ах, как его недооценивают! Ах! Какое огромное влияние оно оказал(о) на прекращение естественного отбора, на предотвращение перенаселения Земли, на изменение межличностных и социальных отношений. На всю историю человечества. Именно это нехитрое приспособление подточило плотину и открыло шлюзы всем формам парасексуализма. Вот когда началась сексуальная революция – в XIX веке. Где Нобелевская премия какому-то французскому художнику, который его впервые изготавил? Не зря Лев Толстой отнесся к нему с таким гневом и отвращением. Презерватив и лишь потом пар и электричество следовало бы класть

в фундамент первой научно-технической революции. Презерватив и лишь потом противозачаточные пилюли и аборт. А кто его воспевают? Где оды, гимны, книги или хотя бы диссертации на тему: «Презерватив как решающий фактор человеческого про(ре)гресса». Или «Презерватив как феномен цивилизации». Где ему Памят(ь)ник, на-конец!

Nota bene: внести в список проблем для диссертационных исследований по философии и социологии; учредить благотворительный фонд и начать сбор средств для его увековечивания в памяти случайно избежавших с ним встречи потомков; объявить конкурс среди скульпторов, желательных работающих, кто остался, в жанре социалистического реализма.

* * *

Курящие дамы, девицы: главное для них – независимый вид, который при этом принимается. Сначала демонстрация, а потом – реальность. Такова особенность женщин во всех делах. В обществе спектакля она становится особенно востребованной. Красоваться на должностях. Особенно величественны, да и просто неприступны курящие проститутки.

* * *

К феноменологии тела. Все чувства моего кота написаны на его хвосте. Очень выразительное лицо. Он главный орган в «схеме тела». Умница. Но иногда – хитрый, наглый, лукавый. Возможно, что когда злится, хвост спасает кота от инфаркта. Говорят, что глаза – зеркало души. Это уже деградация. Зеркалом души должно быть все тело. Как у моего кота Мадраса. По существующей табели о рангах для госслужащих, если применить ее к животным, он где-то на уровне доцента или даже профессора (15–16-й класс). Своим поведением кот почти ежедневно заслуживает новое имя. Сегодня он: «Мыньга». А еще вчера был: «Спятило». Прозвища даю я. Дело обычное, ведь мы – «одноклассники».

Mortido

(влечение к смерти, мертвому, искусственному)

За границей больше всего хочется побывать в Японии. Поглядеть все «вживую». Столько восторгов о достижениях этой страны. Правда, в основном у журналистов – представителей наиболее поверхностной профессии. А у меня закрадывается подозрение: являются ли японцы еще людьми? Может они уже сверхлюди? И сверхчеловек, о котором мечтал Ницше, появился, хотя история, как всегда, сыграла шутку: и не белокурый, и не бестия, а японец. **Сверхчеловек осуществляется как постчеловек.** Может быть, это существо, о предстоящем возникновении которого я так много толкую, в действительности уже есть?

Мои подозрения усилились после того, как одна умудренная опытом проститутка, сравнивая достоинства клиентов разных национальностей, сказала, что больше всего ей нравятся японцы. Самые вежливые и лучше всех платят. Хотя как о мужчинах, добавила она, говорить о них не стоит. Просто не стоит.

В общем, хочу в Японию.

Первые постженщины, по-моему, американки. Распоряжением губернатора Калифорнии в школах запрещено употреблять слова папа-мама, муж-жена, дабы не обижать тех, у кого их нет и кто ими не является, особенно гомосексуальные «семьи». Также Совет Европы, вслед за ним Госдепартамент США не рекомендовали говорить: отец-мать. Правильно – «один из родителей» или родитель number one, родитель number two. Или даже, чтобы совсем без связи с жизнью – «персона с правом на воспитание» (по-немецки в одно слово). Маргиналы? Рехнулись? Нет, это Совет Европы и Госдепартамент США. Да! Это совет Европы и госдепартамент США. Ликвидация обозначающего явление слова есть отражение его ликвидации в реальности. Ликвидации семьи, в которой рождается ребенок. Закрепление этой ликвидации. И причина тут не только в распространении гомосексуализма и феминизма. Это посыл от искусственного оплодотворения, которое происходит без отца, а последнее изобретение – искусственная яйцеклетка, когда оплодотворение и вынашивание происходит уже и без матери. Посыл из будущего, вообще бесполового способа размножения – клонированием, над которым наука работает уже в настоящем.

Мать, Отец – это были (?) самые, самые, *Два главных слова* человеческого языка, отражающие то, на чем держится продолжение человеческого рода. У всех народов во всей истории. На них держится Родина (Motherland) и Отечество (Faterland). От них Отцы церкви и Римский Папа. После Бога, который тоже Отец Небесный и Богородицы, которая Матерь Божья, это у людей *Святые слова*. Были! **СЛОВА**. И вот теперь «не рекомендованы к употреблению», запрещают. Говорят, что запрет объявлен только в документах, «в письме» и официальных речах. За употребление в частной жизни преследовать не будут. Как за ругательства. То есть на слова отец-мать вводится (только!) цензура. Никого не смутило скандальное совпадение с когда-то всех пугавшим романом О. Хаксли «Новый удивительный мир», где слова отец и мать были ругательными. Да и вся политкорректность – это цензура. Как с ней боролись либеральные общества, как проклинали. И вот, пожалуйста, теперь любят. Но если нельзя, цензура на слова отец и мать, то тем более нельзя говорить: ребенок. Некорректно и «сын». Усы, усыны – это ответвления от корня. Многие растения размножаются усами, усы-нами. Нельзя говорить и «дочь». Дщерь, дщерь. Многие растения размножаются черенками. Усы продолжают, а черенки отрываются от корня, их переносят в другое место. Как происходи(ло)т в браках. Мужчина, женщина, отец, мать, ребенок – все это теперь неприличные слова. Продолжать жить – нецензурно. Надо «запикивать». Вот действительно, «конец истории». Не просто культурной, а собственно человеческой. Но никто не ахнул, гром не грянул, здания Европарламента и Госдепа почему-то (почему?! – богохульно бросая вызов, спрашиваю я у создавшего Адама и Еву Бога) остаются невредимыми. Так называемая мировая общечеловечность не видит здесь даже проблемы. Значит, инстинкт самосохранения этой цивилизацией уже утрачен. Значит, ее действительно надо «закрывать». Вернее, она сама за(на)кроется чем-то, связанным с материнством. И пусть идет на что-то, связанное с отцовством.

Строятся общие, не разбирающие полов раздевалки в спорткомплексах и бассейнах. Общие бани, входные тамбуры в туалетные комнаты.

Гляди того, всех посадят в один ряд. Наши обезьяны стремятся к тому же. Так «по-европейски». Был тут в Высшей школе экономики, зашел по надобности, буквами вроде не ошибся, а оказался в общем холле, идем, улыбаясь, с девицами и только в последний момент – разделение. «По кабинетным блокам». Вульгарно, пошло, зато (и потому) прогрессивно. Ликвидация полов, жизни, таким образом, закрепляется материально и правовой регламентацией. Таковы требования тоталерантной политкорректности как языковой энтропии, отражающей энтропию реальности. Однако, чтобы убедиться во всем этом по-настоящему, надо бы (по)жить в еще более толерантной и политкорректной Евроамерике. Пока она не стала Евроафрикой.

Единственное гуманное следствие происходящей биокультурной мутации: утихнут страдания феминисток, так как заодно с человеком человечество избавится от антропоцентризма, ядром которого всегда был «фаллоцентризм». Без центра – гендер.

Постчеловек будет бесполом!

Хочу в... Нет, *не хочу*.

* * *

Говорят и пишут о засилье секса в культуре. Вместо любви. Когда-то был фильм «Раба любви», а потом «Рабыня секса». Символично, но поверхностно. Секс процветает прежде всего на экранах, а не в жизни, не говоря уже о любви, которой не стало и на экранах. Утверждают, что 20% американских мужчин – импотенты. Может быть, это обычная медийная ложь, для сенсации, но на втором месте после «прокладок» реклама озабочена впариванием эректильных стимуляторов. Как будто химически поднятая и прикрепленная палка поднимает либидо, доставляя удовольствие и решая какие-то проблемы. Тем более она не решает проблемы оплодотворения. Поэтому не зря все больше и больше супружеских пар, которые не могут произвести на свет ребенка, хотя хотят. О «стране восходящего солнца», Японии, журналисты теперь пишут как о «стране заходящего секса». А Япония – образец прогрессивного технического общества, которому все завидуют и к которому все стремятся как к идеалу. «Антропологическая Фукусима» – там. Те же процессы в Финляндии (страна мобильных и компьютеров) где соцопросы показывают, что более 50% (большинство!) взрослых здоровых людей уже не испытывают сексуальных желаний. Что испытывают они вместо этого? Ведь любовь – цветение бытия. Бесцветные, у-вялые или активно мертвые. Ну, и кем в таком случае надо считать людей, особенно всяких теоретиков, по уровню понимания ими вещей? Процессов? Своего положения? Это уровень домашних, хотя ученых, вернее, особенно ученых – куриц. Ко-ко-ко – я снесла новацию, дайте грант корму, снесу еще – и ничего больше. Вот ве(ко)нец их мышления. В лучшем случае мы вступаем в эпоху о-нанопорнографии. И... сексуальная революция превращается в порнографическую. Все это очень серьезно. Даже печально. **Трагично.**

Любовь = влечение + дух: это – одухотворенная чувственность. Но что происходит, когда дух сжимается до «знательности», превращается в интеллект и информацию? Любовь трансформируется в «интерес». В подглядывание (философы и ученые всегда «подглядывали»

за природой). Отсюда формула современности: интеллект + влечение = порнография. В силу обессиливания тела она становится все более изощренной. В силу интеллектуализации духа она становится все более смысловой.

Что такое порнография? Это не голое состояние или половой акт сам по себе. В бане, больнице, супружеской постели порнографии нет. Это половой акт сознания, духовное совокупление вместо физического. Секс не на деле, а в фантазии. В небольших дозах полезен, ибо человек существо с воображением, а как норма общественной жизни – яд, убивающий действительные сексуальные способности. Порнография – пятая колонна импотенции в ст/р/ане любви.

Порнография – это секс и любовь в техногенном мире. И. о. любви у и. о. человека.

Nobodywantedtofuck.

* * *

Отмирание биологически обусловленного социального превосходства мужчин идет по мере технизации жизни и обезличивания, демонстрации человека. Сама идея равенства возникает по мере обесценивания женских, материнских функций, когда высшая похвала для женщины, что она похожа копирует мужчину или что может «не хуже», «почти как» мужчина. Что она не поэтесса, а поэт, и даже – «штангист». В общечеловеческом плане, однако, копирование мужского не вносит в мир ничего нового, делая людей одномерными. Симулякрами. Помимо рождения, воспитания и облагораживания человека, любое другое женское творчество подражательно. Коварство прогресса в том, что женщины отказываются от себя сами, а мужчины развивают технику, в свете которой их биосоциальные преимущества перестают иметь значение. Перед лицом машинных скоростей различие в величине шага на 5 см малозначимо, перед лицом подъемного крана способность поднять на 20 кг больше несущественна, перед лицом компьютера видение на два логических хода дальше становится неважным и т. д. Но уж если пол перестает быть спецификой человека как личности, то какие еще черты тут будут значимы? Техника – вот Великий Уравнитель всех наших способностей и отличий. Она их обесценивает! Переход от равноправия к равенству, т. е. одинаковости – один из важнейших механизмов обезличивания людей, самоликвидация жизни. **Равенство полов будет полным по мере и когда не будет человека**, когда и насколько его заменят роботы. Буквально, по субстрату, или, для начала, по характеру деятельности. Прежде чем стать совсем постчеловеческой, она становится немужской. Бюрократизм и мелочность, которую выдерживают только женщины. Образец – школа, модель которой распространяется на все общество. А пока промежуточный этап – энтропия, Unisex, стремление «отменить пол», вытеснив его «гендерными установками» и «сексуальными ориентациями». Выбором. Свобода от природы дошла до свободы от человека. От себя.

* * *

Традиционная измена жене – с любовницей. Об этом вся классическая литература (век XIX). Модернистская измена жене – с любовни-

ком. Она зашифрована в авангардной художественной литературе XX века. Теперь же любовную связь мужчины и женщины называют **традиционным сексом**. То есть чем-то устаревшим. Нес(в)о(е)временным, принадлежащим прошлому. Постмодернистская любовная измена – самому с собой. Как она будет происходить, я не знаю. Может быть так: убежал к женщине. В общем, это предмет литературы будущего. Остается надеяться, что хоть какие-то традиции у людей останутся. И не все превратится в литературу и коммуникации.

* * *

Мужская дружба. Она далеко не тождественна дружбе мужчин. Это дружба, возникшая в «мужском деле». Бою, походе, борьбе, тяжелых испытаниях, где было проявлено самопожертвование, когда ради другого рисковали собой. Тогда другой – друг. В этом суть общения. Нынешний «городской мужчина» его не знает. Он – коммуникант. Знает много, почти все – кроме главного.

Выражение: «ведет себя то как бык, то как теленок» символичнее, чем «то как лев, то как заяц». В первом случае дано крайнее состояние одного животного, во втором – разных. Вот что делают время и развитие. Мальчик и мужчина могут достигать такой же разницы. Могут. Но сейчас опасность в раннем взрослении (ума) и позднем развитии (души). Ни быка, ни теленка. Говядина.

Красивый мужчина – плохой любовник. Его надо любить самого. А умный, то бишь ученый – еще хуже. Он все знает, но мало что чувствует. Если мужчина красив и умен одновременно – мечта многих женщин – то им можно дать только один совет: бежать от него подальше. Общество не зря не поощряло заботу мужчины о своей красоте. «Природа вещей» предполагает, что он хочет, а не его хотят, он выбирает, а не его берут... Обычаи разлагаются вместе с разложением природы вещей.

Главная телесная проблема мужчины – живот. Если с возрастом он не выдается, то это (если не наркоман/алкоголик/хакер) – выдающаяся Личность. Фигура. Вам за 60 и все еще без живота? Неважно, «достигли» вы чего или «не достигли», считайте, что жизнь удалась.

Подлинно тупыми и по-настоящему глупыми бывают только мужчины. И даже лысина не признак ума. Она – наказание за бороду. Для сохранения баланса волос. А мудрых мужчин не бывает вообще. «Как сказала одна мудрая женщина...» Про мужчин говорят: «Как сказал один мудрый человек...»

* * *

Феминизм – это движение женщин, озабоченных компенсацией за состоявшуюся историю человечества при его переходе к машинной цивилизации, когда создание существ обесценилось в сравнении с созданием вещей и веществ, когда ценности жизни терпят поражение от ценностей ума. Оглянувшись с этих новых позиций, они почувствовали себя оскорбленными малозначительностью роли, которую сыграли в производстве, изобретательстве – в истории. Отсюда попытки ее переписывания, придумывание великих социальных женщин (феномен Софьи Ковалевской в математике, которая всего только защитила докторскую диссертацию). Распространяются требования,

чтобы задним числом, «для равновесия», поместить в Пантеон Славы Франции несколько женских фигур, страдания из-за фаллоцентризма вплоть до того, что Иисусу Христу пририсовывают груди, и смысл всей деятельности состоит в изживании данного комплекса. Девочки пытаются научиться писать стоя – чтобы похоже на мальчиков. Потерпев неудачу, взрослые феминистки требуют, чуть ли ни принятии инструкции, чтобы тогда мужчины делали это сидя. Равенство так равенство. Их оскорбляет сама мысль о невозможности воспроизвести, с-имитировать какую-либо мужскую позу, действие или жест. Отсюда стремление непременно «подсунуться» в любой мужской коллектив, обозначить, имитировать любое мужское занятие, вплоть до бани и желания общих туалетов. Появилась «женская наука», предложения о «создании женской квантовой физики», квоты на премии специально для женщин за открытия – наглядное свидетельство того, что в пост-модернистском мире истина, история, факты не играют роли и можно говорить, что хочется, лишь бы смягчить обиду. Феминизм как идеология «отмены пола с компенсацией за историю» – это проявление абиотических и антиэкологических тенденций развития цивилизации, потери ею живого разнообразия. Важнейший фактор демографического вымирания обществ западного типа. Разложение человеческого как со-пут(ь)ствие роботизации. Люди забывают, что самоценна каждая форма бытия и жизнь как таковая первичнее деятельности. При культурной установке на жизнь, а не социальный спектакль, у женщин нет, не было и не должно бы быть каких-либо оснований для чувства неполноценности. Неужели вырастить, сформировать человека менее значимо, чем соединять и разъединять какие-то желез(я)ки? Создавать, выращивать существа менее ценно, чем переделывать и «воспитывать» всего лишь вещества? Все сильны по-своему. Своим. Однако в современном мире жизнь уходит на второй план и все становится чужим. В том числе свой пол. Гомосексуализм и феминизм: свои среди чужих и чужие среди своих. Это раскол, разрыв самого мощного, обеспечивающего жизненную целостность общества каната. А потом сращивание этого разорванного природно-культурного каната через обезличивающий гендер и обезчеловечивающие, стандартизирующие, так называемые, по иронии самообмана, гуманитарные технологии. Технологии зомбирования существующего и конструирования постчеловека.

* * *

С «малым сексом» из фокуса интереса уходят женские органы продолжения рода. И фактически, и идейно. Даже у самих женщин. Дальше – больше. Вместо таблеток еще не так давно велась компания лечения лекарственными свечками через прямую кишку. Говорят, «лучше всасывается». Особенно рекомендуют детям. Но, во-первых, природа вещей предназначила для усвоения пищи желудок и всасывание через прямую кишку может вызвать ее функциональное перерождение с опасными последствиями. Во-вторых, это, конечно, «мода», придуманная в целях дополнительного стимулирования продажи медпрепаратов. Типичная потребительская агрессия против человека: рынок болезней и лекарств должен непрерывно обновляться. Пичкают лекарствами и в рот, и... Скоро так предложат принимать пищу? Ведь «всасывается»! Особенно

в-третьих: введение в задний проход посторонних предметов, тем более с детства, это элементарная подготовка будущих содомитов – и мужчин, и женщин. «Это» + оральный секс оставляют женские органы сексуальности без работы. Потом все меньше будет желающих пользоваться своим природным органом и среди мужчин. Для содомитов он не актуален. Забвение истоков, откуда все мы вышли – вот к чему идет дело.

Возвратиться к основам бытия, призывал М. Хайдеггер. Возвратимся. Только не к истоку, а к отбросам, не к началу, а к концам. Станем копрофагами.

Антропофагия-копрофагия.

я, я, я, Я, Я. Деловые, активные и... пассивизация желаний: все меньше, кто хочет брать, все больше, кто хочет отдаваться. Берите меня, л(е)-те меня. Я, Я, Я, я (один потерялся)... Теперь массмедийное антиискусство культивирует «не библейские» сексуальные позы неслучайно. Это позы отчуждения (библейская поза, обн(ж)имающий все тело женщины мужчина – это было великое достижение христианства в гуманизации человека). Когда партнеры друг друга почти не касаются. Не целуются и не обнимаются. Если страстно обхватывают, то себя. Просто дают друг другу орган. Во временное пользование. В аренду. Взаимопользование. Без едино-плотия, не говоря уже о любви – едино-душии. Эгоизм тел есть следствие эгоизации душ. Бес-контактная цивилизация.

«Малый секс». Частичный секс. Секс с частью. С последним «человеческим фактором?» *Поцелуй по-постмодернистски.*

Переход эгоцентризма в свою противоположность. Потеря центра. *У-нали.* Впрочем, все можно поправить и поднять. Есть же фаллоимитаторы. Потом – *цефаллоимитаторы.*

Общество потребления

В человеческом организме роль экономики выполняет живот. В нем вырабатывается энергия для жизни. Для других органов и сфер деятельности. Также должно быть в обществе. Когда экономика служит культуре, искусству, любви и красоте. В них тратится все заработанное. Современная экономика становится глобальной. От культуры и искусства, от самой жизни требуется прибыль. Они тоже должны «зарабатывать». Как если бы в живот превратился весь организм. Человек как «желудок в панаме». И зарабатывают, увеличивая этот живот через эксплуатацию человеческих пороков и страстей. Все превращается в шоу. Чтобы привлечь внимание и лучше продаваться – любой ценой, средства информации превращаются в средства дезинформации. А поскольку современный человек в среднем потребляет больше в 100 раз, чем еще в начале XX века, то вообразите, какой у него живот. Жрет за сто человек. Тол-Сто-пузый. Гора продуктов на обед. Куда там Гаргантюа. У Ф. Рабле не хватило фантазии насчет наших дней. И каждое утро надевает сто ботинок на одну ногу. Только далеко не ходит.

Общество потребления становится обществом потребления человека. На пороге – биокапитализм! Буквальное потребление/использование органов, особенно мозга, присоединяя его к компьютерам. Ради получения экономического эффекта и роста производительности труда. Ради кого? Прогрессивно глупеющее, слепое, несчастное человечество. Счастливы только непониманием того, что делается.

* * *

Счастье возможно (и у человека и у человечества), если у человека есть *не* счастье. Не в смысле какого-то тяжелого события, происшествий, а как нужда, задачи, неудовлетворенные потребности и желания. Если у него «все есть», если это «дали», богатство от родителей или незаслуженное социальное положение, то человек не знает, что ему с собой делать. И кажется тогда, что все бессмысленно и всему конец. Так называемые депрессии – от избытка и праздности. Вот почему они стали проблемой в богатых странах.

Истина всегда у меньшинства. У тех, кто знает, как бы лучше все надо сделать и делать. А Бытие у большинства, у тех, кто сам делает и за тем, как все делается. Стремиться надо к Истине Бытия.

Мало кто понимает, почему многие с ностальгией вспоминают советскую эпоху. Ведь жили хуже, чем сейчас, потому что, в конце концов, техника с тех пор развилась чудовищно. Но главное не в этом. А в том, что хорошо объясняет известная притча: Путешественник подходит к стройке и спрашивает рабочего: что делаете? Не видишь, таскаю кирпичи. Спрашивает второго – зарабатываю на хлеб, для семьи. Третьего: я строю Кельнский собор. Хотя все делали одно и то же. Так вот: тогда строили Лучшее общество – Собор. Верили в это. А теперь таскаем кирпичи. У некоторых – золотые. Но все рано – не Собор. Потерян Большой Смысл. А не все хотят быть мелкими и бессмысленными.

* * *

Есть очень умные, самостоятельно мыслящие молодые люди. Особенно среди студентов. Всегда умны и все знают аспиранты.

Подумаешь, говорю я. Это еще не свидетельство таланта. В 17 лет и черт красив.

А вот защитить докторскую диссертацию и сохранить собственный взгляд на вещи, стать профессором и не стать тупицей, только на новом уровне, – это трудно. Особенно в философии.

* * *

Готовятся ввести виртуальное чтение лекций. Лучшие профессора московских вузов делают пакет курсов по разным, по крайней мере гуманитарным, предметам. Их можно будет распространить на всю страну и заменить ими местных преподавателей, которые «по определению» менее квалифицированные. Это как если бы заменить все футбольные команды и состязания между ними одной-двумя лучшими командами и все бы их смотрели. Еще логичнее заменить уже московских футболистов/профессоров западными. Там сейчас футбол и, например, считается, что «философия», лучше наших, что там читают/играют более квалифицированно. Или больше не ходить в Эрмитаж, тем более не создавать его новые филиалы, а все картины просматривать по программе «виртуальный музей». Они там даже ярче, четче видны детали и т. п. Разле(а)гайся на диване и любуйся. В общем, закрыть все стадионы, вузы и музеи. Все закрыть. Пусть будет одна медиареальность! Оставить только экраны.

Но экранный футбол, виртуальные картины и фантомные лекции помнятся, пока смотришь, и рассеиваются через несколько часов, как рассеивается инверсионный след пролетевшего реактивного самолета. В то время как поход в музей, на стадион, в аудиторию, а особенно если сам играл, рисовал, выступал, помнит все тело много дней. Особенно если получил синяки, рвал бумагу и спорил с лектором. Они задевают душу, оседают в бессознательном. В бытии. А не остаются пустым знанием. Виртуально мы и так везде были, все видели – пингвинов в Антарктиде, людей на Луне, рыб под водой. А кто виртуально не был в Париже или Нью-Йорке? Каждый, в любой момент. И что это дает? В конце концов «в интернете все есть», эти лучшие лекции/картины/игры тоже можно заменить. Другими. «Получай образование», перелопачивая информацию, пока чипы не вставили, тогда и перелопачивать будет не надо. Нажал кнопку, и все будет перегруппировано как надо для ответа. «Познал».

* * *

Долгая разлука. Ждут, терпят, остается совсем немного – и вдруг, срыв, измена, побег – все прахом. Удивление. А удивляться, может быть, нечему. Падение на финише типичнее, чем на старте или даже на середине дистанции. Не хватило душевных сил. «Энергетики», как принято говорить в эпоху тотального сциентизма.

Проблема одиночества человека – это проблема его ненужности, невостребованности другим человеком. Он «не прорвался» к нему сквозь скорлупу социальности и мышления. Через экраны виртуального (не) общения). *Добровольно одинокие люди – это люди, неспособные к любви.*

Наиболее развитое воображение у людей одиноких. Заменяя реальные связи и контакты, оно у них много работает, церебрализация жизни ведет к росту одиночества. Будущее за одинокими? Ответ зависит от того, что понимать под одиночеством. Если как отсутствие лично-интимных, опирающихся на чувство отношений, то конечно, ибо способность чувствовать умалется. Рационального же взаимодействия будет все больше и больше, вплоть до «растворения сознания». Таков итог движения мира в постчеловеческое состояние: к одиночеству без уединения. А потом – к отсутствию одиночества из-за потери индивидуальности. Научились жить одинокими. Много уже таких. Научимся жить и мертвыми. Таких тоже немало.

* * *

Часы тикают для каждого: как для молодого, так и для старого. Жизнь может оборваться и в 10, и в 70-80 лет. У молодого – это часы случайности, у старого – необходимости.

После 75 лет человек получает, наконец, право на смерть. После 80 оно превращается в обязанность. Однако не всеми правами мы обязаны пользоваться, и не все обязанности имеем право выполнять.

Человек наиболее эгоистичен в молодости. В это время его самость проявляется ярче всего – как индивидуальность и честолюбие. Он хочет переделать мир по своей мерке или, по крайней мере, объявить ему о своем существовании. В старости он становится объективистом, иногда даже альтруистом и гораздо чаще готов сказать, что другие могут быть лучше

его. «Я» человека, приближаясь к исчезновению, постепенно смиряется. Перестав участвовать в гонке, он стоит на обочине движения, сначала одной ногой (до пенсии), а потом – двумя. Такова одна из причин старческой мудрости и благожелательности. Неучастие. «Выбыл из игры».

Когда говорят, что старит не работа, а забота, это значит, что старит мысль, опасаящаяся будущего. Если в настоящем хорошо, то превалирующая мысль о будущем – опасения. Если в настоящем плохо, то превалирующая мысль о будущем – надежды. Быть беззаботным – это жить «здесь и теперь», чувствами, а не сознанием, которое всегда в прошлом или будущем. Думать о будущем – значит заботиться. Человек молод, пока живет чувствами – пока глуп. Сколько чувства (не путать с «нервами»), столько и молодости, сколько ума, столько и старости. **Сохранить энергию заблуждения** – вот главное условие продолжения молодости.

Выходя из определенного возраста, человек живет им по памяти. Взрослый помнит о проблемах своей юности, старик о противоречиях зрелости. Эта память позволяет понимать новые поколения, вообще жизнь. Если же «жизни не было», то к старости это невыносимый педант и моралист. Но бывает педантизм от противного, оттого, что раньше жил как хотелось, а теперь не может, но он опять хочет, чтобы все жили, как ему хочется.

Скорее состариться никто не хочет – сознательно. А бессознательно многие к этому стремятся. Они боятся соблазнов и искушений молодости, устают от напряжения, возникающего в силу необходимости удерживать единство своих противоположностей. Старость сулит смягчение душевной напряженности и снятие противоречия вообще – впадение в консерватизм и порядок. **Бес-покойство** (молодость). **Успокоение** (зрелость). **С-покой** (старость). **Покой-ник** (финиш). Такого содержание *mortido* – влечения к смерти.

Рецепт сохранения молодости: надо смотреться в затемненное зеркало. И чем старше, тем зеркало должно быть темнее. Когда умрете – его закроют совсем. Чтобы покойник не умножался. Смерть – черное зеркало нашей жизни.

* * *

Взрыв эротики, порнографии, вообще «сексуальная революция», выражающаяся в основном в сексуальной мифологии, – это последние патроны (или лучше сказать «пистоны») жизни в борьбе с обесчувствливанием человека. Более тонкие формы воздействия до него «не доходят». Аура любви истончается как озоновый слой. Жизнь выдвинула резервы своего главного командования: идет прямая материальная и духовная эксплуатация гениталий. Но и они, окруженные со всех сторон техникой, в том числе «техникой любви», теряют стойкость. И все чаще терпят поражение: импотенция, перверсии, распространение эректоров, вибраторов и т. д. Впереди у людей, в конце этого процесса, вместо рождения – клонирование.

А началось все с овцы.

Биоэтика для биокапитализма

Если бы у человечества еще сохранялась воля к жизни, если бы оно шло по пути *Libido*, а не *Mortido*, если бы, наконец, оно действительно верило в Бога, то овцу Долли, первое клонированное животное, надо бы

вывести на площадь и сжечь! Публично. При массовом стечении народа. Что там говорили о «евгенике» как улучшении породы человека. Генные инженеры теперь намерены «редактировать эмбрионы» и изобретают киборганических химер, монстров, которые будут «совершеннее» человека вообще. Родового. Как такового! Потом опять «совершеннее», каждый год совершеннее, как новые модели компьютеров. Соединяя их с мозгом, а точнее, присоединяя к ним мозг человека. Чтобы полностью заменить его Искусственным интеллектом. Что творится сейчас в лабораториях! Если думать хотя бы на миллиметр дальше своего носа – то страшно. «Пусть за нас думает компьютер – он железный», – провозглашает, видимо, совсем сбрендивший технократ.

Далее самоцензура, ибо прослыть сейчас антитехнистом почти тоже самое как атеистом в средние века... Но для этого должно быть действительное осознание глубины опасности, нависшей над человеческим родом, решимость противостоять ей. Тут нужен не болтун, не безответственные политики, не равнодушно описывающие происходящее «гуманитарии», а **Спаситель**. Мессия! Наверное, в дыму и пламени. Где Он?!

Олег РЯБОВ

Поэт и прозаик. Родился в 1948 году в Горьком. Окончил Горьковский политехнический институт имени А.А. Жданова. Работал в Научно-исследовательском радиофизическом институте (занимался проблемами поиска внеземных цивилизаций), облкниготорге, издательстве «Нижполиграф».

В настоящее время – директор издательства «Книги». Член «Российского Союза антикваров», «Национального Союза библиофилов». Главный редактор журнала «Нижний Новгород», редактор-издатель альманаха «Земляки».

Член Союза писателей России. Живёт в Нижнем Новгороде.

И ВСЕ ЖЕ ЛИТЕРАТУРА

В начале было Слово...

Евангелие от Иоанна

Испокон веков одной из важнейших человеческих ценностей являлась информация. Натан Ротшильд не был дураком, и принадлежащая ему мысль, что тот, кто владеет информацией, владеет миром, была не раз подтверждена им на практике.

С древнейших времен вождь племени, король, князь рассказывал своему наследнику ему одному известные секреты: как руководить народом, государством, как вести себя с соседями, что покупать и что продавать. Жрецы и священники посвящали преемников в свои тайны, что бы когда-нибудь они заменили их на ответственном посту, знахарь-врач делился своими знаниями с учеником, а у мастера учился ремеслу подмастерье. И чаще всего самая ценная информация передавалась по наследству, пусть и не родственному, но один на один. И это тянулось тысячелетиями; даже когда появилась письменность, то разного рода наблюдения, памятные записки, книги писались и переписывались в единичных экземплярах. Только с появлением книгопечатания, то есть с появлением массового тиражирования знаний, информация стала распространяться с безумной скоростью. Это была техническая революция, одна из важнейших за всю историю человечества. Мир стал другим благодаря Гутенбергу и его коллегам.

Теперь вопрос грамотности поставил перед определенной частью человечества новые задачи, имеющие практическое значение. Для многих людей, которые были заняты поиском новых знаний, чтение книг стало и инструментом, и дорогой. Но те, кто хотели владеть миром, увидели во всеобщей грамотности совсем другие перспективы: в мире

надо было срочно и повсеместно ликвидировать безграмотность, чтобы среди нового образованного народа быстро распространялась нужная информация, а благодаря этому была возможность манипулировать этим уже «образованным» населением. Это к вопросу о задачах, стоящих перед любыми СМИ и любыми носителями информации.

А что касается носителей информации, то здесь произошло чудо. Нам известны очень древние тексты, частично сохранившиеся на глиняных табличках, берестяных грамотках, папирусах, пергаментях и так далее. Но именно бумага, которая лучше всего подошла для технологии книгопечатания Гутенберга, позволяет нам полноценным образом сохранять информацию столетиями. Даже за последние два-три поколения мы можем припомнить большое количество носителей информации, на которые возлагались большие надежды, но... Фотопластины, киноплёнки, фотографии, поляроиды, плёночные магнитофоны и видео, кассетные, дисковые, проигрыватели грампластинок шеллачных, а потом и виниловых, и так далее. Оказалось, что все эти носители не просто не вечные, но даже и не долговечные. Как много было потеряно информации из-за того, что мы слишком верили в эти носители! И только бумага служит человечеству более пяти столетий.

Что касается интернета, то трудно пока говорить не только о его вечности, в смысле хранения информации, но и просто о надёжности. Слишком мало времени он существует. Хотя специалисты говорят, что часть Всемирной паутины иногда отрывается и улетает в небытие!

Когда на мой вопрос: «Читал ли ты “Острова в океане”» Хемингуэя, мой товарищ отвечает мне, что он слушал роман со своей аудиосистемы, сидя в машине, мне кажется, что он не понял вопроса. После такого ответа, на вопрос по поводу прочтения романа Льва Николаевича Толстого «Анна Каренина» я уже жду ответа, что мой товарищ смотрел балет с участием Майи Плисецкой, и этого ему достаточно.

Что же касается детей, которые все сказки Пушкина в виде мультфильмов смотрели по телевизору, и ещё будут смотреть, то я сразу вспоминаю замечательный афоризм по поводу того, что те, кто читают книги, всегда будут управлять теми, кто смотрит телевизор.

Поясню. Вся скотина: собака, корова, курица воспринимают мир как видеоряд, как движущуюся перед глазами картинку; то же самое происходит со зрителем, сидящим в кинотеатре или перед экраном телевизора. Этот способ мировосприятия не имеет ничего общего с чтением. Я уже не про то, что кино – это вообще другой вид искусства, хотя и великий вид искусства. Я ничуть не хочу принизить важности кино.

То же могу сказать о моих друзьях, которые слушают классическую литературу в формате аудиозаписей. Конечно, обидно впустую проводить десятки часов, стоя в автомобильных пробках. Аудиокниги – прекрасная возможность приобщиться к мировым знаниям и стать более образованным.

Только хочется заметить, что слух – это иная сигнальная система, и ею активно пользуется весь животный мир: и медведь, и лисичка, и ворона. Иное дело, что артист Ульянов или артист Смоктуновский действительно прекрасно читают, но это – другой вид искусства. И я ничуть не хочу умалить его значения. Любое высокое искусство заслуживает и всяческого внимания и благодарения.

Часто вспоминается гоголевский герой Петрушка, слуга Чичикова, который очень любил читать, при этом ему было всё равно, что читать, – он наслаждался не красотой текста, а способностями человека

из этих крючочков-буковок складывать слова, из слов фразы, а из фраз разумный законченный текст. То есть Гоголь в первой половине девятнадцатого века фактически предугадал, что человеческий мозг, это – мощнейший компьютер, который мы катастрофически недостаточно используем.

Вот эти крючочки, символы, буквы, цифры, иероглифы, с помощью которых человек научился выражать глубочайшие чувства, предельно точно фиксировать результаты наблюдений и прогнозировать события, обмениваться сложнейшей научной информацией, и стали объектом обработки мощнейшим в мире компьютером – головным мозгом. И его, наш мозг, надо постоянно тренировать и тестировать, то есть попросту – надо читать каждый день. Только упражняясь в чтении всё более и более сложных и качественных текстов можно научиться получать наслаждение от художественной литературы, высокохудожественной литературы, ну и тем более от сложных научных исследований.

А теперь о другом.

Среди многочисленных видов искусства, а к ним кое-кто уже относит и рекламу, и ландшафтный дизайн и такие виды прикладной человеческой деятельности, которые даже обсуждать не хочется. А неоспоримыми остаются всего лишь... И ленинская фраза про то, что «...из всех искусств для нас важнейшим является...» применима к любому из этих неоспоримых, а их всего-то – на пальцах пересчитать.

У Мнемозины было девять дочерей, девять муз, покровительниц искусств, и вот среди этих девяти шесть несли ответственность за различные жанры литературы. Это символично и естественно потому, что многие произведения в самых различных жанрах являются вторичными продуктами по отношению к литературе.

Существование классического театра невозможно представить без писателя, который пишет пьесы (пантомима – не в счет!). Мольер, Бернард Шоу, Чехов работали не просто для театра: они часто работали по заказу театра, сотрудничая с конкретными театрами, а иногда и под бенефис какого-то великого артиста.

Мало того, и опера не видит своего существования без писателя: «Евгений Онегин» и «Кармен», прежде чем их стали петь на сцене, были просто литературными произведениями. Попробовали бы Пласидо Доминго или Хворостовский петь телефонную книгу – не поют. Хотя жанр вокализа существует, но редко мы его слышим. Я уже не говорю про Аллу Пугачеву или Льва Лещенко, которые заказывают тексты песен у известных поэтов.

Текст вдохновляет композиторов и на создание балетов: «Дон Кихота» и «Анну Каренину» танцуют, и зритель забывает, что вначале был писатель.

Эпоха немного кино безвозвратно ушла, но и сто лет назад для фильмов писались сценарии и сопровождающие действие титры; и современный кинематограф всегда работает со сценарием. Некоторые писатели отказываются работать с кинорежиссерами в плане написания сценария по своему готовому и опубликованному произведению, они не хотят ломать свои тексты, хотя не возражают, когда этим занимаются другие; так появляются фильмы снятые «по мотивам». А есть авторы, которые зарабатывают деньги тем, что пишут киносценарии, конкретно не представляя себе в течение работы – кто будет снимать кино.

Библия – величайшее литературное произведение: она включает в себя и исторические хроники, и любовную лирику, и мистические про-

рочества, и философские теории, и классические мелодрамы. Вполне естественно, что такой богатый и сложный текст писался и редактировался не одним человеком, и Библия – произведение коллективного автора, но то, что это произведение искусства, не вызывает сомнений. Так вот, подавляющее большинство шедевров мировой живописи, созданных и в эпоху Возрождения, и в древнерусской живописи, да и написанных в более позднее время, появились на свет благодаря этой великой книге. Не возможно без неё представить существование Лувра, Эрмитажа, галереи Уффици, музея Прадо: проходишь по залам и понимаешь, что библейские мотивы, а значит литература – самый сильный стимул к работе великих мастеров кисти и резца. Непонятно, как бы проявился гений Рафаэля без его «Сикстинской мадонны», Леонардо да Винчи без «Тайной вечери» или Андрея Рублева без его «Троицы» – не будь Священного Писания.

230 гравюр-шедевров, иллюстрирующих Библию, прославили Гюстава Доре на века; хотя и его художественные видеоряды, сопровождающие книги Рабле, Мильтона, Сервантеса, говорят о том, что литература его вдохновляла всегда, и иллюстрации к литературным произведениям сделали ему имя. Так же как Невилля прославили его работы к романам Жюль Верна, а Боклевский нам известен чаще всего по его иллюстрациям к «Мертвым душам» Гоголя да «Василия Теркина» с детства помню только с картинками Верейского.

У работников большинства творческих профессий – архитекторов, скульпторов, художников, артистов, композиторов – имеется некая табель о рангах, которая их всех выстраивает по ранжиру, то есть по качеству. Нам известны такие официальные звания, как: заслуженный артист, народный артист, заслуженный работник культуры, заслуженный деятель искусств, заслуженный художник, академик живописи и так далее и тому подобное.

И только у писателей и поэтов, создающих литературные тексты нет этой градации. То есть существуют таланты в определенных видах искусств, которые можно разглядеть и оценить в баллах или в званиях, но существует и Божий дар, который дается литераторам небесами, и этот дар, сумел его использовать мастер или нет, оценить современник не может или не рискует, отсылая решение этого вопроса на откуп потомкам.

Екатерина ЗВЕРЕВА

Родилась в 1974 году во Владимире. Окончила филологический факультет Владимирского педагогического университета. Преподаёт в вузе языковые дисциплины. Имеет опыт работы в СМИ. Педагог в третьем поколении, продолжатель учительской династии.

Автор рассказов, повестей, публицистических заметок. Публиковалась в литературных альманахах г. Москвы, в литературно-художественном журнале «Клязьма» (г. Владимир). В 2015 году в издательстве «Авторская книга» (г. Москва) вышел сборник рассказов Екатерины Зверевой «Моя мама – училка».

Живет во Владимире.

ПОЧЕМУ МЫ СТАНОВИМСЯ ИВАНАМИ, НЕ ПОМНЯЩИМИ РОДСТВА?..

В прошлом году, накануне праздника Великой Победы, в одном из московских театров разразился скандал. На сцене театра был показан ставший уже культовым спектакль по роману А. Фадеева «Молодая гвардия» в исполнении актёров Владимирского областного театра драмы. С этой постановкой владимирцы объехали всю Россию (от Владивостока до Крыма), побывали на Донбассе, по приглашению Минобороны России летали в Сирию. И везде пронзительный спектакль о комсомольцах-молодогвардейцах, героически отдавших жизнь в борьбе против фашистских оккупантов, шёл с неизменным успехом.

Пришёл черёд приехать с гастролью в Москву. Спектакль был показан при полном аншлаге и принимался зрителями нескончаемыми авациями, со слезами на глазах. В присутствии ветеранов войны и представителей Краснодона, родины молодогвардейцев, развернули знамя Победы.

Спектакль закончился. Зрители разошлись. Слезы высохли, аплодисменты стихли. Рабочие начали разбирать декорации. Но именно тогда и случилось то, что до глубины души потрясло режиссёра и актёров владимирского театра.

Двое молодых московских монтировщиков открыто, никого не стесняясь, стали делать селфи на фоне реквизита – портрета Гитлера, около которого по ходу спектакля лихо отплясывала отчаянная Любка Шевцова, отвлекая внимание гитлеровцев, пока молодогвардейцы поджигали биржу труда, чтобы спасти от угона в Германию тысячи юношей и девушек Краснодона. Монтировщики цинично развлекались, позируя

с поднятой рукой («Хайль Гитлер»), и тут же выкладывали снимки в интернет.

Актёры, которые полчаса назад от имени своих героев сражались за Родину и умирали под дулами немецких автоматов, наблюдали за происходящим, не веря своим глазам. Затем не выдержали:

– Ребята, вы в своём уме? Разве вы не слышали о миллионах погибших? Об Освенциме, о Холокосте? Что вы творите?!

В ответ монтировщики только ухмыльнулись:

– А что такого? Гитлер крутой! Мы его уважаем!

Впоследствии владимирский режиссёр, не скрывая горечи и гнева, описал эту чудовищную ситуацию в социальных сетях.

Возможно, вы скажете, что это единичный случай, что глупых (мягко говоря) людей, увы, везде хватает. Насчёт глупых людей соглашусь. Но вот единичный ли этот случай? Не уверена...

Недавно мы со студентами (я преподаю культуру речи в институте) коснулись на занятиях темы Великой Отечественной войны. И один из молодых людей, 17-летний юноша по имени Иван, встал и так уверенно, так высокомерно произнёс: «Зверства фашистов преувеличены. Это всё советская идеология. На самом деле немцы не хотели воевать. Их заставило руководство страны. Поэтому они – такая же пострадавшая сторона, как и Советский Союз». Сказал это и спокойно сел.

Я уже привыкла к тому, что от сегодняшних первокурсников можно ожидать чего угодно. Привыкла к их грубым речевым ошибкам, к утверждениям, что Пьер Безухов – персонаж романа «Герой нашего времени» и т. п. Привыкла, что в голове у них каша из имён, дат и событий. Но после реплики Ивана на несколько секунд потеряла дар речи (вероятно, как и актёры «Молодой гвардии» после похожей реплики монтировщиков). Случаются в жизни ситуации, когда не знаешь, как себя вести и что отвечать. Особенно если слышишь совершенно дикие, противоречащие здравому смыслу утверждения, которые выдаются за истину.

Я в тот момент так себя почувствовала, словно Ваня очередь из автомата по мне дал. Впрочем, тогда подумала, что не только по мне. Искала в глазах его однокурсников хотя бы отблески праведного негодования, но... не нашла. Они все оставались абсолютно спокойны. словно речь шла о чём-то чуждом и малоинтересном. О правописании «жи-ши», например.

Я поинтересовалась у Ивана, где взял он сведения о фашистах как якобы невинных жертвах войны. Он ответил: «В интернете. Читал письма немецких солдат. Они свидетельствуют о том, что немцы не были такими зверями, какими их хотят представить». А девочка Ксюша ещё и поддержала своего соседа по парте: «Не нужно навязывать своё мнение. В стране демократия. У вас своё мнение, а у Вани своё». «А какое мнение у тебя?» – спросила я Ксюшу. «Не знаю. Я не думала об этом», – последовал ответ.

И вот тут мне стало страшно. Потому что страшно жить в обществе, где под соусом так называемой демократии подаются дикие, чудовищные по степени цинизма утверждения. Значит, любая мерзость, любая ложь, любое поправление непреложных истин имеют право на существование? Никаких рамок! Никаких ограничений! Ничего святого! Так получается?

Следующую ночь я не спала. Сидела в интернете. Да, я обнаружила на некоторых весьма сомнительных сайтах материалы, о которых

говорил Иван, – письма немецких солдат, где те якобы сожалеют о том, что приходится убивать и грабить. И там же – письма советских солдат, где те якобы описывают, сколько немецких женщин изнасиловали и сколько немецких детей убили. Эти сайты посещают множество молодых людей, которые, как оказалось, даже не сомневаются в их подлинности.

Всё это заставило меня долго и мучительно размышлять – сравнивать, сопоставлять, анализировать...

Тема Великой Отечественной войны для меня важная и сокровенная. Оба мои деда воевали. И историю я изучала не по фильму «Бесславные ублюдки». И вообще, все мы (и я, и мои студенты) – потомки тех, кто сражался в той страшной войне и победил, заплатив за эту победу десятками миллионов человеческих жизней. Кровью заслужил вечную благодарность своих потомков, вечное преклонение и вечную память. Однако выходит, что потомки вместо благодарности плюют на эту память и с грязью её смешивают. Причём походя, цинично и равнодушно.

На следующем занятии я позволила себе отодвинуть в сторону учебную программу, и мы со студентами в течение полутора часов смотрели кадры кинохроники, которую снимали военные корреспонденты при освобождении узников фашистских концлагерей. Там было всё: и горы трупов, и кучи человеческих волос, и газовые камеры, и живые скелеты вместо людей. Комментариев не требовалось... Ребята выходили из аудитории, глядя в пол. Они впервые ощутили масштаб трагедии. Они были потрясены. Я чувствовала, что в их умах и душах что-то произошло. Изменилось. Что-то главное. Главное в первую очередь для них самих, для их дальнейшей жизни.

Недавно в программе «Время покажет», которая идёт на Первом канале ТВ, Александр Сытин (доктор исторических наук) сказал, что десакрализация темы Великой Отечественной войны – процесс для нашего общества естественный и неизбежный, поскольку с момента окончания войны прошло уже несколько десятков лет и практически полностью умерло поколение, которое было непосредственным участником тех событий. Помилуйте! Уж если называть историческую слепоту и глухоту витиеватым словом «десакрализация», то прежде всего нужно отметить, что этот процесс не естественный, а показательный! Он показывает, что с нами, с нашим обществом, как пел Владимир Высоцкий, «всё не так! Всё не так, ребята!..» Общество зиждется на нерушимых, непререкаемых ценностях, нравственных законах, которые существуют даже не десятилетиями, а веками! И если эти законы начинают подвергаться сомнению, разрушаться, подменяться, то вместе с ними разрушается и само общество. Нет, не обновляется, а именно разрушается, деградирует и в конечном счете погибает. Оно съест само себя изнутри.

И не нужно бездумно (или намеренно?) называть десакрализацию Великой Отечественной войны естественным процессом. У каждого процесса есть свои причины. Мне, например, понятно, зачем на Западе уничтожают памятники нашим воинам-освободителям, пытаются уравнивать Сталина и Гитлера, фальсифицируют исторические факты и всеми правдами и неправдами (чаще именно неправдами) стараются отнять у нашего народа славу воина-победителя. Отнять, уничтожить, обратить в прах! Чтобы даже воспоминаний об этом не осталось! Потому что *там* понимают, что наш народ непобедим, пока жива эта память. Она – фундамент нашего общества. Она – наша национальная

идея. Она – основа нашего мироощущения и нашей духовной силы. Чтобы сломить наш народ, прежде всего нужно уничтожить эту священную память. *Там* – это хорошо понимают. Но понимаем ли мы? Как у нас – потомков воинов-освободителей, спасших мир от фашистского безумия, поворачивается язык кричать о том, что немцы – «невинные жертвы войны», что зверства фашистов преувеличены, что, не будь Победы, можно было бы сейчас спокойно пить баварское пиво в одной из немецких кафешек?

В России нет семьи, которой не коснулась бы война. Двадцать шесть миллионов погибших! Это наши деды и прадеды, бабушки и прабабушки! Поэт Леонид Корнилов в одном из своих стихотворений справедливо заметил: «В наших жилах течёт кровь Девятого мая...» В таком случае как же наши родные, русские Василии, Николаи и Иваны смогли превратиться в иванов, не помнящих родства, забывших свои корни, не любящих и не ценящих своего Отечества, бредущих по миру с тёмной и одичалой душой? Похоже, снова возникают извечные русские вопросы «кто виноват?» и «что делать?».

Кажется, ещё совсем недавно школьники знали наизусть имена пионеров-героев, могли легко показать на карте города воинской славы, встречались с ветеранами, писали о них статьи в стенгазету. А сегодняшние выпускники? Они не знают, что представляли собой планы Гитлера «Ост» и «Барбаросса». Имя Тани Савичевой слышат впервые. Мало кто может назвать героев Великой Отечественной войны и рассказать об их подвигах. Как будто не россияне они! Как будто это не их история! Не их страна и не их народ!

Сегодня в средней школе историю Великой Отечественной изучают (если это можно так назвать) схематично, без подробностей: перечень дат, краткое описание основных событий. Всего шесть-семь уроков отводит школьная программа на изучение этой темы – основополагающей для воспитания патриотизма и гордости за свою страну. И после этого мы хотим, чтобы наши дети любили Родину. Чтобы гордились ею. Увы!.. Невозможно гордиться тем, чего не знаешь! Так, может быть, пора уже, наконец, признать в том, что современная система образования уничтожила историю как предмет, формирующий в человеке гражданина? В результате мы имеем то, что имеем. Мы получаем малограмотных, невежественных молодых людей, готовых поверить любой дезинформации, любым фейковым, фальсифицированным материалам, которыми можно легко заполнить пустые извилины неокрепшего мозга.

Родина должна иметь духовное наполнение, иначе не мать она тебе, а тётка чужая. Кто же должен отвечать за это наполнение? Тут нечего изобретать велосипед. Конечно, общество – начиная со школы и семьи. Однако многие современные родители убеждены, что их дело – одеть и накормить своих чад, а их воспитанием обязаны заниматься школьные учителя. У учителей же, измученных бесконечными реформами и тонущих в потоке бесполезных бумаг и отчётов, уже не осталось ни времени, ни сил сеять разумное, доброе, вечное. Они низвергнуты с высокого пьедестала и, согласно Закону об образовании, выполняют функции обслуживающего персонала, оказывая всего-навсего образовательные услуги. Вот такой получается замкнутый круг...

Каждый год 9 Мая я вместе со своей семьёй выхожу на центральную улицу города и встаю в ряды «Бессмертного полка». Мы несём портреты своих воевавших дедов. И, вглядываясь в светлые лица дорогих

и любимых людей, я в который раз испытываю ни с чем не сравнимые чувства радости и гордости. Эти чувства возникают где-то у самого сердца, подступают к горлу и выплёскиваются из глаз жгучими, но в то же время счастливыми слезами. Мысленно я благодарю своих дедушек – настоящих мужчин, верных защитников Отечества – за эту великую честь – идти с ними в одном строю.

Их уже нет на этом свете, но они всё равно продолжают быть рядом. Когда мне в жизни бывает трудно, память о них не даёт мне опустить руки. Даже в другом мире они незримо остаются моими советчиками и помощниками. Они – моя совесть и моё достоинство, моя опора во всём!

И поэтому мне бывает... жаль своих студентов. Что они знают о своих предках? Кем те были? Что любили? Во имя чего были готовы пожертвовать своей жизнью? Родители не рассказали, а учителя не научили. И не сформировались основы священной исторической памяти, в которой «обретает сердце пищу». Что человек без этой памяти? Калека. Слепой и глухой. Плутает себе, бесприютный, по закоулкам жизни и часто не ведает, что творит...

Что-то подсказывает мне, что мы ещё будем пожинать богатые плоды этой преступной исторической глухоты. Война идёт в обществе. Серьёзная идеологическая война. И её нельзя недооценивать, потому что поле битвы, как было сказано Достоевским, – сердца людей. В этой войне тоже есть раненые и убитые, победители и побеждённые. И если её проиграть, то обратной дороги, возможно, уже не будет...

Вехи памяти

Андрей РУМЯНЦЕВ

Родился в рыбацком селе Шерашово на Байкале. Окончил Иркутский университет. Работал в газете «Молодежь Бурятии», затем заместителем председателя Комитета по телевидению и радиовещанию Бурятии.

Автор многих поэтических и прозаических книг, в том числе биографических повествований о Валентине Распутине и Александре Вампилове, вышедших в серии «ЖЗЛ» издательства «Молодая гвардия». Публиковался во Франции, Канаде, Болгарии, Эстонии и других странах.

Народный поэт Бурятии, член Высшего творческого совета Союза писателей России. Действительный член Петровской академии наук и искусств. Лауреат нескольких литературных премий. Живёт в Москве.

А ОН, МЯТЕЖНЫЙ...

К 205-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова

Когда-то Ярослав Смеляков написал:

О, этот Лермонтов опальный,
сын нашей собственной земли,
чьи строки, как удар кинжальный,
под сердце самое вошли!
Он, этот Лермонтов могучий,
сосредоточась, добр и зол,
как бы светящаяся туча
по небу русскому прошел.

Поначалу кажется, что наш современник довольно точно уловил сущность лермонтовской поэзии. Действительно, смелый, сумрачный, язвительный взгляд Лермонтова таит в себе всепроникающий и целебный свет, и это производит впечатление светящейся живительной тучи над полем русской жизни. В судьбе поэта можно найти объяснение, почему первые же его стихи явились перед читателем не восторженно романтическими, не юношески солнечными, а тревожно грозными, несущими сумрачный небесный огонь. Мальчик рано, в неполных три года, лишился матери, а затем, собственно, и отца, у которого бабушка будущего поэта Елизавета Алексеевна отняла право видеться с сыном. Это душевное сиротство Мишеля, при его пробуждающемся могучем даре, обострило внутреннее зрение юного человека, обнажило перед ним трагизм существования на неприветливой земле. Даже если не брать во внимание стихи Лермонтова последних лет, то есть произведения уже оформившегося великого таланта, а взять лишь его первые

самостоятельные строки – даже и они отмечены трагическим, провидческим знанием о земной жизни, о душе, о любви:

Я жить хочу! хочу печали
 Любви и счастью назло;
 Они мой ум избаловали
 И слишком сгладили чело.
 Пора, пора насмешкам света
 Прогнать спокойствия туман;
 Что без страданий жизнь поэта?
 И что без бури океан?
 Он хочет жить ценою муки,
 Ценой томительных забот.
 Он покупает неба звуки,
 Он даром славы не берет.

1832

И все же образ «светящейся тучи», хотя и броский, запоминающийся, не вполне объясняет суть. Особость М. Лермонтова в том, что он впервые в русской поэзии (да и в целом в литературе) обнажил перед читателем глубины человеческой души с ее светлыми чувствами и темными страстями; он открыл ее противоречивый и трагический мир. Позже этой способностью обладал разве что Ф. Достоевский.

В чем гений Лермонтова проявился сразу, в поразительной новизне, так это именно в необыкновенной способности выразить в лирическом стихотворении противоречащие друг другу чувства или настроения, размышляет ли он о родине, о жизни или о счастье:

Люблю отчизну я, но странною любовью!
 Не победит ее рассудок мой...

.....

В себя ли заглянешь? –
 там прошлого нет и следа:
 И радость, и муки, и все там ничтожно...

.....

И царствует в душе какой-то холод тайный,
 Когда огонь кипит в крови...

.....

Все это было бы смешно,
 Когда бы не было так грустно...

Даже любовь (или влюбленность) несет в себе противоречивые внутренние начала:

И черные глаза, остановясь на мне,
 Исполнены таинственной печали...

.....

Понять невозможно ее,
 Зато не любить невозможно...

За всем этим стоит, конечно, духовная сложность человека, которой раньше касался не каждый поэт; для Лермонтова это естественная среда, в которой живет его муза.

* * *

Вспомним, сколько лет судьба отвела М. Лермонтову для творчества. Немногим более десяти. А если учесть, что наиболее значительные произведения в поэзии, прозе и драматургии созданы им после гибели А. Пушкина, то и еще меньше – четыре года. Никто из великих русских поэтов не развернулся во всем блеске своего таланта за столь короткое время. И никто из них, кроме Пушкина, не создал до двадцатисемилетнего возраста столько гениальных творений, обратившись к самым коренным, глубоким и таинственным вопросам человеческого бытия: что есть жизнь и смерть, добро и зло, красота и духовный тлен, служение отечеству и равнодушие к родине, возвышенная любовь и нравственная грязь, душевная чистота и пошлость? Заслуга М. Лермонтова в том, что он, возможно, единственный в русской лирике представил столь полно и трезво, с беспощадной правдой портрет своего поколения, его духовную, нравственную физиономию и поселил на многие десятилетия тревогу в русское сердце: что же будет с нашей родиной, если мы и дальше станем чувствовать, думать, поступать, как сегодня?

Проницательный и страстный поэт, Лермонтов лучше других видел пороки современного человека, общества, устройства жизни и с беспощадной прямоотой говорил о них.

ДУМА

Печально я гляжу на наше поколение!
 Его грядущее – иль пусто, иль темно,
 Меж тем, под бременем познания и сомненья,
 В бездействии состарится оно.
 Богаты мы, едва из колыбели,
 Ошибками отцов и поздним их умом,
 И жизнь уж нас томит,
 как ровный путь без цели,
 Как пир на празднике чужом.
 К добру и злу постыдно равнодушны,
 В начале поприща мы вянем без борьбы;
 Перед опасностью позорно малодушны
 И перед властью – презренные рабы.

.....

Толпой угрюмою и скоро позабытой
 Над миром мы пройдем без шума и следа,
 Не бросивши векам ни мысли плодovитой,
 Ни гением начатого труда.
 И прах наш,
 с строгостью судьи и гражданина,
 Потомок оскорбит презрительным стихом,
 Насмешкой горькою обманутого сына
 Над промотавшимся отцом.

1838

Лермонтов имел право на такие суровые, откровенные слова. Еще совсем юношей, написав стихи на смерть Пушкина, он бросил вызов самым могущественным силам империи; затем попал в гущу Кавказской войны и с честью вынес кровавые испытания. Он рано стал национальным поэтом, познавшим противоречивый, загадочный характер своего народа.

Но нас сейчас интересует новизна лермонтовского чувства, привнесенного в русскую поэзию. Да, новизна, потому что именно он утвердил в нашей лирике любовь к отечеству, не раз спасавшему мир и страдающему от равнодушия современников к её судьбе – любовь к нему, как сокровеннейшее и, может быть, главнейшее чувство русской души.

У Лермонтова и признания-то, обращенные к отечеству, особые, не похожие на строки его предшественников; эти признания словно бы намеренно «снижены», «одомашнены», как беседа с родным полем за околицей или крестьянскими хатами за окном. «Слава, купленная кровью» не шевелит в нем «отрадного мечтанья», будто не он вчера вдохновенно воспел эту славу в стихотворении «Бородино». Такой «шаг на попятную», конечно, нужен был пылкому Лермонтову для того, чтобы с особой душевной теплотой напомнить читателю о близких, материнских чертах своей дорогой родины. Сейчас особенно ясно видно, что он первым с такой огненной страстью, душевным напряжением, общественным темпераментом сказал свое слово о боли и надежде русского человека – о России. Он первым сделал эту тяжкую думу главным содержанием собственного творчества.

РОДИНА

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.
Но я люблю – за что, не знаю сам –
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень;
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

1841

* * *

В критической литературе написано немало о мрачном характере лермонтовской лирики, о «демонизме» поэта. Но если это так, то почему его строки завоевали читательскую душу, поселили там любовь к его бессмертным песням?

Думаю, особость М. Лермонтова еще и в том, что он, как никакой другой русский поэт, открыл бесценные сокровища своего сердца, во многом идеальные качества человека – сострадание к живому на земле, милосердие, порыв к духовному совершенству, тихую святость. Иные его стихи можно шептать, как сокровенную исповедь:

Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;
Когда, росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;
Когда студеной ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он, –
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, –
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу бога...

1837

Этим «молитвословным языком» написаны многие-многие стихотворения Михаила Лермонтова. А ведь надо помнить: поэт приходил к этому языку в дни житейских бурь (что стоят две ссылки на Кавказ, под чеченские пули); он приходил к этому языку после черного отчаянья, горчайших открытий, поражений в любви, незаслуженных обид и клеветы. Но они не замутили его душу, не ожесточили ее и не заглушили чистого поэтического родника. Вот лермонтовская «Молитва» – недаром этот заголовок венчает несколько стихотворений поэта разных лет:

Я, мать божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,
Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодного.
Окружи счастьем душу достойную;
Дай ей сопутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.
Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную –
Ты воспрять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

1837

Стихи М. Лермонтова – это психологически затейливая, тонкая и захватывающая повесть о том, как в жестоком мире, среди не понимающих певца людей, в среде, чуждой творчеству, пылкая и чистая душа ищет тепла, участия, братского отклика. Возвращаясь в Северную столицу с Кавказа, поэт тревожился:

Найду ль там прежние объятья?
Старинный встречу ли привет?
Узнают ли друзья и братья
Страдальца, после многих лет?
Или среди могил холодных
Я наступлю на прах родной
Тех добрых, пылких, благородных,
Деливших молодость со мной?

1837

Постоянный мотив лермонтовской лирики – найти на земле родную душу, опереться на нее и стать ей опорой, поделиться с ней теплом и согреться ее участием. В этом порывистом, безжалостно-ироничном, склонном к постоянным проказам человеку жила бессмертная нежность. Такое бывает только с великим сердцем. Кажется, вот они – трезвые, осуждающие строки о своем всегдашнем окружении, из которого не дано вырваться:

Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски...

Можно ли в таком ежедневном соседстве быть способным на чувствительность, детскую непосредственность, на непрошенные слезы, наконец? Оказывается, можно.

Слышу ли голос твой
Звонкий и ласковый,
Как птичка в клетке,
Сердце запрыгает;
Встречу ль глаза твои
Лазурно-глубокие,
Душа им навстречу
Из груди просится,
И как-то весело,
И хочется плакать,
И так на шею бы
Тебе я кинулся.

1838

Это как проявление Божественной благодати: Всевышний вливает в земного человека благородство, самоотвержение, братскую любовь к другой душе, то есть чувства, которые и должны быть свойственны Его созданию, но осквернены или подорваны нашими грехами. И вот, наконец, в поэте они торжествуют, проявляются во всей своей красоте. Приведу строфы лишь из трех посвящений М. Лермонтова женщинам – адресаты разные, но сердце, исторгнувшее эти слова, согрето одними и теми же чувствами уважения, благодарности, нежной приязни:

Залогом вольности желанной,
Лучом надежды в море бед
Мне стал тогда ваш безымянный,
Но вечно памятный привет.

.....

Что ж делать? – речью безыскусной
Ваш ум занять мне не дано...
Все это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно.

.....

Мне грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цветущую твою
Не пощадит молвы коварное гоненье.
За каждый светлый день
иль сладкое мгновенье
Слезам и тоской заплатишь ты судьбе.
Мне грустно... потому что весело тебе.

Нет, что ни говорите, а только душа художника еще остается верна тому образу, что хотел видеть в человеке Творец; только она еще сопротивляется проискам зла, тлетворному дыханию среды и времени.

О, полно извинять разврат!
Ужель злодеям щит порфира?
Пусть их глупцы боготворят,
Пусть им звучит другая лира;
Но ты остановись, певец,
Златой венец – не твой венец.
Изгнаньем из страны родной
Хвались повсюду как свободой;
Высокой мыслью и душой
Ты рано одарен природой;
Ты видел зло, и перед злом
Ты гордым не поник челом.

1830

* * *

Лермонтов продолжил после Пушкина миссию человеколюбия. Поэзия осталась храмом, войдя в который, человек очищается от нравственной грязи, дурных помыслов. Стих, «облитый горечью и злостью», предназначен только для демонов зла; для тех же, кто ожидает ангелов света, поэт находит самые нежные, ласкающие душу слова:

РЕБЕНКУ

О грезах юности томим воспоминаньем,
С отрадой тайною и тайным содроганьем,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю...
О, если б знало ты, как я тебя люблю!
Как милы мне твои улыбки молодые,
И быстрые глаза, и кудри золотые,

И звонкий голосок! – Не правда ль, говорят,
Ты на нее похож? – Увы! года летят;
Страдания ее до срока изменили,
Но верные мечты тот образ сохранили
В груди моей; тот взор, исполненный огня,
Всегда со мной. А ты, ты любишь ли меня?..

1840

Поэт умел быть благодарным за малую искру любви; он умел оценить нравственный подвиг любой души. То, что эта благодарность и эта добрая оценка чужого бескорыстия постоянны в его стихах, не ускользает от внимательного читателя. Мы любим Лермонтова за свет, который развеивает и тоску, и неудовлетворенность, и злость – то, что недобросовестные толкователи выставляли в его творчестве на первый план.

Слепец, страданием вдохновенный,
Вам строки чудные писал,
И прежних лет восторг священный,
Воспоминанием оживленный,
Он перед вами изливал.

.....

Я верю, годы не убили,
Изгладить даже не могли
Все, что вы прежде возбудили
В его возвышенной груди.
Но да сойдет благословенье
На вашу жизнь за то, что вы
Хоть на единое мгновение
Умели снять венец мученья
С его преклонной головы.

1838

* * *

Можно только удивляться, что уже в юные годы М. Лермонтов осознавал особую миссию поэта, его подотчетность только Творцу. Чтобы утверждать это тогда, нужна была смелость и независимость от людского суда: свет смотрел на художника, как на лицо несамостоятельное, находящееся на содержании сильных мира сего. Следовало отстаивать его свободу – и Лермонтов был одним из первых поэтов, которые заложили этот фундамент для отечественной лирики. Полтора столетия звучит полное достоинства его предостережение бездушной и властной черни – этим охранительным доводом великого предшественника всегда может воспользоваться любой подлинный поэт:

Укор невежд, укор людей
Души высокой не печалит;
Пушай шумит волна морей,
Утес гранитный не повалит;
Его чело меж облаков,
Он двух стихий жилец угрюмый,
И, кроме бури да громов,
Он никому не верит думы...

У поэтического слова есть тайное очарование, и М. Лермонтов первым дал читателям возможность почувствовать это. Почему тайное очарование? Потому что это очарование необъяснимо, потому что оно не только присутствует в слове, но и разлито вокруг него и за ним, в дальней дали. Эту тайну русской поэзии позже пытались объяснить символисты. Д. Мережковский, прозаик, поэт, критик, приведя строку Ф. Тютчева «Мысль изреченная есть ложь», заметил: «В поэзии то, что не сказано и мерцает сквозь красоту символа, действует сильнее на сердце, чем то, что выражено словами». Эту мысль развил другой поэт и теоретик символизма Вяч. Иванов: «...если ...я, поэт, не умею заставить самую душу слушателя петь со мною другим, нежели я, голосом, не унисоном ее психологической поверхности, но контрапунктом ее сокровенной глубины, – петь о том, что глубже показанных мною глубин и выше разоблаченных мною высот, если мой слушатель – только зеркало, только отзвук, только приемлющий, только вмещающий, – если луч моего слова не обручит моего молчания с его молчанием радугой тайного завета, тогда я не символический поэт».

Опустим слово «символический» как понятие условное. То, о чем говорят оба автора, – это верные и глубокие замечания, относящиеся к коренному свойству русской классической поэзии: многозначному смыслу ее великих произведений. И, может быть, именно М. Лермонтов первым смог решить эту невероятной сложности задачу: его стихи таят глубины, которые глубже видимых поначалу, и очерчивают высоты, которые выше отмеченных первым взглядом:

АНГЕЛ

По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.
Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;
О боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.
Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез;
И звук его песни в душе молодой
Остался – без слов, но живой.
И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

1831

* * *

Еще в юности М. Лермонтов написал одно особенное стихотворение. В нем поэт провидчески предугадал свою короткую жизнь, определил особенность своего творческого дара и судьбы, заявил, что он способен выполнить миссию, возложенную на него Богом. Это стихотворение знает, конечно, каждый школьник:

Нет, я не Байрон, я другой,
 Еще неведомый избранник,
 Как он, гонимый миром странник,
 Но только с русскою душой.
 Я раньше начал, кончу ране,
 Мой ум немного совершит;
 В душе моей, как в океане,
 Надежд разбитых груз лежит.
 Кто может, океан угрюмый,
 Твои изведать тайны? Кто
 Толпе мои расскажет думы?
 Я – или бог – или никто!

1832

Пожалуй, это ключ к недолгой жизни и к бессмертному творческому наследию Михаила Юрьевича Лермонтова. Он во всей полноте открыл свою душу, и его исповедь оказалась столь бесценной, поучительной, близкой нам, что мы помним в ней каждый звук. «Прочувствовать великого поэта, – словно бы и от нашего имени написал в свое время В. Белинский, – это значит пережить целую жизнь, принять в себя целый, отдельный и самобытный мир мысли, следовательно, дать своему нравственному существованию особенную настроенность, отлить дух свой в особую форму». Так оно и есть. Все, что успела высказать великая душа поэта, осталось с каждым из нас как самое сокровенное, самое нужное и ценное для собственной жизни.

Валерий СУХОВ

Родился в 1959 году в селе Архангельском Пензенской области. Окончил Пензенский государственный педагогический институт им. В.Г. Белинского и аспирантуру при Московском педагогическом университете. Кандидат филологических наук. Работал учителем в сельской школе, преподавателем литературы в университете.

Автор пяти сборников стихотворений. Стихи публиковались в журналах «Сура», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Подъем», «Русское эхо», «Странник», «Простор», «Нижегородская провинция», в «Литературной газете». Лауреат всероссийской премии имени М. Ю. Лермонтова и международной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами». Живет в Пензе.

«НА СВЕТЕ МАЛО, ГОВОРЯТ, МНЕ ОСТАЁТСЯ ЖИТЬ!»

Смерть поэта как «творческий акт» в лирике
 Лермонтова и Есенина

Осип Мандельштам в статье «Скрябин и христианство» писал: «...Смерть художника не следует выключать из цепи его творческих достижений, а рассматривать как последнее, заключительное звено... Она служит как бы источником этого творчества, его телеологической причиной». В творчестве М.Ю. Лермонтова и С.А. Есенина мотив предсказания своей смерти – один из самых распространенных. Оба поэта рано и обостренно осознают свою избранность, которая ярче всего проявляется в способности предвидеть будущее. Особое влияние на Лермонтова оказал случай, который он описывал в своих «Автобиографических заметках»: «Еще сходство в жизни моей с лордом Байроном. Его матери в Шотландии предсказала старуха, что он будет великий человек... про меня на Кавказе предсказала то же самое старуха моей бабушке. Дай бог, чтобы и надо мной сбылось; хотя б я был так же несчастлив, как Байрон». Увлечение поэзией и личностью любимого поэта отразилось в стихотворении «Нет, я не Байрон, я другой...» (1832), которое содержит в себе мотив пророческого предсказания, связанного с осознанием необходимости поиска своего творческого пути.

Именно здесь Лермонтов предсказал свою раннюю гибель: «Я раньше начал, кончу ране». Как известно, Байрон умер в 37 лет, Лермонтов – в неполных 27.

В «Лермонтовской энциклопедии» среди центральных мотивов творчества поэта (свобода и воля, действие и подвиг, одиночество,

странничество, изгнанничество, Родина, память и забвение, обман, мщение, покой, земля и небо, сон, игра, путь, время и вечность, любовь) особо выделяются мотивы смерти и судьбы. Эти мотивы связаны между собой тесным образом, ибо «...в поэзии Лермонтова смерть предстает не как финал земного пути, естественный или избранный героем, а как провиденциальное ощущение гибели или близкой кончины». Именно это сближает с Лермонтовым Есенина.

В лирике двух поэтов можно выделить целый ряд сходных мотивов, тем или иным образом связанных с предсказанием смерти. Об этом Лермонтов начинают писать уже в ранний период творчества в стихотворениях «Ночь. I» (1829), «1831-го июня 11 дня» (1831), «Завещание» (1831), которые во многом предваряют мотивы его зрелых произведений, созданных незадолго до роковой дуэли с Мартыновым: «Я к вам пишу случайно; право» (1840), «Завещание» (1840), «Сон» (1841). Дар предвидения подсказывал Лермонтову и Есенину, что их жизни оборвутся трагическим образом в ранней молодости. Аналогичные лермонтовским мотивы мы можем найти у Есенина в стихотворениях «Исповедь самоубийцы» (1913–1915), «Наша вера не погасла...» (1915), «Устал я жить в родном краю...» (1916), «Слушай, поганое сердце...» (1916), «День ушел, убавилась черта...» (1916), «Я последний поэт деревни...» (1920), «Мир таинственный, мир мой древний...» (1921), «Да! теперь решено. Без возврата...» (1922), «Мне осталась одна забава...» (1923), «Вечер черные брови насопил...» (1923), «Мы теперь уходим понемногу...» (1924), «Песня» (1925), «Синий туман, снеговое раздолье...» (1925), «Цветы мне говорят – прощай...» (1925), «Снежная равнина, белая луна...» (1925), «До свиданья, друг мой, до свиданья...» (1925).

Читая эти произведения, нельзя не отметить, что характер лирических героев Лермонтова и Есенина в них ярче всего раскрывается через мотив предсказания собственной смерти, которая воспринимается как творческий акт. Задумываться о смерти поэты начали еще в ранний период своего творчества, в пятнадцать лет. У Лермонтова в стихотворении «Ночь. I» этот мотив находит развитие в реализации метафоры Кальдерона «Жизнь есть сон»: «Я зрел во сне, что будто умер я». В условно романтических образах поэт рисует загробный мир с помощью характерных видений – прозрений. Ангел обращается к лирическому герою со словами: «Сын праха, ты грешил – и наказание / Тебя должно постигнуть, как других; / Спустишь на землю, где твой труп / Зарыт; ступай и там живи, и жди, / Пока придет Спаситель». Мотив греха и наказания за него – один из главных у Лермонтова.

У Есенина трагизм мироощущения лирического героя был связан с предчувствием его крестного пути ещё в раннем стихотворении «Поэт» (1910–1912): «Он бледен. Мыслит страшный путь. / В его душе живут виденья. / Ударом жизни вбита грудь, / А щеки выпили сомненья». Здесь явно присутствует романтический принцип двоемирия, поэт противопоставляет обыденной реальности – мир возвышенной духовности. Характеризуя своего лирического героя как поэта-романтика, Есенин подчеркивает, насколько он далек во время творчества от житейской прозы, и как она настигает его, когда настает время задуматься о хлебе насущном. Антитеза «душевный шум» и прозаический «целковый» – конкретно отражают этот смысловой контраст:

Он пишет песню грустных дум,
Он ловит сердцем тень былого.
И этот шум... душевный шум
Снесет он завтра за целковый.

В ранних стихах Есенин часто чувствует и мыслит по-лермонтовски. С особым трагизмом это выразилось в стихотворении «Исповедь самоубийцы» (1913–1915), в котором поэт предсказал трагический конец за десять лет до своего добровольного ухода из жизни. Нельзя не отметить того, что лирический герой у Есенина воспринимает жизнь в мрачном свете, что во многом объясняется характерным для романтического восприятия конфликтом поэта и окружающей его толпы:

Не смог я жить среди людей,
Холодный яд в душе моей.
И то, чем жил я и любил,
Я сам безумно отравил.

Можно предположить, что именно лирика Лермонтова с ее ярко выраженным максимализмом стала толчком для создания сходных по духу и настроению есенинских строк: «Безумный мир, кошмарный сон, / А жизнь есть песня похорон. / И вот я кончил жизнь мою / Последний гимн себе пою».

Образы, интонация, надрывный пафос, характерные для романтиков эпитеты «безумный», «кошмарный», оксюморон, полный сарказма «Жизнь есть песня похорон» – все эти художественные средства из арсенала романтической поэзии, к которому обращались и Лермонтов, и Есенин. Достаточно сравнить «Исповедь самоубийцы» и лермонтовское стихотворение «Одиночество» (1830), с его романтической лексикой: «Как страшно жизни сей оковы / Нам в одиночестве влачить... / Страданья в сердце стеснены... / И вижу, как, судьбе послушно, / Года уходят, будто сны... / И вижу гроб уединенный, / Он ждет; что ж медлить над землей?» С Лермонтовым Есенина сближает характерная для поэтов-романтиков поэтизация ранней смерти как своеобразной формы протеста против окружающей действительности. По есенинским письмам, написанным в годы юности, можно судить о том сильном влиянии, которое на него оказывало лермонтовское творчество. Неслучайно свое письмо М. Бальзамовой, датированное 1913 годом, он начинает с перефразированной строки Лермонтова: «Жизнь – это глупая шутка. Все в ней пошло и ничтожно...» Ранние стихи Лермонтова и Есенина интересны тем, что в них определяются мотивы их зрелой в художественном отношении лирики. Одним из ключевых у них становится, как выше уже нами отмечалось, мотив предсказания своей смерти. У Лермонтова этот мотив тесным образом связан с осознанием собственной исключительности. Программным для его ранней лирики можно считать стихотворение «1831-го июня 11 дня», в котором наиболее полно и ярко проявилась способность Лермонтова предвидеть и осознавать приближение скорой гибели. «Я предузнал мой жребий, мой конец, / И грусти ранняя на мне печать; / И как я мучусь, знает лишь творец / Но равнодушный мир не должен знать. / И не забыт умру я. Смерть моя / Ужасна будет...» Сбылось и другое предвидение поэта: «Кровавая меня могила ждет, / Могила без молитв и без креста». Известно, что погибших на дуэли, как самоубийц,

запрещалось отпевать в церкви, и Лермонтов был похоронен в Пятигорске без отпевания.

Есть много черт, сближающих личности Лермонтова и Есенина. Поэты осознанно приносили свою жизнь в жертву творчеству, понимая, что ранняя смерть станет своеобразной расплатой за это. Подтверждением тому могут стать лермонтовские строки из выше названного стихотворения: «Известность, слава, что они? – а есть / У них над мною власть; и мне они / Велят себя на жертву всё принести, / И я влачу мучительные дни / Без цели, оклеветан, одинок; / Но верю им! – неведомый пророк / Мне обещал бессмертье...»

В стихотворении «Пушкину» (1924) Есенин, подобно Лермонтову, автору стихотворения «Смерть Поэта», соотносит свою судьбу с судьбой гения, сознавая, что за это придется заплатить ранней смертью, ибо такова общая участь русских поэтов:

А я стою, как пред причастьем,
И говорю в ответ тебе:
Я умер бы сейчас от счастья
Сподобленной такой судьбе...

Лермонтов в стихотворении «Пророк» (1841) ведет диалог с Пушкиным, продолжая тему, заявленную в одноименном его произведении: «Провозглашать я стал любви / И правды чистые ученья: / В меня все ближние мои / Бросали бешено каменья».

Есенин в юности также задумывал драму «Пророк», о чем писал в 1912 году Грише Панфилову: «Благослови меня, мой друг, на благородный труд. Хочу писать “Пророка”, в котором буду клеймить позором слепую, увязшую в пороках толпу... Буду следовать своему “Поэту”. Пусть меня ждут унижения, презрения и ссылки. Я буду тверд, как будет мой пророк, выпивающий бокал, полный яда, за святую правду с сознанием благородного подвига».

Есенинская проповедь гуманизма сродни христианским заповедям, с которыми выступал лермонтовский пророк. А причина гибели поэта в том, что он не смирился с несправедливостью, обостренно осознавая, что после Октября 1917 года «история переживает тяжелую эпоху умерщвления личности как живого». Именно поэтому «провиденциальное предчувствие смерти» у Лермонтова и у Есенина приобретает «общечеловеческое значение универсальной коллизии – Власть и Поэт». Лермонтов обращается к романтическим образам, предсказывая свою близкую гибель в стихотворении «Не смейся над моей пророческой тоскою...» (1837): «Я знал: удар судьбы меня не обойдет; / Я знал, что голова, любимая тобою, / С твоей груди на плаху перейдет». Свой трагический выбор Михаил Лермонтов сделал именно тогда, когда создал стихотворение «Смерть Поэта», в котором назвал истинных виновников гибели Пушкина: «Вы, жадною толпой стоящие у трона, / Свободы, Гения и Славы палачи!» Изображая сцену дуэли Пушкина с Дантесом, Лермонтов предсказал и причину своей смерти: «Погиб поэт! – невольник чести». Неслучайно образ тернового венца («И прежний сняв венок, – они венец терновый, / Увитый лаврами, надели на него» затем мы видим и на голове лирического героя Лермонтова в стихотворении «Не смейся над моей пророческой тоскою...»: «Я говорил тебе: ни счастья, ни славы / Мне в мире не найти; – наста-

нет час кровавый, / И я паду... / Пускай толпа растопчет мой венец: / Венец певца, венец терновый».

Есенин в поэме «Кобыльи корабли» (1919) предпринимает попытку выразить свой протест против революционного насилия: «Веслами отрубленных рук / Вы гребетесь в страну грядущего», обращается поэт к большевикам. Поэт ясно осознает, что этим обрекает себя на скорую гибель, которую сам же и предсказывает: «Лейте с радуги крик вороный! / Скоро белое дерево сронит / Головы моей желтый лист». Мотив предсказания своей близкой смерти в имажинистский период творчества Есенина таким образом оказывается связан с противостоянием поэта новой власти, против которой он бунтовал, понимая, чем это ему угрожает. Неслучайно его лирический герой в стихотворении «Мир таинственный, мир мой древний» (1921) прямо заявляет: «Здравствуй ты, моя черная гибель, / Я навстречу тебе выхожу!» И в этом Есенин был близок Лермонтову, который сам стремился навстречу своей гибели.

Рассматривая развитие мотива предсказания смерти в лирике Лермонтова и Есенина, нельзя не отметить его эволюцию, связанную с темой Кавказа. В стихотворении «Я к вам пишу, случайно; право...» (1840) Лермонтов воспринимает свой уход из жизни уже в ином, философском осмыслении. Рискуя жизнью во время боевых действий, поэт начинает относиться к смерти как фаталист: «Я жизнь постиг; / Судьбе, как турок или татарин, / За все я ровно благодарен... / Быть может, небеса востока / Меня с ученьем их пророка / Невольно сблизили». Трагическое предчувствие смерти сменяется фаталистическим убеждением, что от своей судьбы не уйдешь и ее нужно мужественно и стойко принимать. В соответствии с новым осмыслением неотвратимости близкой гибели в стихотворении «Завещание» (1840) Лермонтов пишет о своем уходе из жизни уже по-другому. На смену условным и исполненным трагизма романтическим переживаниям приходят раздумья, которые отражают эволюцию лермонтовского отношения к смерти. Рассказывая о судьбе смертельно раненного русского офицера, Лермонтов с поразительной глубиной и достоверностью выражает чувства простого человека, а не исключительного романтического героя. Не могут не тронуть такие его слова, обращенные к другу: «Наедине с тобою, брат, / Хотел бы я побыть: / На свете мало, говорят, / Мне остается жить!» В этом стихотворении ярко проявляется гуманизм поэта и его способность выйти за пределы собственной трагической судьбы, философски воспринять приближение неумолимой смерти как общей участи.

Эволюцию претерпел мотив смерти и в творчестве Есенина. В стихах и поэмах, созданных в 1924–1925 годы, он стремится по-новому осмыслить приближение неумолимой смерти. Так, например, в маленькой поэме «На Кавказе» (1924) Есенин вспоминает своих великих предшественников, в творчестве которых Кавказ сыграл особую роль. После Пушкина он обращается к образу Лермонтова, рисуя его с помощью характерных деталей, которые подчеркивают своеобразный характер поэта:

За грусть и желчь в своем лице
Кипенья желтых рек достоин,
Он, как поэт и офицер,
Был пулей друга успокоен.

Есенин связывает кавказскую тему в судьбе Лермонтова с темой смерти и мотивом провиденциального ее предсказания: «А ныне я в твою безгладь / Пришел, не ведая причины: / Родной ли прах здесь обрыдать / Иль подсмотреть свой час кончины!» На самом деле, незадолго до своей гибели Лермонтов и Есенин создают пророческие произведения, в которых мотив предвидения смерти тесным образом связан с мотивом «мертвого» сна – предсказания. Лермонтовское стихотворение «Сон» (1841) развивает тему ранней смерти лирического героя, которая была намечена в юношеских опытах поэта. Но теперь на смену условно-романтическим образам приходит реалистически изображенный кавказский пейзаж. Хронотоп стихотворения четко выверен автором, который предсказывает собственную смерть, видя ее в своем воображении именно там, где шли самые ожесточенные сражения с горцами:

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилась моя.

На дар предвидения, который особенно ярко проявился в этом произведении, обратил внимание философ Владимир Соловьев, отмечая способность поэта «переступить в чувствах и созерцаниях через границы обычного порядка явлений и схватывать запредельную сторону жизни и жизненных отношений... Лермонтов не только предчувствовал свою роковую смерть, но и прямо видел ее заранее». Мотив сна о собственной смерти, связанный с напряженными поисками разгадки вечной тайны бытия, находит отражение и в маленькой поэме Есенина «Метель». Предсказание смерти во сне – взгляд на себя со стороны – мертвого – все это напоминает лермонтовское стихотворение «Сон». По роковому стечению обстоятельств поэма «Метель» была создана поэтом в декабре 1924 год, за год до ухода из жизни: «Себя усопшего / В гробу я вижу. / Под аллилуйные / Стенания дьячка / Я веки мертвому себе / Спускаю ниже, / Кладя на них / Два медных пятачка».

Сравнивая два стихотворения, нельзя не согласиться с тем, что их авторы, изображая смерть лирических героев, осознавали и близость своего ухода в мир иной. При этом Есенин не исключал и того, что его противостояние с властью может привести к тому, что этот уход может стать не добровольным, а насильственным. И следующие строки подтверждают это в контексте рассмотренного выше конфликта «Поэт – Власть»: «И первого / Меня повесить нужно, / Скрестив мне руки за спиной, / За то, что песней / Хриплой и недужной / Мешал я спать / Стране родной».

Особое значение приобретал мотив предсказания скорой смерти в маленькой поэме Есенина «Письмо к сестре» (1925). Время ее создания связано с есенинским увлечением пушкинской поэзией. Поэтому Есенин противопоставляет два отношения к жизни и смерти, связывая их с особенностями мировосприятия двух своих любимых поэтов. Неслучайно в автобиографии, датированной 20 июня 1924 года, он подчеркивал: «Из поэтов мне больше всего нравился Лермонтов и Кольцов. Позднее я перешел к Пушкину». Лермонтов и Пушкин оказывали самое сильное влияние на есенинское творчество в разные периоды

жизни. Именно поэтому Есенин обращается к сестре с таким утверждением: «Ты Сашу знаешь. / Саша был хороший. / И Лермонтов / Был Саше по плечу... / Мне жаль тебя. / Останешься одна, / А я готов дойти / Хоть до дуэли. / «Блажен, кто не допил до дна» / И не дослушал глас свирели». Свой близкий уход из жизни Есенин воспринимает философски. Об этом свидетельствует его лирика 1924–1925 годов. В стихотворении «Гори, звезда моя, не падай...» (1925) поэт пророчески предсказывает свою скорую смерть:

Я знаю, знаю. Скоро, скоро
Ни по моей, ни чьей вине
Под низким траурным забором
Лежать придется так же мне.

Осознание близкого ухода из жизни делает лирического героя Есенина более гуманным по отношению и к людям, и к «братьям нашим меньшим». Любовь ко всему живому на земле находит самое яркое выражение в стихотворении «Мы теперь уходим понемногу» (1924):

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь да благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать...

При всем сходстве художественного воплощения мотива предсказания своей смерти у Есенина и Лермонтова есть и существенные различия, которые явно проявляются, если сравнить есенинскую элегию со стихотворением «Выхожу один я на дорогу...» (1841):

Выхожу один я на дорогу.
Сквозь туман кремнистый путь блестит.
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу.
И звезда с звездою говорит.

Можно предположить, что ярко выраженная «лермонтовская» интонация придает стихотворению Есенина особый полемический подтекст, который отражает особенности мировосприятия двух поэтов. Так, например, лермонтовскому «я», подчеркивающему особый трагизм одиночества лирического героя романтического склада, противопоставляется есенинское «мы». Космизму символических образов Лермонтова и его взгляду с неба на землю: «В небесах торжественно и чудно. / Спит земля в сиянье голубом» Есенин подчеркнуто противопоставляет свое «земное» отношение к жизни и смерти, которая отнимает радость человеческого бытия, неотделимого от мира природы. Так рождаются образы, в которых художественно воплотилась есенинская философия, отразившая антиномию жизни и смерти: «Милые березовые чащи! / Ты, земля! И вы, равнин пески! / Перед этим сонмом уходящих / Я не в силах скрыть моей тоски».

Для лирических героев Лермонтова и Есенина осознание близкой смерти связано с ощущением своеобразного духовного кризиса, о котором напоминают особые тягостные чувства и размышления. Пророческая «тоска» сближает двух поэтов. Сравним лермонтовское «Что же мне больно и так трудно? / Жду ль чего? Жалею ли о чем?» с есенинским

«Знаю я, что не цветут там чащи, / Не звенит лебяжьей шеей рожь. / Оттого пред сонмом уходящих / Я всегда испытывая дрожь». Поэты здесь явно на одной поэтической волне. Есенин в данном случае не называет чувства лирического героя, но они понятны читателям. Разочарованию в прошедшей жизни, о которой не жалеет романтический герой Лермонтова («Уж не жду от жизни ничего я, / И не жаль мне прошлого ничуть») Есенин противопоставляет свое понимание «земного» счастья со всеми его радостями: «Много дум я в тишине продумал, / Много песен про себя сложил, / И на этой на земле угрюмой / Счастлив тем, что я дышал и жил. / Счастлив тем, что целовал я женщин, / Мял цветы, валялся на траве, / И зверье, как братьев наших меньших, / Никогда не бил по голове». Лирический герой Лермонтова в духе романтической поэзии, с ее характерным двоемирием, построенном на резком контрасте реальности и мечты, заявляет: «Я ищу свободы и покоя! / Я б хотел забыться и заснуть! / Но не тем холодным сном могилы... / Я б желал навеки так заснуть, / Чтоб в груди дремали жизни силы, / Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь». Состояние лирического героя у Лермонтова – нечто среднее между жизнью и смертью. Это момент экстатического прозрения поэта-пророка, который чувствует себя частью Вселенной и способен услышать, как «звезда с звездой говорит». Лирический герой Есенина – плоть от плоти земной, и поэтому, как поэт с крестьянским мироощущением, он противопоставляет разговору звезд звон колосьев созревшей ржи («Знаю я, что не цветут там чащи, / Не звенит лебяжьей шеей рожь... / Знаю я, что в той стране не будет / Этих нив, златящихся во мгле»).

Символично то, что символом вечной жизни в творчестве Лермонтова и Есенина выступает мифологический образ древа жизни. Лермонтовский дуб и есенинский клен из стихотворения «Клён ты мой опавший...» (1925) – это образы, воплотившие победу жизни над смертью. Поэтому лирический герой Лермонтова высказывает такое последнее свое желание:

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
О любви мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.

Есенин подхватывает этот мотив преодоления смерти вечной жизнью: «Сам себе казался я таким же кленом, / Только не опавшим, а вовсю зеленым». В стихотворении «Завещание» (1831) Лермонтов так представил свое погребение: «Могиле той не откажи / Ни в чем, следуя закону; / Поставь над нею крест из клену / И дикий камень положи». «Клен – явор – в этимологических преданиях западных и восточных славян дерево, в которое превращен “заклят” человек... Превращение человека в явор – один из популярнейших мотивов славянских баллад». Образы «крест из клену» и клен «опавший» – ещё одно доказательство духовной близости Лермонтова и Есенина, ведь их поэтическое мироощущение формировалось под влиянием мифологии славян и русского фольклора.

Предчувствие смерти у Есенина тесным образом переплетается с мотивом разочарования в жизни. В связи с этим можно высказать предположение о том, что строки из лермонтовского стихотворения «И скучно, и грустно» (1840) с его саркастическим скепсисом («И

жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, – / Такая пустая и глупая шутка...») получили своеобразную интерпретацию в горьком афоризме последних есенинских строк, написанных кровью:

В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

Из всего выше сказанного можно сделать вывод, что в лирике Лермонтова и Есенина мотив предчувствия близкой смерти является одним из самых значимых и важных, что во многом обусловлено их ярко выраженным экзистенциальным мироощущением. Начиная с раннего творчества, поэты обостренно осознают роковую неотвратимость своей смерти в молодом возрасте. Лирические герои Лермонтова и Есенина воспринимают жизнь в трагическом свете, что в немалой степени парадоксальным образом определяет их поразительное жизнелюбие, которое объясняется мощным напором страстных натур гениальных поэтов. Именно поэтому в стихотворении «Пой же, пой! На проклятой гитаре...» (1922) Есенин утверждает: «Не умру, я мой друг, никогда!» Таким образом, в лермонтовской и есенинской лирике полный трагической обреченности мотив предсказания своей смерти преодолевается всепобеждающим чувством любви к жизни. Именно поэтому и Лермонтова, и Есенина можно назвать поэтами, в творчестве которых нашла яркое отражение антиномия жизни и смерти. Поэтому смерти двух поэтов, предсказание которых стало «сквозными» мотивами их творчества, и стали «последним творческим актом».

Андрей КОРОБОВ-ЛАТЫНЦЕВ

Родился в 1989 году в Чите. Окончил филологический факультет ЛГПУ. Защитил кандидатскую диссертацию по теме «Этическая центрированность философского языка Ф.М. Достоевского». Работал в Воронежском государственном университете, в Российском экономическом университете им. Г.В. Плеханова, сейчас – преподаватель Московского православного института св. Иоанна Богослова.

Автор книг «Швы» (2013) и «Философские очерки о русском рэпе» (2016). Живет в Москве.

«КАК У ГОСПОДА В АДУ»

О книге Захара Прилепина «Некоторые не попадут в ад»

Впечатления от новой книги Захара Прилепина невероятно сложные. Сама по себе непростая тема книги: Донбасс до сих пор болит, и боль эта незаживающая.

С одной стороны, подкупает авторский запал в начале повествования. Вот – из самого начала книги: «Мне было ужасно хорошо. Начинаясь новая жизнь. Новая жизнь сулила новые открытия, новые встречи, смерть. Много всего»). Как хороши эти строки! Новая жизнь, от которой ужасно хорошо и которая сулит смерть! Ведь самые главные откровения в жизни – это откровения смерти, как выразился русский философ С.Н. Булгаков. Война делает смерть ближе человеку, а перед лицом смерти можно не лукавить ни себе ни другим, можно быть честным, можно любить и жертвовать. Все это и есть откровения смерти, они же откровения любви. Это прекрасно знают люди в Донбассе, спросите их – они вам скажут, что в 14–15-м году они не помнят, что они ели и пили, но помнят, как они любили, жертвовали, помогали друг другу, спасали друг друга. Посреди войны, в обстоятельствах войны. Во время войны. Исключительно во время войны.

С другой стороны, не может не задеть за живое авторское разочарование во всей донбасской истории. На тех же первых страницах, чуть только читатель почувствовал, как это обычно бывает, свежесть начала повествования, как вдруг будто обухом по голове строки: «Кит теперь не знаю где, а Катасура убили (это автор рассказывает о бойцах своего батальона. – А. К.-Л.); спросить не у кого. Батальона тоже нет, гостини-

цы нет, республики той, в запомнившемся, как на лучшем фото, виде, нет. Швейк один стоит, ледяной» (Бравый солдат Швейк – это статуя рядом с гостиницей, где располагался батальон Прилепина).

Потому и сложное впечатление после прочтения книги. Впрочем, если ее будет читать человек, знакомый с темой Донбасской войны (а скорее всего именно такие люди и станут читать книгу, равнодушные же к Донбассу таковыми и останутся, для них все просто), то он встретит то, что сам уже давно носит в себе: и разочарование, и надежду, и боль, и страх, и снова надежду, и снова боль... – в этом коктейле поди разбери все ингредиенты! Прилепин взялся разобрать.

А по пути, как и прилично русскому литератору, сделал немало интересных замечаний – и о войне, и обо всем, что ей сопутствовало. О персонажах, о целых направлениях в нашей современной России.

Например, хорошо сказано о русском рэпе в свете Донбасской войны. Вот Прилепин пишет: «Но в том и заключался парадокс, что все наши рэп-музыканты, косящие под гопарей или воистину ими являющиеся, подчеркивающие всяким своим жестом или самым своим небритым, медленно cedящим суровые слова, как бы всегда усталым видом природное, земное происхождение, – донбасских дорожек избежали. Эти пацаны жили ровно – и ровно обошли Донбасс стороной». Это касается, однако, не только рэперов-гопарей, но и наших патриотических рэп-артистов, которые так искренне со сцены читали о боли за Россию, но когда у России случилась настоящая боль, то эти рэп-артисты так и продолжили говорить о боли за Россию, а Донбасс при этом «ровно обошли стороной». Почему? Прилепин дает ответ:

«...Для начала – тут стреляли. Кроме того, происходящее здесь слишком густо было замешано на патриотизме, а гопари – как вольный слепок с блатарей – государства не любят. Наконец, заезд в Донецк мешал мягкому вращению в шоу-бизе, где таких вещей не прощали, и могли вытолкнуть с палубы, на которую таких стараний стоило взобраться».

Но о рэпе в книге – вскользь и мимолетно. Оно и правильно, поскольку и сам рэп оказался темой и скользкой, и мимолетней. Главная же цель книги, как о том и говорил сам автор, состояла в том, чтобы запечатлеть в памяти события, имена, лица. Ведь действительно: мы помним из древней истории и имена, и даты, а буквально о вчерашнем дне почти ничего не знаем: Чечня, армяно-азербайджанский конфликт, война в Южной Осетии – о чем там было вообще, кто там с кем воевал? Здесь, как выразился Прилепин, у нас бытие слабо пульсирует, у нас у всех – у всего поколения. И вот для того чтобы дать кардиограмму нашего бытия с 2014 года, написалась эта книга.

Автор с любовью описывает всех, кто непосредственно или опосредованно принимал участие в войне в Донбасс. Здесь и лица ополченцев из батальона Прилепина, здесь первый глава республики Александр Захарченко, его советники, Дима Хаски, Эдуард Лимонов, Эмир Кустурица, Никита Михалков и т. д.

Вот, например, описание ополченца с позывным Граф: «Граф, думал я, глядя на него, был в детстве падкий на ласку, теплолюбивый, – и угодил к таким родителям. Господь с ним в какую-то свою игру забавлялся, лепил из белобрысого мальчугана что-то нужное себе». Нужен был Граф на войне, для войны, это понятно из повествования.

Вообще все происходящее, всю войну Прилепин то и дело перемещает из временного измерения в измерение вечности. Когда в книге рассказывается о планировавшемся наступлении на Киев, автор пишет,

что он был «на легком, радостном, но свербящем психозе: как все пойдет?» А вдруг колонну накроет артиллерия, например, и тогда всё, зря были все эти долгие сборы на войну... И тогда Прилепит раскрывает свое видение всего происходящего: «На самом деле думал так: я ждал этого больше всего на свете, – Господи, дай досмотреть хотя бы первую серию. Если закрутится сюжет – я уже примерно знаю, чем закончится, я читал в исторических хрониках... Всё воспроизводилось, ломаясь в кривых зеркалах, из века в век. Но первую-то серию хотелось увидеть – самому; я и в Донецк переехал окончательно в одной тайной вере: что моя ничем не объяснимая удачливость, моя неубиваемость, моя неутомляемость, мои сорок тысяч ручных ангелов за спиной, – все это окажется тем смешным и малым вкладом в победу, которого до сих пор не хватало».

Победа в войне у Прилепина обеспечивается не только количеством пушек (как думают обычно о войне, не правда ли), и даже не только нравственной правотой Донбасса по отношению к украинским карателям. Прилепин прекрасно понимает, что одними пушками войну не выиграть, будь у тебя их хоть сто тысяч (а у республики ста тысяч не было и нет), и одной только нравственной правоты недостаточно тоже, увы. Поэтому он пытается найти еще какие-то иные, метафизические пути к победе. Через смерть, например. После смерти Захарченко (это центральное событие в книге, центральное событие в донбасской войне) Прилепин вспоминает историю об отце и сыне, которые угодили вместе в полынью, и отец, чтобы спасти сына, ухватил его за шиворот и с силой бросил его из ледяной воды, а сам после этого стремительно ушел под лед. Сын остался жить. «Отец выбросил сына силой своей смерти», – заключает Прилепин и пишет, что его отец умер рано, потому что устал жить, но выбросил его самого вперед, вверх, опять же – «силой своей смерти». «Я всем существом надеялся, – пишет Захар, – что Захарченко, приняв смерть, – вырвет, выбросит из-под льда свою республику, свой народ; иначе какой тогда смысл был во всем». И действительно, был ли смысл во всем? В смерти Захарченко? В смертях других людей, бойцов, стариков и детей? У кого спросить? Или так и сверлить этим вопросом, как неубиваемым сверлом, всё вокруг: дерево, бетон, сталь, саму жизнь...

«Боль, которая здесь, – ее никто не учитывает, у этой боли нет цифрового эквивалента». Так заключает Прилепин. То есть нет какой-то ясной моральной системы, которая возьмет и всё влегкую расставит по своим местам, объяснит и оправдает всё зло, всю боль, все смерти, гробы и гробики; которая придет, как полицейский, в нашу жизнь, проведет расследование, составит акт – и обвинительный, и оправдательный. Да все виноваты, и так знаем. Но не всех оправдать можно, да и не все оправдания себя хотят. И быть может, что те, которые меньше всего хотят оправдываться, больше всего заслуживают оправдания.

В книге есть строчки, которые иного верующего могут шокировать. Это Прилепин цитирует песню рэпера Хаски: «Знай, в подъезде безопасно, как у Господа во рту». «Я почему-то всегда пел эту строчку так: "...знай, в подъезде безопасно, как у Господа в аду", – пишет автор и поясняет: – Потому что – в аду безопасно, Господь присмотрит, это его епархия, он там за главного распорядителя – без его ведома ни один волос не упадет, внутренний орган не лопнет, глаз не выгорит».

Почему в аду безопасно – все-таки непонятно. Ад – вроде как епархия сатаны, а не Господа. Господь спустился во ад, ну и всё, потом под-

нялся. В аду – грешники, в аду сатана и страдания. В аду Бога нет. Но здесь, судя по всему, у Прилепина сработала глубокая метафизическая интуиция, которую в двух словах не пояснишь. Но тем она и интереснее.

У христианского мистика Мейтера Экхарта в «Духовных проповедях» есть такая мысль насчет ада. В одной из своих проповедей, она называется «О сокровенной глубине», философ спрашивает: а что горит в аду? В аду, должны мы, по идее, ему ответить, горят грешники, грехи их горят и т. д. Но Экхарт по привычке отвечает: а вот и нет, в аду горят не грехи, в аду горит ничто. И далее Экхарт приводит такой пример, он любит примеры всякие, проповеди он ведь читал простому люду: «Возьми, – говорит Экхарт, – горящий уголь и положи его на мою руку. Если бы я сказал: уголь жжет мою руку, то я был бы несправедлив к нему. Если я должен определить, что собственно меня жжет, то это делает "ничто". Ибо в угле есть нечто, чего нет в моей руке. Если бы рука обладала всем тем, чем обладает и что дает уголь, она была бы вполне огненной природы. И бросили бы тогда на мою руку весь огонь, который когда-либо горел, он не причинил бы мне боли. Поэтому я утверждаю, что Бог и все те, что пребывают в блаженном созерцании Его, имеют нечто, чего не имеют отлученные от Бога. И единственно это "ничто" мучает пребывающие в аду души больше, чем своеволие или какой-либо огонь. Я говорю правду: поскольку ты захвачен этим "ничто", постольку ты несовершенен. Поэтому, если вы хотите быть совершенными, вы должны освободиться от всякого "ничто"».

Удивительная мысль, не правда ли? Возьмем на себя смелость и продолжим ее, буквально на один шаг. Человек, оказавшийся «в аду», в действительности оказывается не где-то далеко от Бога (как можно оказаться далеко от Бога? Он везде!), но напротив – он оказывается пред Богом. И все его, человека грешного, страдания – именно оттого, что он предстал пред Творцом. Но мучает его не Творец, мучает его то ничто, на месте которого должна была быть Божественна Благодать. Подобно тому, как при соприкосновении ладони с угольком человека мучает ничто, то есть отсутствие в нем того, что присутствует в угольке, точно так же и при встрече с Божеством человека мучает ничто, то есть отсутствие в нем того, что присутствует в Божестве, а именно отсутствие Благодати. Поэтому «Ад» – это и есть Бог.

Некоторые не попадут в ад, а некоторые, наверное, попадут, но все они, все мы предстанем перед Творцом. И рядом с Ним найдем себя кто ад, кто рай.

Сергей АНКУДИНОВ

Родился в 1960 году в деревне Будилихе Горьковской области. Работал каменщиком-монтажником конструкций, после службы на дважды Краснознаменном Балтийском флоте ходил матросом на рыболовецких судах объединения «Мурманрыбпром». Затем переехал в Ноябрьск, где работал нефтяником в управлении «Холмогорнефть».

Пишет стихи и прозу, публиковался в периодических изданиях. Автор книг «И всё это – Вечная Русь» и «Мои контрасты». Живет в поселке Новинки Богородского района Нижегородской области.

ПОНЯТЬ И ПРИНЯТЬ

Елена Крюкова. «Небо». Екатеринбург: Ridero, 2018

Тексты стихов поэтессы оригинальны и фееричны. Вряд ли найдешь похожие у кого бы то ни было. Во всяком случае, я такого своеобразного поэтического слога и такой конструкции не встречал ни у кого. Сама Елена Николаевна – это целый мир, сгусток таланта, неисчерпаемой творческой энергии и воли. Поэтесса и музыкант талантлива во всем. У неё прекрасный вокал, прекрасная проза и... стихи! Да-да, повторяюсь, они тоже по-своему и пафосны, и фантастичны. Конечно же, читать их надо вдумчиво и... мечтательно, подключая весь свой, у тебя имеющийся креатив. Вот тогда-то они и поддаются пониманию. Вот тогда-то ты и получаешь наслаждение от этой словесной вышивки и вязи.

А она, эта вязь, страдальная да переживальная. Автор глубоко и скорбно, на мой взгляд, сопереживает тем персонажам, которые ей близки и которым она посвящает свой труд и свой талант. Это и боярыня Морозова, и протопоп Аввакум, и тот же речной Перевозчик – фигура знаковая для многих мировых мифологий; много, очень много исторических лиц и узнаваемых персонажей культуры в стихах Елены.

Красиво и своеобразно поэтесса декламирует свои стихи. Напористо, звучно, размашисто. И, когда она их так читает, то – невероятно! – стихи вдруг приобретают своеобразный, необычайный оттенок и колорит. Они воспринимаются совершенно по-другому, нежели когда их прочитываешь в сборнике.

Вот эти строки: громогласные?... или – нежнейшие?..

Я выпью с тобой эту рюмку...
Последний алмаз пощади.

Ты слышишь, как тяжело и громко
Стучит в изумленной груди.

Как мало дыхания осталось.
Спой, зимний седой воробей.
О нежной царице, чья старость
Дрожит под ладонью моей.

Из текстов, подчас полных подлинной печали, из созвездия стихов Елены Крюковой явствует, что ей безразлична наша великая русская История; наше фатально-печальное прошлое. Те страдания, тот крест, что на протяжении веков нес наш народ и его святые подвижники. Чувствуется, что она, доведись ей быть, жить в том прошлом, явно была бы рядом с ними; она бы горой встала на их защиту. И это желание, и этот напор зримо проступают в горячечных метафорах и афоризмах. В коих каждое слово, будто камень, кинутый в исступлении в ненавистного врага. Для поэзии Елены характерно рубить словом, как казаку шашкой, налево и направо. Чеканить его так, чтоб звон раздавался во всю небесную ширь и земную, окрест. И это слово слышат и узнают. Это слово – слово любви. Любви человеческой, превратной, и Божеской, нескончаемой.

Мой колокол уже пробил,
И отскорбел, и отлюбил.
А я жива. А я люблю!
Я сердце надвое рублю –
С тобой его делю.
И ночью к нам – снегов дозор
И дикий звезд костер.

Творчество Елены Николаевны, конечно же, надо прежде всего понять. Да-да! Понять, а потом и принять его таким, какое оно есть. Яркое, контрастное, несколько сумбурное, но впечатляющее; задевающее за душу, не оставляя равнодушным никого.

Примечательно, что и внешний облик Елены Николаевны являет собой образ русской женщины, вынесшей на своих плечах непомерную ношу всех исторических коллизий и драм и не сломившейся под этим тяжким грузом. Женщины, скорбящей о матушке России и её христоролюбивых чадах, за которых она молится и превозносит их в своём творчестве.

Моя молитва – моё объятье.
Моя молитва – любовь моя.
Снимаю жизнь я, как будто платье,
Устала в тесной одежке я.

Устала, Боже... Уплыли силы...
Ни от тюрьмы... ни от сумы...
Я жизни сладкой,
Я жизни милой,
Я жизни светлой
Молюсь из тьмы.

Марина КУЛАКОВА

Родилась в Горьком. Окончила филологический факультет Горьковского госуниверситета и Высшие литературные курсы при Литинституте имени А. М. Горького. Работала учителем в сельской школе, занималась газетной, теле- и радиожурналистикой в Нижнем Новгороде. Была инициатором создания и соредактором журнала *Urbi* (1991).

Публиковалась в журналах «Нева», «Москва», «Новый мир», «Нижний Новгород» и других. Автор ряда сборников стихов и эссе. Стихи переводились на сербский, немецкий, английский, грузинский, армянский языки.

Руководитель объединения «Светлояр русской словесности». Член Союза российских писателей. Живёт в Нижнем Новгороде.

КТО СКАЗКУ СДЕЛАЛ БЫЛЮ?

О романе Андрея Рубанова «Финист – Ясный Сокол»

Я стою за то, что радость – главное переживание человека, и если люди вокруг меня смеются, если они рады тому, что я делаю – значит, я прав, я не зряшную жизнь живу.

Что это за книга, и почему именно она привлекает наше внимание?

Сказочный сюжет, известный нам с детства, укреплен, возвращён и приращён самыми разными смыслами. Он обрёл реальную почву.

Сказку сделать былью – не просто, но можно. Совсем свежий пример – это сделал писатель Андрей Рубанов в своей новой книге «Финист – Ясный Сокол».

История любви Марьи, дочери кузнеца и птичеловека Финиста внезапно возникла в реальности, данной нам в ощущениях.

По жанру – вроде бы сказ, этнофэнтези. Но странным образом этот текст совершенно невозможно поставить ни в какой ряд. Ни к Бажову, ни к Шергину, ни к Писахову. Толкиен и проч. – тоже прочь.

Свой язык, свой синтаксис, своё дыхание/мировоззрение.

Не сказ-пересказ-стилистика, а прямая речь. Мы имеем дело со свидетельствами, с подробными, неспешными рассказами очевидцев. В этом – фантастический прорыв: в тексте запечатлён реальный опыт и прочное, искусное, ручной выделки знание о мире.

Все три части «Финиста» написаны от первого лица.

Гульбище купальской ночи не просто описано, – мы принимаем участие в его «организации», – подбираем и расчищаем место для его

проведения, подробно вникаем в ремесло и секреты «глумотворчества», более привычного нашему слуху как скоморошество, – в первой части. Вникаем в ремесло кожемяки-оружейника и во многие другие рукотворные искусства и навыки, в саму жизнь на уровне тактильных ощущений.

Наверное, отсюда и берётся чувство осязаемой реальности, того самого магического реализма? Ключ к такому письму – умение жить на земле, в природе – три тысячи лет назад природа точно так же соприкасалась и взаимодействовала с человеком, как и сейчас.

Рубанов написал книгу о великой любви и своего рода энциклопедию древнерусской жизни – как жили и дружили, что ели-пили, как наследовали и выбирали ремёсла, как выросли, гуляли, веселились, торговали, воевали. Любили, и не всегда взаимно, – всё правда, всё быль!

Конечно, здесь целая связка «ключей»: народная поэзия, особенно обрядовая, весенне-летнего цикла, и былины. Ремёсла и промыслы, прошедшие через тысячелетия, дошедшие до наших дней. И корни слов, древние русские корни – всё это помогает нам почувствовать происходящее в книге, как происходящее с нами.

Рассказчик – что интересно, герой не главный, тем более он три раза меняется, что придаёт повествованию стереоскопический объём и особую достоверность. Рассказчик важен именно как свидетель, очевидец, участник. Именно он делает сказку былью, он её поведал, потому что он её извещал. И к тому же:

«Глумилы никогда не врут, это важно понимать, и ты для себя отложи в разум, что врать в моём ремесле – последнее дело...»

Вспомнилась мне одна из любимых моих русских поговорок: «Кривдой весь свет пройдёшь, да назад не воротишься»...

Правда и кривда – две системы координат в жизни и в русском национальном коде. Важно – вернуться живым. Вернуться назад, в родной дом. Путеводна, спасительна, животворна – правда.

«Кто живёт в полной правде – того не берёт никакое тёмное ведовство. Все беды человека начинаются со лжи. Ложь есть корень любого несчастья. Кто врёт – тот болеет, и долго не живёт», – говорит один из участников похода на усмирение змея.

Правда – основная субстанция этой истории про Финиста, Ясного Сокола.

В рубановском «Финисте» – своя космогония. Освобождение земли ото льда, кровь великанов, кровь одна на всех живых, боги нижнего мира, боги среднего мира, жертвоприношения, ведуны и ведьмы, избиение русалки, избиение змея и прочий экстрим, веды и Заветы – всё это без фанатизма, с некоторым скепсисом, здоровым прагматизмом и юмором.

Финист живёт в нашей памяти в крылатой и неразрывной связке трёхсловного именованья: Финист – Ясный Сокол. В живом просторечии сокол, имеющий человеческое обличье, или наоборот, – это оборотень, нелюдь. Иная сущность, из другого мира, – небесного, птичьего, – чуждая, более сильная, но не враждебная человеку. Сущность, проходящая по разряду демонологии, но по-своему антропологичная и гуманистичная.

Из предлагаемых обстоятельств Рубанов развернул целую систему мироустройства и динамики развития древних субэтносов – в частности, великолепную гипотезу возникновения и существования Аркаима и небесного Вертограда. Поразителен совершенно живой образ

изгнанника и разбойника, странное птичье имя которого нам тоже известно с детства. Привычный абсурд в магическом кристалле этого романа преобразается вдруг в глубоко понятные человеческие образы и судьбы, в человеческие усилия, страдания, в живую радость, в которой много печали и любви.

И словно падает вдруг с глаз и слуха пелена, и мы можем видеть мир не в трёх, а в пяти, шести и больше измерениях. Как он подвижен и прозрачен, как естествен полёт, и сколько сил, сколько возможностей – для человеческого полёта!

Книга заслуженно получила премию «Национальный бестселлер». И, на мой взгляд, помимо и кроме любых премий, которых она заслуживает, – может и должна быть рекомендована к изучению в школе и других обучающих пространствах. Совершенно непонятно, чем обусловлено ограничение 18+, которое ей поставлено.

Ключевые слова её восприятия и размышления о ней, или, как говорят сейчас, теги: искусство слова, история, мифопоэтика, история древних цивилизаций, история религий и многие другие.

Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой... и с первых же страниц «...я ужасаюсь и восхищаюсь силе водоворота времени, протекающего через всё живое».

Книжная полка

Александра ЛИСИЦЫНА

Архитектор, исследователь историко-архитектурной среды малых и средних городов нижегородского Поволжья. Родилась в городе Чортков Тернопольской области (Украина). Окончила архитектурный факультет Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета.

Кандидат архитектуры, доцент кафедры архитектурного проектирования НГАСУ. Автор 90 научных статей, монографии «Портрет времени: Архитектура города Богородска Нижегородской области», соавтор серии каталогов объектов культурного наследия Нижегородской области. Живет в Нижнем Новгороде.

ПОСТМОДЕРНИЗМ В НИЖЕГОРОДСКОЙ АРХИТЕКТУРЕ

«Постмодернизм» – так называется новая книга из серии «Стили в архитектуре Нижнего Новгорода», которая вышла в издательстве ООО «Бегемот» в 2019 году. Начало серии в 2017 году положила монография «Эклектика» кандидата архитектуры, доцента ННГАСУ Алексея Худина, где впервые была рассмотрена эволюция этого стиля в архитектуре Нижнего Новгорода XIX – начала XX столетия. Следующая книга серии была издана в 2018 году; это монография «Модерн» доктора архитектуры, профессора ННГАСУ Ольги Орельской, посвященная особенностям данного стиля в архитектуре города начала XX века. Третья книга – «Постмодернизм» – написана двумя указанными авторами совместно.

Это практически первая в России книга, посвященная сложному стилистическому явлению конца XX – начала XXI веков в региональной архитектуре. Авторы представляют читателям целостную картину стилистического развития архитектуры Нижнего Новгорода в постсоветский период. В это время нижегородская архитектура вышла на лидирующие позиции в России. Этому способствовал ряд факторов: наличие талантливого творческого коллектива молодых зодчих, получивших профессиональное образование на архитектурном факультете ГИСИ (ННГАСУ); дальнейшее формирование специалистов в стенах ведущего проектного института региона «НижегородгражданНИИпроект»; активное участие и победы в конкурсном проектировании всех уровней 1990-х годов; появление ярких лидеров профессии; создание расширенного градостроительного совета при главном архитекторе города; переход от типового проектирования к индивидуальному; создание персональных творческих мастерских, которые возглавили талантливые зодчие.

Постмодернизм – протестное явление, которое возникло в 1970-е годы в зарубежных странах, в частности в США, затем быстро распространилось

в Европе и выступило с отрицанием модернизма (т. е. современной архитектуры, которая к тому времени повсеместно была представлена стандартизированными стеклянными высотками). Постмодернизм в архитектуре отличался полистилизмом, подобно эклектике XIX века; на Западе он получил еще одно название – «радикальный эклектизм», поскольку ставил своей целью вернуть архитектуру в традиционное декоративно-художественное русло. В книге приводится сравнительный анализ постмодернизма и эклектики XIX века, выявляются черты их сходства и различия. Архитекторы эпохи постмодернизма снова обращаются к историзму мышления, пытаются навести «мосты преемственности» с прошлым. «Нельзя не знать истории!» – с пафосом восклицает известный американский архитектор Ф. Джонсон; одно за другим он создает знаковые для эпохи постмодернизма сооружения, для которых характерен синтез современности с историей. В противовес аскетизму и абстрактности модернизма возникает своего рода ностальгия по прошлому. Известный американский архитектор и теоретик архитектуры Ч. Дженкс, автор известной в мире книги «Язык архитектуры постмодернизма», переведенной на русский язык в 1985 году, продемонстрировал полистилизм постмодернизма, выявив внутри него шесть основных стилистических течений: историзм, частичный историзм, контекстуализм, неотрадиционализм, метафора и создание постмодернистского усложненного пространства.

Спустя почти два десятилетия постмодернизм появляется и в России, но при этом он приобретает региональные особенности. Авторы проводят сравнение постмодернизма в зарубежной и российской архитектуре. Постмодернизм в России выражает протест против безликой, серой типовой архитектуры эпохи советского модернизма. Если за рубежом постмодернизм («пост-» – пришедший после модернизма) относится к истории с определенной долей иронии, создавая порой поп-архитектуру, понятную для широких масс потребителей, то в России отношение к истории отличается серьезностью. Постмодернизм ярко проявляется в столичных городах – Москве и Санкт-Петербурге, – но одновременно охватывает и крупные города российских регионов. При этом, как показывают исследования, по мере удаления от столиц влияние постмодернизма ослабевает.

Нижний Новгород (в 1932–1990 гг. Горький), древний город в европейской части России, в 1990-е годы переживает период архитектурного расцвета. В 1990 году городу возвращают его историческое название – Нижний Новгород, он становится открытым для иностранных граждан. Больше внимания уделяется его внешнему облику. С окраин строительство перемещается в исторический центр, где архитекторы стремятся максимально сохранить масштаб разновременной исторической среды города, проводя реконструктивные мероприятия и пытаясь бережно относиться к памятникам истории и архитектуры. Такая позиция, свойственная постмодернизму, побуждает архитекторов обратиться к контекстуализму, используя метод средового подхода. Этот путь позволил сохранить и обогатить старый город новыми объектами, адаптированными к историческому окружению. Некоторые из них были удостоены Государственной премии России в области архитектуры за создание самобытных региональных архитектурных произведений.

Из книги читатели узнают, что, испытывая опосредованное влияние зарубежного постмодернизма, архитектура Нижнего Новгорода в определенной степени отражает все шесть направлений, заявленных Ч. Дженксом; однако наибольшее распространение получают контекстуализм и частичный историзм. Нижегородские архитекторы используют формы и

детали прошлого, соединяя современную архитектуру с историей. Обращаясь к местным национальным традициям, к истории региона, они создают своеобразные архитектурные произведения. Желание запечатлеть «дух» конкретного места, тенденции свободного декоративизма, не подчиненного жестким нормативам, безусловно, сыграли положительную роль в деле сохранения городской среды. Возвращение архитектуре ее художественной составляющей происходило параллельно со стремлением к развитию регионального своеобразия, к гуманизации городской среды. На первый план вновь вышла проблема симбиоза традиций и новаторства. Архитекторы обратились к мотивам неорусского стиля, к романтическим мотивам модерна и ретроспективизма начала XX века. Именно в 1990-е годы Нижний Новгород стал одним из региональных центров архитектурного формообразования в России. Отметим, что в мировой архитектуре с неорегионализмом связывают надежды на обогащение современного языка архитектуры в противовес бездресному интернациональному стилю.

Неотрадиционализм как одна из составляющих постмодернизма в Нижнем Новгороде наиболее ярко проявился при проектировании и строительстве новых храмов. Источником вдохновения для современных архитекторов стало русское церковное зодчество XII – начала XX веков; это относится и к общей композиции, и к деталям.

Авторы монографии представили подробный анализ архитектуры значительного ряда жилых и общественных зданий, классифицируя их по различным стилистическим направлениям в рамках постмодернизма, давая определения этим направлениям.

В книге уделяется внимание и роли творческой личности архитектора, необычайно важной для создания региональной архитектурной школы. Отмечается, что главную роль в сложении нижегородской архитектурной школы сыграл А. Е. Харитонов, главный архитектор города в 1992–1999 годы; его организаторский талант способствовал консолидации нижегородских зодчих. А.Е. Харитонов и Е.Н. Пестов составили талантливый архитектурный дуэт и создали произведения, которые по праву вошли в число лучших не только в Нижнем Новгороде, но и в России. В заключение авторы констатируют, что новому поколению нижегородских зодчих во главе с А.Е. Харитоновым было суждено возратить архитектуре утраченную образность и выразительность, покончить с однообразием и монотонностью городской среды. Яркий период постмодернизма рубежа XX–XXI веков оставил значительный след в архитектуре города. В начале XXI века постмодернизм продолжает существовать параллельно с другими стилистическими направлениями и в ряде конкретных случаев оказывается востребованным.

В монографии показана роль и значение постмодернизма в формировании среды исторического центра Нижнего Новгорода.

В приложении приводятся краткие творческие биографии архитекторов, работавших и работающих в постмодернизме.

Монография иллюстрирована не только фотографиями, но и авторскими чертежами и эскизами, что весьма ценно при изучении истории архитектуры. Это издание полно и всесторонне раскрывает конкретный временной период глазами современников и, что особенно важно, участников этого процесса. Книга полезна не только историкам, практикующим архитекторам, студентам творческих специальностей, но также всем, кто интересуется новейшей архитектурой Нижнего Новгорода, города, который в 2021 году готовится отмечать свое 800-летие.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

О. А. Рябов

ШЕФ-РЕДАКТОР

Андрей Иудин

МАКЕТ

Арсения Костромина

ДИЗАЙНЕР ОБЛОЖКИ

Анатолий Гришин

КОРРЕКТОР

Лев Зелексон

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Валерия Белоногова

Николай Бенедиктов

Дмитрий Бирман

Ирина Горюнова (Москва)

Диана Кан (Новокуйбышевск)

Елена Крюкова

Захар Прилепин

Андрей Рудалёв (Северодвинск)

Роман Сенчин (Екатеринбург)

Евгений Эрастов

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Сергей Горин

Олег Захаров

Людмила Калинина

Александр Котюсов

Ольга Лисятникова

Надежда Преподобная

Владимир Седов

Выпуск издания осуществлен
по заказу

правительства
Нижегородской области

Издание осуществлено
при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных
технологий

и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-60285
от 19 декабря 2014 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ и ИЗДАТЕЛЬ

ООО «КНИГИ»

Адрес редакции:
603057, Нижний Новгород,
ул. Бекетова, 24/2, ООО «Книги»
Тел. (831) 412-16-04

Рукописи принимаются в редакции
или по электронной почте:
jurnalnn@yandex.ru

Сайт журнала: www.jurnalnn.ru

Тексты для публикации присылаются
отдельным файлом Word с указанием ав-
торства, наименования произведения и
краткой биографической справкой. Неот-
корректированные рукописи с большим
количеством ошибок не рассматриваются.

Редакция не вступает в переписку.
Рукописи не рецензируются и не возвраща-
ются. Ответственность за достоверность
фактов несут авторы материалов. Мнение
редакции может не совпадать с мнением
авторов.

При перепечатке материалов ссылка на
журнал «Нижний Новгород» обязательна.

Подписано к печати 07.10.2019.

Выпущено в свет 25.10.2019.

Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл.-печ. л. 21.

Тираж 800 экз. Свободная цена.

Отпечатано в типографии

АО «ИПК «Чувашия»
428019 Чувашская Республика,
Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, д. 13